

концептосфера
коммуникативный и содержательный
коммуникатор и коммуникант
коммуникативный и структурный
литературная конструкция
лексическая словоформа
лексические единицы
лексический стиль
локализация и актуализация
революционные трансформации
концептосфера
информационный
информационная картина мира
информационно-иностранный
информационный код
информационная оппозиция
информационный русский язык
коммуникативный и содержательный
коммуникатор и коммуникант
коммуникативный и структурный
литературная конструкция
лексическая словоформа
лексические единицы
лексический стиль
локализация и актуализация
революционные трансформации
концептосфера
информационный
информационная картина мира
информационно-иностранный

1

Num.

Vol. LIV

интерпретация произведения

коммуникатор и коммуникант

коммуникативный и структурный

лексический стиль

Olomouc 2015

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LIV
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1
Olomouc 2015

Hlavní redaktor – Editor-in-Chief – Главный редактор: prof. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

Výkonný redaktor – Editor – Редактор-исполнитель:
Mgr. Jindřiška Kapitánová, Ph.D., doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.

Redakční rada – Editorial Board – Редакционный совет:

prof. PhDr. Helena Flídrová, CSc. (Olomouc)
prof. dr. Ulrike Jekutsch (Greifswald)
prof. PhDr. Mária Kusá, CSc. (Bratislava)
проф. Валерий Михайлович Мокненко, д.ф.н. (Санкт Петербург)
prof. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc. (Olomouc)
prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Brno)
prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc. (Nitra)
prof. PhDr. Zdeňka Trösterová, CSc. (Ústí nad Labem)
doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc. (Olomouc)
проф. Алла Владимировна Злочевская, д.ф.н. (Москва)

Redakční kolegium – Editorial Advisory Board – Редакционная коллегия:

prof. Alla Arkhanhelska, CSc. (Olomouc)	Mgr. Jindřiška Kapitánová, Ph.D. (Olomouc)
doc. PhDr. Jiří Gazda, CSc. (Brno)	д-р Екатерина Солнцева-Накова (София)
PhDr. Jan Gregor, Ph.D. (České Budějovice)	prof. Ludmila Stěpanova, CSc. (Olomouc)
prof. UŚ dr hab. Andrzej Charciarek (Katowice)	PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D. (Olomouc)
doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D. (Olomouc)	PhDr. Marta Vágnerová, Ph.D. (České Budějovice)

Adresa redakce – Contact Address – Адрес редакции:

Rossica Olomucensia, Katedra slavistiky, Filozofická fakulta UP, Křížkovského 10, CZ-771 80 Olomouc
jindriska.kapitanova@upol.cz, jitka.komendova@upol.cz

Rossica Olomucensia – Časopis pro ruskou a slovanskou filologii navazuje na ročenku *Rossica Olomucensia* vydávanou v letech 1968–2007. Od r. 2008 jsou pod hlavičkou *Rossica Olomucensia* vydávány dvě řady: 1) **Časopis pro ruskou a slovanskou filologii** (dvakrát ročně) s uvedením ročníku a čísla (např. Vol. XLVII a Num. 1, 2) a 2) **Sborník příspěvků z mezinárodní konference Olomoucké dny rusistů** s uvedením ročníku. Obě řady jsou rozlišeny podtitulem. V r. 2009 byla *Rossica Olomucensia – Časopis pro ruskou a slovanskou filologii* zařazena na Seznam recenzovaných neimpaktovaných periodik vydávaných v České republice. Elektronická verze časopisu je umístěna na stránce: http://www.rusistika.upol.cz/veda_a_vyzkum/rossica_olomucensia.html

Vydala a vytiskla Univerzita Palackého v Olomouci
Křížkovského 8, 771 47
www.upol.cz/vup

Odpovědný redaktor: Mgr. Jana Kreiselová

Technická redakce: doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.

Návrh obálky: Ivana Perůtková

Vychází dvakrát ročně (červen a prosinec)

Náklad: 70 výtisků

ISSN 0139-9268 (print)

ISSN 1804-1434 (online)

Reg. č. MK ČR E 18418

ROSSICA OLOMUCENSIA

1

Num.

Vol. LIV

Olomouc 2015

ČASOPIS PRO RUSKOU A SLOVANSKOU FILOLOGII

Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky finanční podpoře udělené roku 2015 Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR v rámci Institucionálního rozvojového plánu, programu V. Excelence ve vzdělávání, Filozofické fakultě Univerzity Palackého v Olomouci: Podpora časopisů vydávaných na FF UP.

Adresa, na níž je možno časopis objednat:

Prodejna VUP

Biskupské náměstí 1

771 11 Olomouc

e-mail: prodejna.vup@upol.cz

e-shop: <http://www.e-vup.upol.cz/>

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LIV
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1
Olomouc 2015

STUDIE – ARTICLES – СТАТЬИ

PETER DEUTSCHMANN: Tvář v tvář zločinu? Pozorování organizované kriminality v postsocialistických společnostech (u příležitosti nového překladu knihy Niklase Luhmanna).....	5
МИХАИЛ ЭПШТЕЙН: Между небытием и воскресением. Андрей Платонов в диалоге с Н. Федоровым, М. Хайдеггером и В. Набоковым	23
МАРИНА АЛЬБЕРТОВНА ХАТЯМОВА: Особенности сюжетостроения в повести Н. Н. Берберовой «Роканваль»	43
ОКСАНА МОКЛЯК: Лексико-семантичні угруповання метафоричних афектонімів в українській мові.....	55
ЄВГЕН РЕДЬКО: Жінки. Арго. Словотвір	73

RECENZE – REWIEWS - РЕЦЕНЗИИ

Parrésia. Revue pro východní křesťanství VII. 2013 (Jitka Komendová).....	87
«Палея Толковая» в контексте древнерусской культуры XI–XVII вв.: Сборник научных работ. Науч. ред. А. Н. Ужанков (Ольга Чадаева)	89
Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV), 17. Enrique Gutiérrez Rubio, Marta Falkowska, Ekaterina Kislova, Marzena Stepień (red.): (Татьяна Лоикова-Насенко).....	92

ZPRÁVY – NOTES/NOTICES – ОТЧЕТЫ/ОБЪЯВЛЕНИЯ

JAN JENIŠTA: Zemřel Václav Burian (1959–2014).....	97
ZDENKA VYCHODILOVÁ: Životní jubileum prof. PhDr. Jany Sokolové, CSc.	99
IVANA TILKERIDU: Návštěva prof. V. V. Chimika na katedře slavistiky FF UP	101

PETER DEUTSCHMANN

Rakousko, Salzburg

TVÁŘÍ V TVÁŘ ZLOČINU? POZOROVÁNÍ ORGANIZOVANÉ KRIMINALITY V POSTSOCIALISTICKÝCH SPOLEČNOSTECH (U PŘÍLEŽITOSTI NOVÉHO PŘEKLADU KNIHY NIKLASE LUHMANN¹)

ABSTRACT:

Facing or reporting crime? Monitoring organized crime in post socialist societies

The changes in Eastern Europe after the dissolution of the Socialist Block have brought forth the notion that organized crime has become a widespread force in these societies. Yet although this notion may have some evidence in crime-rates this paper focusses on the mass-media-aspect closely linked to this issue. With special reference to Niklas Luhmann's monography on the media-system, the paper describes two aspects of mediatised crime: on one hand, the bias of the media to monitor and report "extra-ordinary" events, on the other, the tendency to second-order-observation: as shown in the paper, some more elaborated products of the comtemporary mass-media-systems do not observe/monitor society in a first-order-observation, but they are observing/monitoring the observer, i.e. other media. Both aspects, first- and second-order observation, though, significantly contribute to the idea that post socialist societies have fallen prey to organized crime.

KEY WORDS:

Organized crime – post socialist societies – systems theory – Niklas Luhmann – media studies – Russian literature and culture – Russian cinema – Aleksej Balabanov – Michal Viewegh.

¹ Luhmann, N. (2014): *Realita masmédií*. Praha: Academia. Z německého originálu přeložila Katrin Vodrážková. První německé vydání vyšlo v roce 1995. Luhmann poté ještě do své smrti v roce 1997 zveřejnil několik monografií, ty ale měly rekapitulační, zobecňující charakter. *Realita masmédií* je věnována pouze jednomu ze subsystémů.

1. Úvod

Takzvané postsocialistické společnosti prošly během posledních pětadvaceti let turbulentním vývojem; reorganizace v oblasti politiky, správy a odklon od socialistického plánovaného hospodářství, se kterým bylo často spojeno přerozdělování někdejšího „majetku lidu“, nevedla, jak by se dalo předpokládat, k sociálním nepokojům. Tato transformace proběhla – pokud odhlédneme od nacionálně-politicky motivovaných konfliktů na území bývalé Jugoslávie a současné Ukrajiny – bez větších násilností, či dokonce občanských válek. Masmédia nicméně začala tematizovat fenomén, který pro dané společnosti představuje značný zdroj iritace, a to nejen v rámci popisu sebe sama, ale i pro jejich pozorovatele zvnějšku, totiž fenomén organizované kriminality. Jako by jí byly postsocialistické společnosti přímo prostoupeny. Toto platí především pro pozdní osmdesátá a celá devadesátá léta v těchto společnostech. Později se zdá, že je do očí bijící organizovaná kriminalita na ústupu.²

I když je velmi pravděpodobné, že na přesunu kolektivního vlastnictví do soukromých rukou mají svůj podíl i neprůhledné machinace, je organizovaná kriminalita zároveň fenoménem, který by měl být zkoumán i z hlediska fungování masmédií. Pouze tento druhý – masmediální – aspekt je předmětem tohoto příspěvku, který se opírá o nejnovější překlad poslední monografie Niklase Luhmanna, vytvořené ještě za jeho života a věnované pouze jednomu ze subsystémů moderní společnosti. Tento teoretický rámec je zde použit zejména ve vztahu k fenoménům ruské kultury, avšak jeho aplikace i na ostatní postsocialistické společnosti nepředstavuje problém.

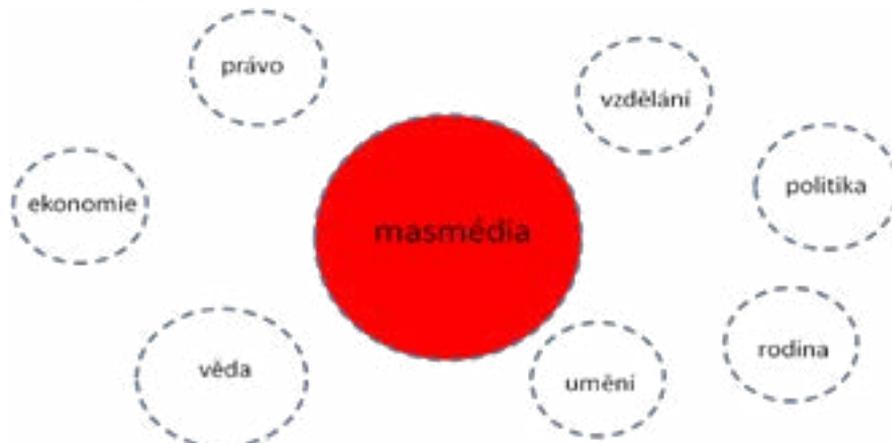
² Konjunktura tématu organizované kriminality je doložitelná také kvantitativně, a sice pomocí *Nacional'nogo korpusa ruskogo jazyka*. V sedmdesátých letech sice v ruštině nacházíme doklady užití slova mafie, ty se nicméně nevztahují k ruským nebo sovětským poměrům. Tato situace se mění v průběhu osmdesátých let, kdy je výraz mafie, který byl dříve používán ve vztahu k italským nebo americkým reáliím, přenesen na sociální jevy v Rusku. Prostřednictvím korpusu můžeme rovněž zjistit, že román Eduarda Limonova *Molodoj negoďaj* (1986 v pařížském samizdatu), ve kterém je popisováno charkovské podsvětí, patří nejspíš k prvním textům, ve kterých je o mafii řeč. Brzy poté následoval text Edvarda Radzinského *Sportivnyje sceny 80-ch* (1986). V nebeletristických textech se sovětskou tematikou se „mafie“ objevuje až v letech 1988–1989. Obzvláště populárním v médiích se tento výraz stal v devadesátých letech. Korpusový výzkum jen potvrzuje tezi novinářů a jiných pozorovatelů, podle které se „mafie“ stala v hovorovém jazyce devadesátých let nadbytečně užívaným výrazem, jehož význam byl do značné míry neurčitý a mohl zahrnovat jak všechno spojené s kriminalitou, tak neprůhledné finanční machinace a státní korupci [Bonavita 1999: 91].

2. Základní teoretické předpoklady

Ve své sociologické systémové teorii, opírající se o diachronně-evoluční argumenty, popisuje Luhmann moderní společnost na pozadí dvou jiných forem společnosti, které sice vznikly dříve, avšak jejich rudimenty lze stále rozpoznat v moderní společnosti euroamerického typu, diferencované na základě funkčních dílčích systémů: první ranou formu společnosti se segmentovanou organizací (relativně malé, identicky organizované jednotky bez výrazného hierarchického odstupňování) lze nalézt všude tam, kde jsou v moderních společnostech plněny totožné funkce. Například ve vzdělávacím systému existují všude tytéž typy škol, které plní edukační funkce, a v ekonomickém systému můžeme pozorovat podobné jednotky produkce a distribuce, které plní funkce ekonomické. Druhý typ organizace společnosti – stratifikační typ – se vyznačuje propracovanou hierarchií a orientací na mocenské centrum, které kontroluje prakticky všechny relevantní oblasti společnosti. Toto stavovské rozvrstvení, typické pro antickou a středověkou společnost, nacházíme v moderní společnosti tam, kde se setkáváme s hierarchiemi, např. v politice nebo různých organizacích. Tyto hierarchie už nejsou pochopitelně tak ustrnulé a neotřesitelné jako stavovské pořádky minulosti. Funkčně diferencovaná společnost, která začíná vznikat v 18. století v důsledku odstraňování feudálních poměrů, je charakteristická tím, že každý z jejích dílčích systémů – politika, ekonomika, právo, vzdělávání, věda, náboženství, umění a masmédiá – plní svoje specifické funkce.

Tyto dílčí systémy jsou na sobě přitom natolik nezávislé, že každý z nich plní svoje funkce na základě vlastních rozhodnutí, popř. kódů a nezávisí bezprostředně na ostatních systémech. Politika přijímá taková rozhodnutí pro společnost, která jí přísluší, ale už nerozhoduje o tom, jak se má chovat soukromá firma, kdo má být odsouzen, co je to umění, jakým výzkumům se má věnovat věda atd. Tato tzv. autopoiesis dílčích systémů – tím je míněn fakt, že si jednotlivé dílčí systémy rozhodují o svých operacích samy – neznamená pochopitelně jejich úplnou izolaci. Operace jednoho dílčího systému mohou mít dopad na operace druhého dílčího systému, ale ne všechno, co probíhá v prostředí toho kterého dílčího systému, pro něj musí být relevantní [Baraldi/Corsi/Esposito 1997: 195–199]. Rozhodnutí právního systému mohou mít vliv na politiku, ekonomiku, umění atd., ale ne všechna rozhodnutí tohoto dílčího systému mají stejný dosah z pohledu systémů ostatních. Operace ekonomického systému také ne vždy ovlivňují ostatní dílčí systémy. Jak ale ukázala ekonomická krize posledních let, nejen politika, ale i ostatní dílčí systémy reagují podle svých specifických kódů na změny v tomto systému.

Masmédia pozorují svět podle kódu *informace/ne-informace*:

3. Masmédia z hlediska systémové teorie

Masmédiím jako dílčímu systému připisuje Luhmann funkci pozorovat všechny ostatní dílčí systémy moderní společnosti a následně informovat o těch změnách v prostředí daných dílčích systémů, které by pro ně mohly být relevantní. Oproti dřívějším formám společnosti je totiž moderní společnost natolik komplexní, že její členové nemohou v žádném případě pozorovat všechno sami, nýbrž jsou odkázáni na pozorování jiných pozorovatelů. Autoptické poznání, které získává jednotlivec na základě vlastní zkušenosti se světem, je jen relativně malá část toho, co o světě, resp. o společnosti ví. Bezprostřední zkušenost nám odkrývá jen malou výseč světa, zbytek našeho vědění je zprostředkován mediálně [Eco 1994: 118–124]. Větší část tohoto vědění je zprostředkována pomocí komunikace, která je často komunikací mediální. Masmédia jsou v moderních společnostech nejdůležitějšími pozorovateli, jejichž pozorování pozorujeme, a mají pro moderní kultury a společnosti zásadní význam, neboť přispívají k rozšiřování vědění jejich členů.

[...] při tvorbě latentní kultury každodennosti [...] působí programové oblasti společně a zalévají zároveň stejný záhon, ze kterého lze podle potřeby sklízet. Masmédia nejsou tedy médii v tom smyslu, že přenášejí informace od vědoucích k nevědoucím. Médii jsou potud, pokud připraví základní informace a pokaždé je aktualizují, aby z nich bylo možné při komunikaci vycházet [Luhmann 1995: 121].

Z výkladu těchto základních tezí Luhmannovy systémové teorie vyplývá důležitost role, kterou hrají masmédia při utváření vědomí o kriminálních procesech ve společnosti. V souladu se svou informativní funkcí totiž zpravují i o událostech, jako jsou zločiny, korupce, násilí atd., a přispívají

tak ke komunikačnímu vědění společnosti o sobě samé. Tento poznatek pochopitelně není novým objevem v oblasti světa médií. Mnohem přínosnější je ale popis masmédií z hlediska systémové teorie tehdy, když mediální operace zkoumáme podrobněji.

Z jedné strany nám naše vědění o organizované kriminalitě zprostředkovávají média, z druhé strany se jí ale zabývají i jiné společenské dílčí systémy – především ekonomika, právo a politika/moc. Tyto dílčí systémy mají své vlastní způsoby zacházení s organizovaným zločinem, jejichž popis by byl ale záležitostí interdisciplinárního zkoumání a překročil by rámec kulturologické studie.

Název Luhmannovy knihy – *Realita masmédií* (*Die Realität der Massenmedien*) – je možné vykládat dvěma způsoby: jako genitivus objectivus nebo genitivus subjectivus. *Realita masmédií* tedy znamená, že masmédia jsou součástí reality (genitivus objectivus), ale vyjadřuje také fakt, že masmédia tuto realitu, představy o ní, konstruuji (genitivus subjectivus): „To, co víme o společnosti, ba o světě, ve kterém žijeme, víme prostřednictvím masmédií“ [Luhmann 1995: 9].

Podle Luhmanna má mediálně zprostředkované vědění svá specifika, která vyplývají ze systému masmédií. Podle jeho definice se masmédia vyznačují technickou reprodukcí, přímá komunikace či interakce mezi vysílatelem a příjemcem je do značné míry znemožněna, což má za následek skutečnost, že se systémy podílející se na mediálně zprostředkované komunikaci³ organizují a vyvíjejí samostatně.

Jak již bylo řečeno, masmédia pozorují svět, popř. společnost, avšak současně my sami pozorujeme tyto pozorovatele, což má pro popis z hlediska systémové teorie nemalý význam. Jde o pozorování pozorování, tedy o pozorování druhého řádu.

Pojem pozorování, který Luhmann začal silněji akcentovat až ve svých pozdějších dílech, však nemůžeme zúžit jen na vizuálně, byť zrak poskytuje největší možnost názorného porovnání. Pozorovatelé, kteří se nacházejí uvnitř světa, jsou omezeni na pozorování jeho určité výseče, nikdy nemohou pozorovat všechno. Pozorovatelé pozorovatelů však mohou být s to vidět, že pozorovatelé prvního řádu vidí pouze určitou výseč a nic víc. Takovým způsobem je tedy pozorována slepá skvrna pozorovatelů prvního řádu.

³ Tato abstraktní formulace se vztahuje i na psychické systémy adresanta a adresáta (příjemce), ale také na sociální systémy, jako jsou redakce, nakladatelství, vysílací stanice atd., které často vynakládají nemalé úsilí, aby získaly informace o svých příjemcích, kteří s nimi nejsou v přímém kontaktu.

Jako všichni pozorovatelé mají ale i pozorovatelé druhého řádu svoji slepou skvrnu, která může být pozorována pouze pozorovateli třetího řádu, atd.⁴

Mám důvody k domněnce, kterou zde ale nemohu podrobněji rozvinout, že v moderních společnostech se pozorování pozorovatelů, přesun vědomí reality do sféry popisování popisů, kdy vnímáme to, co druzí říkají nebo neříkají, stalo hlavním způsobem vnímání světa, a to ve všech důležitých funkčních oblastech, ve vědě stejně jako v ekonomii, v umění stejně jako v politice. Informujeme se o věcech jen s ohledem na to, co o nich říkají druzí. Člověk může být také jedním z těch druhých, nemusí pokládat za pravdivé to co ostatní, ale pokud by se k tomu chtěl postavit kriticky, musel by sám sebe pozorovat a rozmyslet si, jaké důvody ho vedou k tomu, aby daný názor nesdílel, danou módu přeskočil [Luhmann 2002: 140].

Pojem pozorování, chápaný jako abstrakce vizuálního pozorování, se vztahuje rovněž na nadindividuální systémy, na komunikace a organizace, jako jsou masmédiá. V souvislosti s nimi neznámá pozorování nic jiného, než že média tematizují své prostředí (svět, společnost) tím, že něco **označují** a **rozlišují**. Označování je možné také obecněji charakterizovat jako proces reference a predikace, čímž je míněno, že témata jsou médií vybírána. Tato operace je nutně provázána rozlišováním. Toto je však méně zřetelné, protože označování ex negativo nechává nepojmenovaným všechno, od čeho se odlišuje.⁵

Média tedy pozorují svět, přičemž ho „ohmatávají“, resp. „skenují“ na základě svého systémově specifického kódu – informace/ne-informace. To, co platí za informaci, je přijato do mediálního systému, co ne, je z něj vyloučeno a neobjevuje se v něm.⁶

Rozlišování na základě principu informace/ne-informace, podle kterého, jak soudí Luhmann, masmédiá postupují, zahrnuje kompletní škálu mediálních obsahů. Luhmann rozděluje mediální obsahy do tří velkých programových oblastí. Nazývá je: 1) zprávy a zpravodajství, 2) reklama,

⁴ Nikdo není schopen pozorovat všechna pozorování světa – tato schopnost je, jak známo, připisována pouze Bohu, který má být vševidoucí. Právě o něm se přece říká, že všechno vidí, všechno čte a všechno ví.

⁵ „Pozorovatel není pouze psychickým systémem, není pouze vědomím. Je definován zcela formálně – rozlišování a označování. Stejně tak i komunikace. Mluvíme o něčem určitém a to, o čem mluvíme, činíme tématem.“

⁶ Co se týče jejích teoretických poznatků, je Luhmannova systémová teorie někdy až překvapivě prostá. Každému z dílčích systémů, které byly uvedeny v kapitole 2, je přiřazen binární kód. Tento kód stručně popisuje specifické operace daného systému, tedy to, jak ten který systém ve svém společenském prostředí koná, resp. jak jej „pozoruje“. Dílčí systém právo operuje podle kódu spravedlivý/ne-spravedlivý, resp. vinen/ne-vinen, dílčí systém ekonomika podle kódu platit/ne-platit, dílčí systém politika - konstitutivní moc podle kódu mocný/mocnému podřízený, věda podle kódu pravdivý/nepravdivý, umění podle kódu hodí se/ne-hodí se, resp. krásný/ne-krásný atd.

3) zábava.⁷ Všechny tři programové oblasti fungují na principu informace/ne-informace. Na základě prací různých autorů specializujících se na oblast komunikační vědy sestavil Luhmann 10 selektivních kritérií,⁸ která detailně vysvětlují, co je podle kódu informace/ne-informace vhodné k popisu v médiích. Když se na tato kritéria podíváme blíže, uvidíme, že otřesy, ke kterým došlo v Rusku v souvislosti s rozpadem starého systému, měly ideální šanci stát se tématem mediálního systému. Jako příklad může sloužit tento novinový titul:

Тайный арсенал мафии. 26 тысяч стволов огнестрельного оружия украдено со складов Минобороны. Ип: «Новая газета», 2003.01.16

Tento výběr odpovídá přinejmenším kritériím, podle kterých musí být informace pro publikum nová (1). Zmíněním loupeže vzniká situace, která vytváří určité napětí či nejistotu, což odpovídá kladení důrazu na konflikty (2). Přesně vyčíslený počet ukradených zbraní odpovídá upřednostňování kvantity a s ní spojeným účinkem velkého počtu (3). Loupež má samozřejmě i lokální vztah; zpráva o odcizení zbraní v nějaké vzdálené zemi by moc šanci na přijetí do systému neměla (4). Evidentně se jedná o narušení normy, které ex negativo – protože norma sama nenesé žádnou informační hodnotu – vyvolává u publika „pocit společného postižení a rozhořčení“ a zároveň ho nechává na pochybách, jaký je vlastně vztah mezi normou a jejím narušením [Luhmann 1995: 62] (5), které může být, jakožto krádež nebezpečných předmětů, hodnoceno z hlediska morálky (6). Zároveň dochází okamžitě k pokusu označit aktéra, který za loupeži stojí – mafie (7). Toto kritérium je v daném titulku splněno spíše nepřímo. Větě (ukradeno), která informuje o loupeži, předchází náznak, že jejím původcem byla mafie. Přitom se jedná o ojedinělý, jasně definovatelný případ, a ne o něco, co se stává denně, např. onemocnění lidí apod. (8).⁹

Když média postupují v programové oblasti „zprávy a zpravodajství“ podle těchto selektivních kritérií, vyplývají z toho zásadní důsledky pro masmediální komunikaci a pro obraz světa, který tato komunikace vytváří.

Protože se za pozorování pokládá rozlišování a označování, vznikají z tohoto pozorování dvě stránky světa, totiž ta systémem označená na jedné

⁷ V elektronických médiích – rozhlase a televizi, v tištěných médiích, novinách a časopisech – jsou tyto tři programové oblasti skutečně spojené v rámci jedné mediální platformy.

⁸ Viz [Luhmann 1995: 57-72]. Média upřednostňují: (1) novotu, (2) konflikt, (3) kvantitu, (4) lokální vztah, (5) narušení normy, (6) možnost morálního hodnocení, (7) možnost připsání individuální zodpovědnosti za dané konání, (8) ojedinělé případy, (9) vyjádření názorů, které jsou médií šířeny ve formě zpráv – „Svět je zároveň vyplněn šumem, iniciativou, komentáři, kritikou“ [Luhmann 1995: 70]. Selektce je organizována podle konstantních postupů v redakcích masmédií. (10)

⁹ Selektivní kritéria (9) a (10) nejsou pro náš příklad relevantní.

straně a ta systémem neoznačená, nerozlišená na straně druhé. Že mediální komunikace ze svého prostředí různé jevy selektuje a ty poté komunikuje, je možné názorně přiblížit, jestliže se člověk vydá do tzv. nebezpečných měst nebo oblastí. Kdo byl někdy v Neapoli nebo na Sicílii, kladl si možná otázku, kde je možné pozorovat ten organizovaný zločin, který se v médiích neodmyslitelně váže právě k těmto místům. Pozorování médií, které je nutné dát do souvislosti s jejich systémovými operacemi, neodpovídá pozorování turistů.

Realita masmédií nicméně není, a to je velmi důležitý bod v Luhmannově popisu mediálního světa, realitou falešnou, pokřivenou nebo simulovanou, proti níž by bylo možné postavit nějakou opravdovou, skutečnou realitu jako korektiv. Je možné nanejvýš provést jiná pozorování, což např. turisté na Sicílii také bezděčně činí. Pozorování mediálního světa jsou podle uvedených kritérií vybírána a přetvářena tak, jak to odpovídá specifickým tohoto systému. Tak vznikají tzv. mediální identity – mediální objekty, kondenzáty smyslu, témata – všechno nové konstrukty, které v této specifické formě v reálné realitě neexistují, protože jsou závislé na pozorovateli a systému. Organizovaná kriminalita nebo ruská mafie tak mohou sloužit jako ideální příklad tématu, které bylo médií vytvořeno a zpracováno. Luhmannovo pojetí mediální teorie má při všem jeho konstruktivismu svoji silnou stránku v blízkosti ke skutečnosti, která je naznačena už v dvojznačnosti genitivu v názvu knihy. Můžeme lehce rozpoznat, že svět, který se objevuje v médiích, je jiný než svět pozorování prvního řádu. Avšak svět, který je mediálně zprostředkovaný a zpracovaný v souladu se systémovými principy, neztrácí u Luhmanna zcela status skutečnosti, jako je tomu v paušalizující tezi Baudrillardově, podle které je možné svět vytvořený médií označit za simulakrum. Baudrillard prosazuje pouze onen iluzorní aspekt médií, který generuje simulakra, a v rámci esejistické hyperboly přechází bez povšimnutí jednu méně senzační skutečnost, a sice, že média zpravidla informace o světě nějakým způsobem zprostředkovávají, a tedy nevytvářejí pouze manipulativně iluzi světa. Luhmann vidí obě strany: zprostředkovací funkci médií, která operují v souladu s vnitřními systémovými principy a která zároveň představují svět vzniklý na základě mediálních pozorování. Tento svět se liší od světa pozorování prvního řádu.

4. Postsovětský mediální svět a vnímání organizovaného zločinu

Rozpad sovětského systému a prudký přechod do nové, mnohem méně reglementované společnosti v devadesátých letech změnil pochopitelně i média. Jejich instrumentalizaci v zájmu strany a vlády vystřídal závislost na soukromých finančnících (oligarších jako např. B. Gusinskij nebo B. Bere-

zovskij – finančníci s hlavním slovem v MediaMOST a TV6), později přišla také závislost na reklamě a čtenářích. Především se ale média zbavila ideologického nátlaku ze strany politického systému [Hübner 1998: 3–13]; otázka manipulace médií se tak pluralizovala. Jestliže byla média za sovětských dob hlásnou troubou režimu řízenou z politického centra, pak měla diverzifikace mediální krajiny v novém systému za následek mnohem nepřehlednější vazby. Luhmann poukazuje na to, že otázka ovlivňování médií je v souvislosti s otázkou jejich financování velmi ožehavým tématem, zároveň ale nemůže být tato otázka zjednodušována, protože operace médií – jejich existence v ekonomickém a společenském prostředí, od kterých se jako systém diferencují – nemohou být externím pozorovatelem prohlédnuty. Pokud mají média možnost rozhodovat sama o tom, o čem informují, získává také jejich selekce odpovídající váhu. Jestliže jsou ale ve svém výběru ovlivňována, zájem adresátů komunikace o ně logicky upadá [Luhmann 1995: 30; 50]. Boris Groys nazval svoji tzv. „fenomenologii médií“ z roku 2000 *V podezření*. Pro něj je submediální prostor, který se skrývá pod povrchem médií, prostorem podezření. Informace jsou sice komunikovány, kdo ale určuje, které informace to budou? Tyto instance, které jsou skryty za viditelnou informací, zůstávají intransparentní [Groys 2000: 44-52].

Tato myšlenka, týkající se skrytých zájmů při mediální selekci, je pro reflexi pozorování organizovaného zločinu velmi relevantní. Německý analytik Bernd Knabe, který je autorem fundovaných zpráv o situaci Ruska v postsovětském období, například píše, že někdejší sovětská nomenklatura mohla cíleně manipulovat médii, aby s pomocí tématu zločin a nebezpečí odradila obyvatele od investic při přerozdělování státního majetku. Podle Knabeho si touto manipulací vytvořila někdejší nomenklatura ekonomickou výhodu.

Skrze nárůst běžné kriminality, která ohrožuje každého občana, jeho rodinu a majetek, měla být většina obyvatel odrazována od podílení se na nejdůležitějších procesech, které probíhaly v oblasti hospodářské politiky – privatizace, zakládání bank a firem. Kromě toho měla být teprve se rodící důvěra k novým strukturám právního státu a tržního hospodářství trvale poškozena, takže jakákoliv vlastní ekonomická iniciativa, včetně spoření a investičních aktivit, se musela zdát naprosto zbytečnou [Knabe 1998: 6].

Vznik tisku, který byl z větší části nezávislý na politické moci, s sebou ale v pozdních osmdesátých a poté v devadesátých letech přinesl i komunikování zcela nových informací. Média si nyní mohla sama rozhodovat, co budou pozorovat, co přinesou jako zprávu a co ne. Zvýšená frekvence zpráv o organizovaném zločinu v masmédiích devadesátých let má několik implikací.

1. Společenské změny byly ohromné a při přerozdělování někdejšího státního majetku docházelo často ke zločinům. Kromě toho byly státní kontrolní mechanismy natolik slabé, že se do získávání finančních prostředků zapojil i organizovaný zločin, resp. se obohacoval sám byrokratický aparát jako „státní mafie“ [Schmid 1996: 75–96].

2. Protože mohla média sama rozhodovat o náplni svých zpráv, řídila se podle svých selektivních kritérií. To je také jedna z příčin zvýšené frekvence zpráv o organizovaném zločinu.

3. V souladu se známým výrokem „Only bad news are good news“ jsou narušení normy, tedy abnormality, důvodem pro selekci. Nepřímo se tak rovněž utvrzuje norma, která ale není explicitní.

4. Současně však vzniká problém, protože na základě informace o abnormalitě není možné poznat ani rozsah této abnormality, ani rozsah normality. Předmětem zprávy je totiž pouze odchylka, nikoliv norma samotná.

5. To může vést k tomu, že mediálními konzumentům není jasné, zda privatizace státního majetku probíhala čestnou, legální cestou, nebo zda byly ilegální machinace při těchto procesech pravidlem. Z výšece reality často synekdochicky – pars pro toto – soudíme o celku. Sergej Govoruchin roku 1996 ve své knize *Strana vorov na doroge v svetloje buduščejje* píše: „Proměna tak obrovského teritoria v kriminální zónu bude mít dopad na kriminální situaci v celém světě“ [Govoruchin 1996: 93]. Jestliže pozorujeme masmediální mechanismy z Luhmannova pohledu, můžeme říci, že Govoruchin přehlédl skutečnost, že je jen pozorovatelem mediálních pozorovatelů, a proto mediální selekci dostatečně nezohledňuje.

Někdy média sama poukazují na své selektivní mechanismy, jako například populární pořad televize NTV *Črezvyčajnye proisšestvija*, který přinášel reportáže o kriminálních činech a černou kroniku. Z názvu pořadu vyplývá, že řeč je o výjimečných případech, nikoli o pravidelnostech.

6. Z jedné strany, jak ukazují stížnosti na vysoký počet narušení norem a s nimi spojené apely na morálku, je realita vytvořená masmédií pokládána za realitu samotnou, z druhé strany se ale také objevuje reflexe, která přivedla k rozšířenému „zdomácnění v modu pozorování druhého řádu“ [Luhmann 1995: 152]. Tím Luhmann myslí fakt, že v moderních společnostech jsou prvky Co? (informace) a Jak? (sdělení) rozlišovány. Účastníci mediální komunikace vědí, že mezi nimi a světem stojí média, jejichž operace řídí selektivní mechanismy.

Změna z řízené sovětské společnosti na málo reglementovanou, chaotickou společnost pozdních osmdesátých a devadesátých let má tedy i masmediální složku. V Sovětském svazu se „kritičtí mediální konzumenti“ rychle naučili,

co to znamená pozorování druhého řádu. Museli totiž zohledňovat fakt, že vším, co bylo sdělováno mediálním systémem, který byl závislý na politické moci, bylo touto mocí manipulováno. Tato specificky sovětská „mediální kompetence“ upadla rychle v zapomnění, jakmile díky glasnosti začala postupně mizet cenzura. Ze zpráv o maffii vznikl dojem, že je jí celá země ovládána.

Jak již bylo řečeno, Luhmann poznamenává, že s informací o narušení normy jde často ruku v ruce hodnocení z morálního hlediska, takže jednou z funkcí médií je rovněž morálku ve společnosti zachovávat. Devadesátá léta tedy není možné popsat pouze jako dekádu chaotických změn a závažných zločinů. Je nutné je chápat také jako desetiletí volání po morálce a mravnosti, které bylo spolu se zprávami o změnách a narušování norem mediálně šířeno.

5. Pozorování reality v programové oblasti zábava

Protože programová oblast zprávy a zpravodajství má za úkol informovat o realitě, je její potenciál k vyvolávání znepokojení větší, než je tomu v programové oblasti zábava, která je zbavena nutné orientace na skutečnost a může tak předkládat fiktivní obsahy. Toto odloučení od skutečnosti má za následek, že povědomí o selektivitě mediálních operací je větší. Víme, že je něco produkováno a že nejde o pouhou referenci. Proto také můžeme kritizovat výběr mediálního formátu. Toto povědomí mediálních konzumentů o mediální selekci funguje v programové oblasti zábava evidentně lépe, jak dokládá například výraz „černucha“, který byl během perestrojky a v devadesátých letech v Rusku velmi rozšířen. Jako *černucha* jsou – s nádechem pohrdání – označovány filmy nebo literatura, které tematizují stinné stránky života.¹⁰ Tímto pojmem byl kritizován přílišný důraz na negativní témata.

U komunikace produkované masmédií je vždy třeba zohledňovat zprostředkující funkci médií. Pokud tak neučiníme, pozorování druhého řádu – tedy to, že pozorujeme jakožto recipienti médium, které ze své pozice pozoruje skutečnost – zaměníme s pozorováním prvního řádu – tedy s pozorováním reality. Tato záměna může proběhnout i v rámci programové oblasti zábava, pokud chápeme komunikaci masmédií jako pozorování světa, ačkoliv tato komunikace není pozorováním světa, ale pozorováním

¹⁰Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX века. Под редакцией Г. Л. СКЛЯРЕВСКОЙ: ИЛИ РАН Москва: Астрель 1995 characterizuje slovo „černucha“ jako hovorové a definuje ho následovně: «Произведение (в основном кинематографическое), изображающее исключительно отрицательные стороны действительности, проникнутые духом беспросветности и обреченности, избыливающее сценами жестокости и насилия; любая информация такого содержания.» (str. 848)

mediálního pozorování. Tuto záměnu můžeme podle mého názoru sledovat v souvislosti s recepcí filmu *Žmurki* Alexeje Balabanova. Pokud na něj budeme nahlížet jako na fiktivní pozorování devadesátých let, potom jsou *Žmurki* filmem o gangsterech, který až na pár vypointovaných dialogů není vůbec vtipný, naopak svými brutálními záběry mučení a potoků krve spíše šokuje.¹¹ Své žánrové označení «комедия» (s obtížně přeložitelným atributem «беспредельная» – zločinecká, transgresivní komedie) si film zaslouží jen tehdy, budeme-li jej chápat jako ironický komentář ke světu vytvořenému médiu, tedy jako pozorování mediálního pozorování. *Žmurki* v sobě koncentrují všechna klíšé, která byla médiu o světě devadesátých let vytvořena. Proto je třeba tento Balabanovův počin chápat jako metamediální film, který není pozorováním divokých a zločinných devadesátých let, nýbrž představuje pozorování masmediálního pozorování této epochy. Film rovněž předkládá představu o Rusku devadesátých let tak, jak ji prezentovala masmédiá. *Žmurki* je tak možné přirovnat k metadiskurzivní literatuře Vladimira Sorokina osmdesátých a devadesátých let. V případě Balabanovova filmu je ale nutné dodat, že ona „komická“ metamediální rovina není všem bez výjimky srozumitelná, jak ukazují internetové komentáře, které často srovnávají filmovou naraci s „realitou“. Z toho je možné usuzovat na nepochopení filmu. Ironický text filmového plakátu «для тех, кто выжил в 90-е» poukazuje především na nesoulad mezi každodenním pozorováním a mediální selekcí. I sám název filmu může nabízet návod na náležitou recepci. Slovo *žmurki* znamená v ruštině „slepá bába“. Název tedy implikuje, že vědění o ruském světě devadesátých let bylo hrou na slepou bábu, pokud se člověk spoléhal pouze na informace z médií.

V zábavné literatuře nacházíme často ironické odkazy na organizovanou kriminalitu a můžeme tak stejně jako v případě filmu *Žmurki* pozorovat vztah mezi masmediálně zpracovanou tematikou „organizovaného zločinu“ a kritikou tohoto mediálního obrazu. V humoristické povídce Andreje Tumanova s názvem *Killer* je profese zabijáka představena jako zcela běžné zaměstnání, které je možné získat i na pracovním úřadě. Nadbytečné užívání slova „mafie“ v první polovině devadesátých let si bere na mušku moskevský satirik Alexandr Chort, když ve své krátké povídce *Doloi mafiju!* líčí příběh bázlivé manželky, která se obává, že transparent s nápisem «Долой коррумпированную мафию», který nese její muž na jedné demonstraci, rozčílí jejich sousedku. Ta pracuje v knihkupectví a slíbila, že jí dá stranou pětisvazkové vydání Pasternaka. Tyto filmové a literární satiry vytváří fiktivní světy, které

¹¹ Během natáčení se údajně spotřebovalo 50 litrů umělé krve. <http://www.kinopoisk.ru/film/84830/> (10. 10. 2014)

se v jistém ohledu – tím, že je v nich něco nadneseno, groteskně pokriveno – od každodenních pozorování nebo od pozorování masmédií odlišují.

Obecně se programová oblast zábava vyznačuje tím, že předkládá recipientovi možnost srovnávání mezi fiktivní nebo imaginární realitou a vlastní skutečností. Při sledování nedávno natočeného detektivního seriálu z produkce televizní stanice ARD *Im Angesicht des Verbrechens (Tváří v tvář zločinu)*, režie Dominik Graf, Německo 2011) má publikum možnost nahlédnout do světa machinací mafiánských band, které vytvořily svou organizaci za kulisami ruských restaurací v Berlíně. Televizní diváci tento typ restaurací znají. Proto má na atraktivitě seriálu velký podíl skutečnost, že se v něm nabízí imaginární pohled za známé, každodenně pozorované kulisy. Tento seriál rozvíjí obraz východoevropských zločineckých skupin, který se začal v německých médiích často objevovat v devadesátých letech, je ale díky své délce a počtu postav mnohem komplexnější než jeden díl *Tatort (Místo činu)*. V Rusku také existuje řada populárních seriálů, např. *Ulica razbitych fonarej*, při jejichž sledování může publikum své zkušenosti s realitou propojit s fiktivními světy. Pro zábavu tedy není důležitý pouze fiktivní svět samotný, ale také jeho prolnutí se světem reality, které má proběhnout v divákovi. Tento recept používá i Michal Viewegh v knize *Mafie v Praze (2011)* a *Mráz přichází z Hradu (2012)*. Pro navození dojmu autenticity, který má podtrhovat realističnost fikce, používá autor například odkaz na konzultaci s novinářem Jaroslavem Kmentou, který se zabývá napojením organizovaného zločinu na české politické elity. Znásobením reality pomocí fikcí produkuje alternativní světy, které se mohou – jsou-li ztvárněny realisticky – značně přibližovat skutečnosti. Zároveň je to právě fikce (a nikoli realita), jež umožňuje orientaci ve světě. Fiktivní svět dovoluje provádět taková pozorování, která nejsou v reálném světě možná. Tento pohled zábavy na skutečnost je fiktivní, což znamená, že vyžaduje *the willing suspension of disbelief* čili poskytuje pozorovateli na bázi víry ve fiktivní světy dostatek možností pro srovnávání, případně sebeidentifikaci. Romány Andreje Kurkova *Piknik na ldu (1997)* a *Zakon ulitki (2005)* poskytují vhled do života muže, který je součástí jedné mafiánské organizace. Čtenář tak může pozorovat nejen socioekonomické mechanismy podsvětí, ale personální vypravěčská situace umožňuje rovněž spoluprožívání a vhled do vnitřního světa hrdiny (což je ovšem surreálně ozvláštněno postavou tučňáka, kterou je možné pokládat za umělecký postup mající za úkol zdůraznění fikce).¹²

¹²Ve Vieweghově *Mafii v Praze* je to z jedné strany kompozice, která sebereflexivně upozorňuje na příslušnost textu k žánru detektivního románu (drobné detaily odkazují mimo text a jsou zároveň zakomponovány do syžetotvorné zápletky), z druhé strany je to hra s názvy rolí (typy figur z kriminálních románů jsou naznačeny velkými písmeny – Pochůzkář, Plukovník, Žurnalista, Chemik atd.).

6. Závěr

I pro masmediální pozorování platí skutečnost, že jakékoliv pozorování prostředí je vždy specifické pro ten který systém. Ne všechna pozorování v souvislosti s mediálním tématem „organizovaný zločin“ musejí dospět ke stejným závěrům. Jiná pozorování organizovaného zločinu v programové oblasti zábava dospívají ke značně odlišným poznatkům, což ale neznamená, že se tato pozorování vzájemně vylučují. Filmová kritička Natalija Sirivlja napsala v roce 1993 v časopisu *Iskusstvo kino*, že tematiku mafie je v mnohých filmech raných devadesátých let třeba chápat jako symbol ruské společnosti. O týchž filmech (*Ja sama, Ka-ka-du, Palač, Za deň do...*) soudí oxfordská slavistka Lynne Atwood něco zcela odlišného. Podle ní tyto velmi rychle vzniklé filmy o mafii utvrzují tradiční genderové role – muži prokazují svoji odvahu a sílu v tvrdém boji proti mafii, kdežto ženy jsou oběťmi společenských změn [Attwood 1995].

Třetí, hegelianská, pozorovatelská perspektiva nám dovoluje konstatovat, že v důsledku rozpadu státních autorit došlo z pohledu filozofie dějin k návratu do patriarchálních poměrů, ve kterých funguje „rodina“ jako jediný prostor pro existenci nadindividuální morálky. Výraz „rodina“ není jenom eufemismem užívaným pro mafii, resp. pro klanové struktury obecně. Všechny tyto skupiny skutečně samy sebe považují za organizace, které představují alternativu ke státní moci. Návrat do předstátních patriarchálních poměrů evokují už samotné názvy, které označují rodinné vztahy. Vezměme například dílogii Alexeje Balabanova *Brat* a její ženský sequel *Sestry* (2001) Sergeje Bodrova. Metaforicky se tato terminologie příbuzenských vztahů samozřejmě snaží probudit v divákovi neonacionalistické romantické pocity vlastenectví [Binder 2004: 186].

Chceme-li shrnout problém tematizace organizovaného zločinu v masmédiích z pohledu Luhmannovy systémové teorie, dospějeme k následujícím poznatkům.

1) Organizovaná kriminalita samozřejmě není výmyslem médií. Představuje však pro ně objekt mimořádného zájmu. Protože je organizovaná kriminalita abnormálním jevem a protože představuje pro média a celou společnost velký zdroj iritace, je současně ideálním tématem v mediální komunikaci.

2) Programové oblasti „zprávy a zpravodajství“ a „zábava“ se při pozorování vzájemně doplňují a při vytváření kulturního vědění o organizované kriminalitě by měly být v ideálním případě pozorovány synopticky.

3) Fiktivní světy představují „okna“ do jiných světů, které spojují již známý skutečný svět se světy fiktivními.

Systémová teorie tedy nemůže udílet žádná doporučení ohledně toho, jak je třeba hodnotit majetné Rusy, kteří se v Karlových Varech nebo v Praze zahrnují luxusním zbožím a pořízují si nemovitosti. S Luhmannovou teorií je ale přinejmenším možné docílit jisté přesnosti v rozlišování při pozorování organizovaného zločinu. Její kritický obrat – Luhmann sám ve své teorii médií odkazuje na kritický projekt Kanta [Luhmann 1995: 194] – spočívá v tom, že operace mediálního systému jsou zohledňovány a mediální realita není zaměňována s realitou an sich. Stereotypní paušalizaci – všichni bohatí Rusové jsou spojeni s kriminalitou – se tak díky reflexi reality masmédií můžeme vyhnout.

Překlad Patrik Varga

ZDROJE A LITERATURA:

SLOVNÍKY, KORPORA:

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> [10.10.2014].

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX века. Под редакцией Г. Л. СКЛЯРЕВСКОЙ: ИЛИ РАН Москва: Астрель 1995.

PRIMÁRNÍ LITERATURA, TELEVIZNÍ SERIÁLY A FILMY

БАЛАБАНОВ, А. (režisér) (1997): *Брат*. Россия.

БАЛАБАНОВ, А. (režisér) (2000): *Брат 2*. Россия.

БАЛАБАНОВ, А. (režisér) (2005): *Жмурки*. Россия.

БОДРОВ, С. (režisér) (1990): *Сестры*. Россия.

ГУРЗО, С. (režisér) (1992): *Ка-ка-ду*. Россия.

Дорожный патруль. (1995–2005), Россия.

КУРКОВ, А. (2000): *Пикник на льду. Смерть постороннего*. Киев: Альтерпресс.

КУРКОВ, А. (2002): *Закон улитки*. Харьков: Фолио.

ЛИМОНОВ, Э. (1986): *Молодой негодяй*. Париж: Синтаксис.

МАКСИМЧУК, И. (režisér) (1993): *Я сама*. Россия.

НЕГРЕБА, А.; БОРЕЦКИЙ, О. (režiséři) (1991): *За день до...* Нидерланды, СССР.

РАДЗИНСКИЙ, Э. (1998): *Спортивные сцены 80-х*. In: Сочинения в семи томах.

Том 3. Загадки любви. Москва: Вагриус.

СЕРГЕЕВ, В. (režisér) (1990): *Палач*. СССР.

ТУМАНОВ, А.: *Киллер*. URL: http://samlib.ru/t/tumanow_a_w/killerdoc.shtml [10.10.2014].

Улица разбитых фонарей [Менты]. (1998), Россия (různé televizní kanály).

ХОРТ, А. (2000): *«Долой мафию!»* In: *Nieder mit der Mafia! Neue russische Kurzprosa. Russisch-Deutsch*. Hrsg. von Valentina Bally. Stuttgart: Reclam 2000, 172–176.

Чрезвычайные происшествия [ЧП]. (1996), НТВ Россия. URL: chp.ntv.ru [10.10.2014].

GRAF, D. (režisér) (2010): *Im Angesicht des Verbrechens. Fernsehserie in 10 Folgen*. ARD v koprodukcii s BR, ARTE, SWR, NDR und ORF.

VIEWEGH, M. (2011): *Mafie v Praze*. Spolupráce na knize Jaroslav Kmenta. Brno: Druhé město.

VIEWEGH, M. (2012): *Mráz přichází z hradu*. Brno: Druhé město.

SEKUNDÁRNÍ LITERATURA:

СИВИРЛЯ, Н. (1993): *Мафия – наш рулевой!* In: Искусство кино, 1, s. 37–46.

ATTWOOD, L. (1995): *Men, machine guns, and the mafia: Post-Soviet cinema as a discourse on gender*. In: Women's Studies International Forum, 18, č. 5–6, s. 513–521.

BARALDI, C.; CORSI, G.; ESPOSITO, E. (1997): *GLU. Glossar zu Niklas Luhmanns Theorie sozialer Systeme*. Frankfurt/M.: Suhrkamp.

BINDER, E. (2004): *Ein Held unserer (Medien)Zeit: A. Balabanovs Brat-Filme im Kontext der zeitgenössischen Medienkultur*. In: B. MENZEL (ed.): *Kulturelle Konstanten Russlands im Wandel. Zur Situation der russischen Kultur heute*. Bochum: Projektverlag, s. 177–196.

BONAVITA, P. (1991): *Russland im Griff der Mafia. Paten, Bürokraten, Businessmeni*. Heilbronn: Distel.

ECO, U.: *Im Wald der Fiktionen. Sechs Streichzüge durch die Literatur*. Přel. B. KROEBER: dtv.

ГОВОРУХИН, С. (1994): *Страна воров на дороге в светлое будущее*. Нарва: Шанс.

GOVORUCHIN, S. (1996): *Moskau und die Mafia. Die große kriminelle Revolution*. Berlin: Brandenburgisches Verlagshaus.

GROYS, B. (2000): *Unter Verdacht. Eine Phänomenologie der Medien*. München, Wien: Hanser.

HÜBNER, P. (1998): *Pressefreiheit in Rußland. Großaktionäre als Zensoren?* In: Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien, 34.

KNABE, B. (1998): *Die System-Mafia als Faktor der sowjetisch-russischen Transformation. Teil I. Vorbereitung und Durchführung des Systemwechsels*. In: Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien, 47.

LUHMANN, N. (1995): *Die Realität der Massenmedien*. Opladen: Westdeutscher Verlag.

LUHMANN, N. (2002): *Einführung in die Systemtheorie*. Ed. D. BAECKER. 5. ed. Heidelberg: Auer, 2002.

SCHMID, U. (1996): *Gnadenlose Bruderschaften. Aufstieg der russischen Mafia*. Paderborn: Schöningh.

PROFIL AUTORA:

Peter Deutschmann, Univ.-Prof. Mag. Dr.

Studium slavistiky a germanistiky ve Štýrském Hradci, tamtéž disertace (2001) a habilitace (2012). Od roku 2012 profesor slavistiky (literární vědy a kulturní vědy) v Salcburku. Okruh zájmu: česká a ruská literatura a kultura nové doby (od 18. století), teorie kultury a literatury, teorie systémů.

3 větší publikace:

Intersubjektivität und Narration: Gogol', Erofeev, Sorokin, Mamleev (Frankfurt/M. et al. 2003).

Allegorien des Politischen. Zeitgeschichtliche Implikationen des tschechischen historischen Dramas. Köln, Wien, Weimar 2015 (v tisku).

Sozialismus und Schizophrenie. Wiener Slawistischer Almanach (58/2006), 141–202.

Paris-Lodron-Universität Salzburg

Fachbereich Slawistik

Unipark Nonntal

Erzabt-Klotz-Straße 1

5020 Salzburg, Rakousko

<http://www.uni-salzburg.at/index.php?id=118&MP=200731-200747%2C118-44805>

Peter.Deutschmann@sbg.ac.at

МИХАИЛ ЭПШТЕЙН

United Kingdom, Durham

**МЕЖДУ НЕБЫТИЕМ И ВОСКРЕСЕНИЕМ.
АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ В ДИАЛОГЕ
С Н. ФЕДОРОВЫМ, М. ХАЙДЕГГЕРОМ И
В. НАБОКОВЫМ**

ABSTRACT:

Between Nothingness and Resurrection. Andrei Platonov in Dialogue with N. Fyodorov, M. Heidegger and V. Nabokov

The article discusses the existentialist motifs in Andrei Platonov in the context of his relationship with philosophy of Martin Heidegger, the teaching on resurrection by Nikolai Fyodorov and gnostic imagery in Vladimir Nabokov. The article argues that Platonov explores the experience of death and non-being as metaphysically essential and valuable in itself, in the spirit of existentialist philosophy rather than following Fyodorov's optimistic belief in technologically attainable resurrection. Platonov can be compared with Heidegger in their understanding of nothingness as an immanent condition of human existence in the world. Platonov's symbols of "eunuch of soul" and "dead brother", as well as his penetration in the experience of "smertstvovanie" (deathening), are indicative of such an existentialist stance. In distinction from Nabokov who believes in the reality of the "other world" that manifests itself through the illusoriness of the external reality, Platonov is a radically existentialist writer who posits nothingness, emptiness and anguish (boredom) in the foundation of this only world.

KEY WORDS:

Philosophy – literature – existentialism – emptiness – non-being – death – dying – resurrection – memory – dream – sleep – boredom – illusion – language – subject – existence – metaphysics – gnosticism.

Художественная философия Андрея Платонова здесь рассматривается на фоне его сопоставления с двумя мыслителями: соотечественником Н. Ф. Федоровым и современником М. Хайдеггером. Вопреки распространенному мнению, что А. Платонов был «федоровцем», продолжателем воскресительного проекта «Общего дела», есть более глубокие основания сблизить его с хайдеггеровской экзистенциальной онтологией бытия и ничто. Дело, конечно, не в том, что Платонов был «хайдеггерианцем»; с таким же правом можно было бы охарактеризовать Хайдеггера как «платоновца». Главные их труды – «Чевенгур» (1927–28) и «Бытие и время» (1927) – создавались практически одновременно, при том, что и писатель, и мыслитель до конца жизни оставались в полном неведении друг о друге. Именно отсутствие каких бы то ни было взаимовлияний делает особенно знаменательной их встречу в пространстве художественно-философского двуязычия и русско-немецкого культурного диалога.

Разумеется, задача не в том, чтобы перевести А. Платонова на язык хайдеггеровской философии или перевести М. Хайдеггера на язык платоновской прозы, а в том, чтобы обнаружить общность их творческих интуиций, созревших в европейской культуре второй половины 1920-х гг. Такая постановка вопроса тем более уместна, что из всех русских писателей XX века Платонов наиболее метафизичен по своим художественным устремлениям, и точно так же из всех немецких мыслителей XX века М. Хайдеггер наиболее поэтичен и лингвоцентричен по смыслу своего философского творчества.

1. Русская литература и немецкая философия

Взаимное притяжение между немецкой философией и русской литературой установилось ещё в XIX веке. Это обусловлено тем, что две нации, открывающие друг для друга пути в неведомый и запредельный мир (немцы для русских – в Европу, русские для немцев – в Азию), по-разному выразили себя: немцы преимущественно в философии, русские – в литературе. Двухсотлетие немецкой философии от Канта до Хайдеггера – столь же решающее в судьбах и самоопределении немецкой культуры, как столетие от Пушкина до Платонова – для русской. Воздействие умозрительного мышления на всю немецкую культуру сказалось в том, что там даже литература – от Гете до Т. Манна и Г. Гессе – насквозь философична, тогда как в России даже философия насквозь литературна и выступала чаще всего в форме эссеистики и критики (от славянофилов до Розанова и Шестова). Обобщенно-понятийное и стихийно-образное начала, преобладающие в сознании

этих народов, определили их преимущественный вклад в разные области творчества.

Как же воздействовали друг на друга немецкая философия и русская литература в XIX веке? Где их основные точки притяжения и отталкивания? Для немецкой философии, от Канта и до Хайдеггера, решающим является вопрос о соотношении бытия и мышления. Кант четко разделил эти сферы, упразднил их наивную, докритическую слиянность и очертил срединную область теории познания, эпистемологии, посредничающей между онтологией – наукой о бытии, и психологией – наукой о душе. Послекантовская философия, исходя из этого разделения, пыталась всячески его преодолеть, сводя кантовскую дуалистическую систему к монизму определённого типа – единству бытия или единству мышления. Две крайние точки в этом процессе представляют Гегель и Ницше: для первого всё бытие в своём развёртывании есть не что иное, как воплощение саморазвивающейся Абсолютной Идеи, тогда как для Ницше, напротив, всё мышление, как логическое, так и моральное, включено в сферу жизненного самоутверждения, как орудие бытийной воли к господству.

Есть и в русской литературе XIX века свой главный вопрос, над которым бьётся мысль от Пушкина до Толстого. Это – вопрос о личности и народе, или о «себе и других». Впервые этот вопрос поставлен Пушкиным, который в русской литературе сыграл едва ли не ту же основополагающую роль, что и Кант – в немецкой философии. Пушкин разграничил две правды – личности и истории, человека и государства, утверждая неоспоримость каждой из них в её собственной сфере. Весь пафос «Медного всадника» и «Капитанской дочки» – в сосуществовании и несводимости этих двух правд: Петра и Евгения, Пугачёва и Гринева. До Пушкина вся русская литература носила как бы докритический, дорефлективный характер, с просветительской наивностью отождествляя задачи личности и законы общества. Вместо личности и народа у Ломоносова, Державина, Фонвизина действуют гражданин и государство, естественно совпадающие в своих разумно-просвещенных посылах и целях. Правда, у Радищева уже выдвигается категория народа, а у Карамзина – категория личности, но они все ещё явно не разделены и не противопоставлены, в их соотношении нет проблемы, они существуют каждая в себе и для себя.

Пушкин так же лишил русскую литературу её докритической невинности и просветительского благодушия, как Кант – немецкую философию. Показательно, что и Кант, и Пушкин вышли из традиций французского Просвещения (Кант более из Руссо, Пушкин – из Воль-

тера), преодолевая оптимистические иллюзии и рационалистический догматизм этого наследия и становясь благодаря этому духовными зачинателями культуры XIX века. Оба глубоко пережили опыт французской революции, воплотившей философско-литературные заветы Просвещения и тем самым навсегда разоблачившей и отвергнувшей их. Именно французская революция раскрыла роковое несовпадение и несовместимость запросов личности и целей общества, причём двойным образом: принесла личность в кровавую жертву обществу (Робеспьер) и небывало возвысив личность над обществом (Наполеон). Робеспьер – отрицательный урок революционного Просвещения, Наполеон – краеугольный камень новой романтической и империалистической доктрины. Можно сказать, что французская революция, в лице Робеспьера и Наполеона, нанесла такой же удар по дорефлективной, догматически-наивной *политике*, как Кант – по догматической *философии* в Германии, а Пушкин – по догматической *литературе* в России. Там, где раньше мыслилась Гармония, предстала Антиномия. Знаменитые кантовские антиномии (например, всеобщей причинности и неустранимой свободы) – лишь философская разновидность того антиномизма, который выявился и в политике (наибольшая «революционная» свобода ведет к наибольшему деспотизму).

Французская политика, немецкая философия, русская литература – каждая нация, сообразно со своими склонностями и пристрастиями, при вступлении в XIX век перешла рубеж, отделяющий критическую эпоху от докритической, рефлексию от наивности. Нерефлективное, саморазумеющееся тождество индивида и социума, мышления и бытия, личности и народа было расколото, и из точки раскола, для уже сознательного его преодоления, и произошли величайшие усилия русской литературы и немецкой философии.

2. Небытие внутри бытия

Далее мы коснемся важнейшего для двух национальных традиций этапа, когда, испытав свою расколотость с бытием, мысль ищет возврата в лоно бытия, полагая себя способом его самораскрытия. Здесь вырастают перед нами две фигуры, М. Хайдеггера и А. Платонова, столь же конгениальные и соотносимые в своих национально-культурных контекстах, как Кант и Пушкин.

Мышление Хайдеггера открывает небытие человеческому вопрошанию. Ничто есть просвет, который позволяет приоткрыться сущему.

Только потому, что в основании человеческого бытия приоткрывается ничто, отчуждающая странность сущего способна захватить нас в полной мере. Только когда нас теснит отчуждающая странность сущего, она пробуждает в нас и привлекает к себе удивление. Только на основе удивления – т. е. открытости Ничто – возникает вопрос «почему»? Только благодаря возможности этого «почему?» как такового мы способны спрашивать целенаправленным образом об основаниях и обосновывать. (...) Вопрос о Ничто нас самих – спрашивающих – ставит под вопрос. Он – метафизический. (...) Выход за пределы сущего совершается в самой основе нашего бытия. Но такой выход и есть метафизика в собственном смысле слова. [Хайдеггер 1993: 26]

Проза Андрея Платонова глубоко метафизична именно в этом хайдеггеровском смысле слова. Томящая странность сущего, вызывающая удивление и вопрошание, покоится у него на чувстве Ничто. Вот один из главных платоновских метафизиков – простонародный любомудр Вощев в «Котловане»:

До самого вечера молча ходил Вощев по городу, словно в ожидании, когда мир станет общеизвестен. Однако ему по-прежнему было неясно на свете, и он ощущал в темноте своего тела тихое место, где ничего не было, но ничто ничему не препятствовало начинаться. Как заочно живущий, Вощев гулял мимо людей, чувствуя нарастающую силу горующего ума...

Каждый мыслящий человек у Платонова бережно несет внутри себя это «тихое место, где ничего не было», но из которого исходит удивление миру и вопрошание обо всем, что есть. Только в случае утраты этого драгоценного Ничто мир становится «общеизвестным», а человек – усредненным, «одним из», частью «всемства», безликого и безымянного людского множества (хайдеггеровское *Man*). Но Вощеву, в отличие от *Man*, по-прежнему остается «неясно на свете», он «живет заочно», как бы со стороны наблюдая свою жизнь, и гуляет «мимо» людей, не становясь одним из них. У Платонова есть даже особый художественный термин для этого «заочно живущего» наблюдателя в человеке – «евнух души».

Но в человеке еще живет маленький зритель – он не участвует ни в поступках, ни в страдании – он всегда хладнокровен и одинаков. Его служба – это видеть и быть свидетелем, но он без права голоса в жизни человека и неизвестно, зачем он одиноко существует. Этот угол сознания человека день и ночь освещен, как комната швейцара в большом доме. Круглые сутки сидит этот бодрствующий швейцар в подъезде человека, знает всех жителей своего дома, но ни один житель не советуется со швейцаром о своих делах. Жители входят и выходят, а зритель-швейцар провожает их глазами. <...>

Он существовал как бы мертвым братом человека <...> Это евнух души человека («Чевенгур» [Платонов 1988, 114-115]).

Внутри человека Ничто существует как его «мертвый брат», а вовне – прежде всего как смерть. У Платонова она ощутима даже там, где о ней не идет речь, – в виде какой-то безнадежности и тоски, пронизывающей всю живую тварь, обреченную на умирание. Именно благодаря этому всеобъемлющему чувству смертности проза Платонова и становится метафизической, в том смысле, в каком метафизика означает выход за пределы сущего, в его физической данности.

Следовательно, отношение Платонова к смерти, к Ничто нельзя толковать как целиком отрицательное. Ничто *нельзя* преодолеть и уничтожить, ибо оно, по выражению Хайдеггера, само есть «ничтожащее»; но его и не *следует* уничтожать, поскольку оно включает в себе возможность удивленного и благодарственного отношения к сущему. По Хайдеггеру, Ничто есть та «разверзтость» и «просквоженность» бытия, из которой оно выступает и как философское вопрошание, и как художественное творение, и как всякое смысловое человеческое отношение к сущему. Без Ничто мы не знали бы и не созерцали бы сущего, а лишь пребывали бы в нём.

3. Между М. Хайдеггером и Н. Федоровым

В этом внимании к смыслопорождению сущего из тайны Ничто А. Платонов ближе М. Хайдеггеру, чем к Н. Федорову, сознательным последователем которого его иногда представляют. Было бы неверно сводить платоновское размышление о смерти, точнее, *из* смерти (ибо Ничто есть не предмет, а исток такого мышления) к тому пафосу всеобщего воскрешения, которым проникнута философия Н. Федорова.

В своих исследованиях о Платонове философ Светлана Семёнова, главный современный истолкователь и продолжатель федоровских идей, ищет доказательств зависимости и даже ученичества Платонова у Федорова. Будто природный мир у Платонова скупен и тосклив оттого, что его неумолимо пожирает смерть – и только высвобождение из лап этого хищника, которое несёт грядущая техника, спасительно для человечества, ибо раскрывает перспективу всеобщего воскрешения.

Только эта будущая победа может искупить всё. Иначе для чего вся техническая мощь, все чудеса покорения звездных бездн? /.../Неприятие ситуации «сиротства», порождаемой смертью, чаяние будущей встречи, работа над преображением страждущего природного мира в новый, бессмертный статус бытия – главные раскрытия его (Платонова – М. Э.) «идеи жизни». [Семёнова 1989: 339, 374]

Отчасти это верно рисует Платонова, особенно в его ранних и публицистических вещах, где техника, действительно, выступает, в противоположность органике, как «прекрасный новый мир», призывающий человека овладеть силами смертной и мертвящей природы. Но это гораздо более верно по отношению, скажем, к В. Маяковскому, для которого природа – «неусовершенствованная вещь», а человек по своему призванию – инженер и конструктор, борец и созидатель. Поэтому и видится Маяковскому в конце поэмы «Про это»: «рассиявшись, высится веками мастерская человеческих воскрешений», в которой будущий химик воскрешает самого Маяковского. Можно сказать, что Маяковский огрубил и сузил Федорова, сведя его метафизическую и этическую задачу – победы над смертью – к научно-технической задаче достижения земного бессмертия. Но дело в том, что победа над смертью и у самого Федорова означает именно возвращение к этой жизни: воскресшие отцы становятся в ряды воскресителей-сынов, пополняя всеобщую трудовую армию человечества в его битве со смертной природой. Религиозная надежда на воскресение Федорова лишается своей глубины, проецируясь в плоскость физического делания. Ничто, или смерть, перестает быть истоком и превращается в предмет, поддающийся техническим операциям. Можно саркастически представить себе отлетевшую душу, которой вольно гуляется в райских садах под пение ангелов, – и вдруг рвением благонравного потомка она выдергивается из этого благолепия, чтобы воскреснуть бородастым предком, возделывающим землю в поте лица своего.

Лишенная своей смертной глубины, жизнь лишается и своего творческого начала, превращаясь в хранилище, склад, грандиозный музей, где сберегаются останки мертвецов вплоть до их полного воскрешения руками потомков. Глубина и непредсказуемость творчества возможна только там, где есть глубина и необратимость исчезновения. Благородная по нравственному порыву, но леденящая по своим практическим последствиям федоровская утопия, проповедуя воскрешение мертвых, показывает нам мир живых превращенным в кладбище-музей. Мысль увековечить человека в его собственной плоти по сути столь же одномерна (хотя и фантастически-утопична), как и атеистическое представление о бессмертии человека в его делах («...чтобы, умирая, воплотиться в пароходы, строчки и другие долгие дела» – В. Маяковский, «Товарищу Нетте – пароходу и человеку»). Федоровский проект в совершенном своем исполнении не допускает инобытия, независимого от воли человека.

Когда все изменения в мире будут определяться разумной волею, когда все условия, от коих зависит человек, сделаются его орудиями, органами, тогда он будет свободен, т. е. проект воскрешения есть и проект освобождения. [Федоров 1982: 429]

Это «освобождение», однако, достигается у Федорова очень дорогой ценой – прикреплением человека к земле, отказом от миров иных, связь с которыми только и делает человека свободным от этого мира. К утопии Федорова можно применить слова О. Манделштама о русской революции: «десяти небес нам стоила земля» («Сумерки свободы», 1918). Овладение землей, ее трудовое и социальное завоевание стоило нам отказа от десяти небес, т. е. духовных исканий и обретений. Мир земли общественно активен и технически вооружен, но лишен тайны и чувства запредельного.

Уместно привести здесь слова старца Зосимы у Достоевского:

Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. /.../ Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и возшло всё, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным...

Если вспомнить евангельский эпиграф к «Братьям Карамазовым», ключ ко всему роману, то становится ясным, что сад этот может взойти только из семян, падших и умирающих в земле.

Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода [Иоан, 12: 24].

Только умершее семя может приносить плоды. Именно поэтому корни наших мыслей и чувств в мирах иных: страдание и умирание в одном дает всходы в другом. Таков, в простейшей своей сути, ответ романа «Братья Карамазовы» на вопрос бунтаря Ивана: почему страдают и гибнут невинные? Вопрос этот останется безответен, если не допустить существования иных миров, где всходит посеянное в этом мире. В признании глубинного значения смерти и тайны Иного нехристиане Платонов и Хайдеггер ближе христианину Достоевскому, чем христианин Федоров.

У Платонова, безусловно, есть ряд типично федоровских чаяний, но загадка смерти остаётся у него неразрешенной и неразрешимой. Смерть для Платонова – это и то, что должно преодолеть (в этом он – федоровский последователь, техник, пролеткультовец), и то, что в непреодолимости своей образует терпкий, таинственный, терпеливый мир неизвестно куда уходящей человеческой жизни.

Где бы она (Афродита – М. Э.) ни была сейчас, живая или мёртвая, всё равно здесь, в этом обезлюдевшем городе до сих ещё таились следы её ног на земле и в виде золы хранились вещи, которые она когда-то держала в руках, запечатлев в них тепло своих пальцев. Здесь повсюду существовали незаметные признаки её жизни, которые целиком никогда не уничтожаются, как бы глубоко мир ни изменился. Чувство Фомина к Афродите удовлетворялось в своей скромности даже тем, что здесь когда-то она дышала, и воздух родины ещё содержит рассеянное тепло её уст и слабый запах её исчезнувшего тела – ведь в мире нет бесследного уничтожения.

– До свидания, Афродита! Я тебя сейчас только чувствую в своём воспоминании, но я хочу видеть тебя всю, живой и целой!...

(...) Сердце его [Фомина], наученное терпению, было способно снести все, может быть, даже вечную разлуку, и оно способно было сохранить верность и чувство привязанности до окончания своего существования («Афродита» [Платонов 1985, 198–199]).

Это, бесспорно, одно из самых «федоровских» мест у Платонова, но оно же обнаруживает и существенную разницу двух миропониманий. «Следы её ног на земле», «зола», в которую превратились вещи Афродиты, «рассеянное тепло её уст», «слабый запах её исчезнувшего тела» – всё это есть самозначимый мир, в котором обретается Фомин с его любовью, верностью и терпением. Если бы не смертность, как бы сердце Фомина «научилось терпению» и как бы оно «хранило верность» утраченной подруге? Жизнь лишилась бы своих драгоценнейших свойств, рождаемых именно бытием-к-смерти: печали и надежды, веры и терпения, страдания и преодоления... И таинственности, присущей лучшим произведениям Платонова.

По Хайдеггеру, истина всегда пребывает между открытостью и сокрытостью, она отчасти принадлежит тайне.

Сущностью истины, то есть несокрытости, правит отвергающая неприступность. Такая отвергающая неприступность не есть какой-либо недостаток или порок, как было бы, будь истина несокрытостью без всякого остатка, несокрытостью, опроставшейся от всего затворенного. Если бы истина могла стать такой, она не была бы сама собой. *Сущности истины, то есть несокрытости, принадлежит отвергающая неприступность двойного сокрытия.* [Хайдеггер 1987: 292]

Федоровский мир, как и мир Маяковского, не знает этой «отвергающей неприступности» бытия, не знает тайн – только секреты, которыми рано или поздно люди овладеют сполна. Мир состоит как бы из двух отсеков – живые и мёртвые; между ними – дверь, к которой ещё не подобраны ключи. Но в принципе возможно (а в будущем и

осуществимо) – открыть эту дверь, найти за ней тех самых умерших, какими они были при жизни (неизменными, словно бы застывшими в холодильной камере), – и перевести в другой отсек, где бодрствуют и трудятся. Примерно таково воскрешение по Федорову: оно исходит из технических возможностей и общественных задач здешнего мира и не предполагает иной жизни и воли иноживущих, способной противиться действиям воскресителей или, напротив, чудесно опережать их.

Мир Платонова исполнен тайны именно потому, что он принимает коренную и непревосходимую временность человеческого существования. Это и сближает Платонова с Хайдеггером, для которого, начиная с книги «Бытие и время», смерть есть не то, что можно преодолеть некими техническими усилиями или благодаря вековечным сущностям. Существование «временится во времени», и смерть, как неуничтожимое Ничто, придает осмысленность и тайну существованию. Человек и у Хайдеггера, и у Платонова – не созидатель и борец, каким он выступает у Федорова и Маяковского, но вслушивающийся и претерпевающий, чуткий «пастырь бытия». Он внутри бытия, а не вовне его, и потому не переустраивает его, а лишь просветляет и осмысливает изнутри. Он идёт одним путём с бытием, как и пастырь идёт одним путём со своим стадом. Это бытие внутри бытия, существование внутри мирового сущего и есть то особое, что привнесено Хайдеггером в философскую мысль, а Платоновым – в склад художественной речи.

4. Странный язык. По ту сторону субъекта и объекта

Известно, что именно язык Платонова являет нам тайну его художественного своеобразия. Этим Платонов тоже перекликается с Хайдеггером, для которого язык есть дом бытия, место раскрытия истины. Восхождение к бытию проявляется в том, что язык восходит к своим собственным корням, раскрывает свои первоначения. Для Хайдеггера важны исконные значения слов, отсюда непрерывное этимологизирование как средство удержать бытийное в потоке речи.

Стиль Платонова в целом чужд этимологизации, ибо, как язык художника, он должен соотноситься с разнообразием предметного мира. Как же осуществляется верность бытию, вслушивание в него, если язык не выводится из своих бытийных, корневых глубин? Это достигается у Платонова особым смещением лексико-грамматических структур, благодаря которым слово не столько называет вещь, сколько участвует в ее «веществовании», т. е. ее собственном способе существования. Отсюда своеобразная неправильность платоновского языка, благодаря которой он укореняется в бытии. Приведем

несколько таких «неправильностей» и попробуем определить, в каком направлении они «переправляют» привычную, удаленную от бытия мысль. Ни одна из этих фраз сама по себе не несёт никакого обобщения, они чисто повествовательны, и мысль здесь заключена в самом способе ее словесного выражения.

«...Мать не вытерпела жить долго» («Третий сын» [Платонов 1985, 177]). Обычно глагол «вытерпеть» соотносится с каким-то конкретным явлением, отрицательно воздействующим на человека: «не вытерпел разлуки, боли, насилия». Этот глагол, как правило, сочетается с существительным, т. е. частью речи, обозначающей предмет (не вытерпеть чего?) У Платонова же берётся не конкретное явление, а целая жизнь, да ещё и обозначается она не существительным, а глаголом, т. е. берётся как процесс, длительность: «не вытерпела жить долго». В результате «терпение» теряет свою объектность – становится свойством самой жизни в её долготе и самопретерпевании.

Сравним это платоновское словоупотребление с тем, какое находим у его современника Н. Островского: «Жизнь даётся человеку только один раз, и прожить её надо так, чтобы... умирая, мог сказать: все силы были отданы самому прекрасному на свете – борьбе за освобождение человечества». Мы не вдаемся сейчас в идейный смысл этой фразы, нас интересует её грамматический смысл, употребление слова «жизнь». Жизнь «даётся» человеку – уже этим глаголом предполагается предметность жизни. «Прожить её надо так» – предметность заостряется, ибо говорится о том, как лучше употребить жизнь. Наконец, в заключение говорится примерно то же, что у Маяковского в стихотворении «Товарищу Нетте – пароходу и человеку»: цель жизни – в том, что остаётся после неё, в земных делах («жить надо так, чтобы, умирая, мог сказать»). Бытие у Островского берётся как нечто подвластное человеку – созидателю и борцу, нечто, что он может и должен употребить по собственной воле. Не так у Платонова: бытие не опредмечивается субъектом, который может употреблять её так, как считает нужным («прожить так, чтобы»). Бытие объёмлет человека и претерпевается им. Не человек распоряжается жизнью, как орудием, а жизнь вовлекает и «бытийствует» в себе человека.

Подобным же образом употребляется глагол «жить» и в другой «странной» фразе: «Фрося пробудилась: ещё светло на свете, надо было встать жить» («Фро» [Платонов 1985, 140]). Можно было бы здесь ожидать конкретного глагола: «идти на работу», «готовить обед» и т. п. Обычно «жить» не употребляется как глагол цели, ибо подразумевается, что жизнь есть самоочевидная данность, на основе которой ставятся

всякие цели. Здесь же сама жизнь образует цель, и восхождение к ней как к истоку, «вставать жить», – вот какой смысловой оборот принимает платоновская фраза.

«Существовать» у Платонова – это не формально-абстрактное понятие, не условно-общая предпосылка всего (кто ест или ходит, тот, естественно, существует). Существование – это особое действие, брошенное во время и пространство и требующее, как и любое другое действие, постоянных усилий и смыслополагания. «Ты зачем здесь ходишь и существуешь? – спросил один, у которого от измождения слабо росла борода» («Котлован»). «Существовать» здесь означает не просто «быть» (в отличие от «не быть»), но: занимать какое-то место, простираться в пространстве и «времениться» во времени, отгеснять другие существования или плотно срастаться с ними. Поэтому и Воцев не просто идет по дороге, но идет, «окруженный всеобщим терпеливым существованием» (каменей, трав, ветра и т. д.). Он переживает «вещество существования» (одно из самых характерных и цитируемых платоновских словосочетаний в том же «Котловане»).

«Ей не хотелось тратить время на что-нибудь, кроме чувства любви...» («Фро»). И здесь есть особенная платоновская неправильность: «тратить время... на чувство любви». «Тратить время» обращено обычно к чему-то предметному, какому-то делу, занятию, но не к чувству, которое предполагается как бы изъятым из времени. В результате смещения «чувство любви» овременяется, выходит из отвлеченной психичности или идеальности в длительность бытия.

«Нет, – сказала Фрося, – я не пойду. Я по мужу буду скучать». «Скучать» здесь употреблено в каком-то почти древнем, исконном значении, как действие «кукования», «плача» («скука» этимологически образована от звукоподражательного «ку», того же, что в слове «кукушка»; древнее «кукати» – «горевать, плакать»). Оно означает у Платонова не внутреннее состояние, субъективное чувство, но самостоятельное занятие, которому человек заведомо отдаёт часть своего времени. Если в первых двух примерах (с глаголом «жить») мы видели, как снимается объектность понятия «жизнь», как она превращается в целое и самоцель, то здесь мы видим снятие привычной нам субъектности с таких понятий, как «чувство любви» и «скучать». Они выводятся из сферы психического или идеального и обретают плотность и определенность занятий, свершений, протекающих во времени.

(...) Устало длилось терпенье на свете, точно все живущее находилось где-то посредине времени своего движения: начало его всеми забыто и конец

неизвестен, осталось лишь направление. И Воцев ушел в одну открытую дорогу («Котлован»).

Это и есть всеохватная экзистенциальная временность – необеспеченность каждой последующей секунды, отсутствие устойчивых, «вечных» сущностей, которые определяли бы заведомую прочность и осмысленность существования.

Особенность платоновских словоупотреблений в том, что они упраздняют двойственность субъекта-объекта, свойственную и обычному, и научному языку. Эти причудливые обороты размыкают и предметы, и чувства в длительность «временищесого» бытия, лишая их материальной и идеальной законченности, погружая во что-то тягучее и тянущееся. «У нас была корова. Когда она жила, из неё ели молоко мать, отец и я». Эта фраза Платонова из рассказа «Корова» приписана им ребенку и тем самым как бы с удвоенной, помноженной на персонажа яркостью выражает авторский сдвиг привычного восприятия. Здесь, во-первых, прибавлено как будто совершенно лишнее придаточное предложение: «когда она жила» – ведь ясно, что из мертвой коровы нельзя брать молоко. Без этого предложения текст сохраняет всю свою информативность, но теряется главное: жизнь коровы в ее длительности, к которой причастны и люди. И вторая «негладкая» особенность речи: «из неё ели молоко», вместо «пили её молоко». Платонов создает образ «разверзтого бытия» коровы, в самом что ни на есть хайдеггеровском смысле: «из неё» едят. «Ели» вместо более очевидного здесь «пили» тоже подразумевает плотскость, плотность этого молока, как продолжения-изливания коровьей плоти. Так что «лишнее» придаточное предложение и причудливый оборот «из неё ели» оказываются платоновским образом самовозрастающей основы бытия, которое не присваивается извне субъектом, но как бы само исходит «из» себя. Так воспринимает мир мальчик, не утративший укорененность в бытии, не превратившийся в «субъекта», – и так же воспринимает мир сам писатель.

5. Скучная пустота и смертствование

Почти всеми платоновскими персонажами владеет одно чувство, в описании которого как бы сразу сгущаются все особенности и «чуждачества» платоновского стиля. Это странное, тягучее чувство мировой пустоты, в которую заброшен одинокий человек. Можно сказать, что «евнух души» есть не только внутри человека, но и в окружающей его природе, которая становится как бы «мертвым братом» человеку. Этого мертвого брата нельзя воскресить, потому что

пустота неустранима из природы пространства и держит его открытым и обитаемым для человека. Самые разные персонажи – от коровы до ученого, от офицера фашистской армии до деревенского мальчика Баси, от кочевницы Джемаль из туркменской пустыни до немецкого инженера Бертрана Перри, – все живое, иногда даже неодушевленное у Платонова (дерево, камень, песок...) – проникнуто общим чувством томительного, пустотного дления жизни. О том же пишет Хайдеггер – о «странной отчужденности сущего», истоком которой является погруженность в Ничто.

(...) Она (Заррин-Тадж) с любопытством глядела в пустой свет туркменистанской равнины, скучной, как детская смерть, и не понимала, зачем тут живут. («Такыр» [Платонов 1984, 131]).

Вокруг дома путевого сторожа простирались ровные, пустые поля, отражавшие и отшумевшие за лето и теперь выкошенные, заглушенные и скучные («Корова» [Платонов 1985, 242]).

Фомин поглядел в тот грустный час своей жизни на небо; поверху шли тёмные облака осени, гонимые угрюмой непогодой; там было скучно и не было сочувствия человеку, потому что вся природа, хоть она и большая, она вся одинокая, не знающая ничего, кроме себя («Афродита» [Платонов 1985, 194]).

Ничто у Платонова всегда ощутимо как скука и пустота, которая разверзается из глубины сущего – но тем самым и позволяет ему проявиться. Давно замечено, что мир у Платонова поразительно беден, прорежен, в нём оставлено только то, чем держится существование как таковое, в его тягучей безысходности и непонятной предназначенности. Самые «платоновские» персонажи – не знающие и не имеющие. Один из них (бобыль из «Происхождения мастера») так и умер, «не повредив природы». Эта пустотность, «котлованность» бытия заполняется постоянными рассуждениями о будущем, о разумной организации людей для совместного обретения смысла жизни: к этому устремляются платоновские герои именно потому, что они всего этого лишены.

Однако вопреки распространенному мнению о «массовости», «коллективности» платоновского человека, этот человек, даже принадлежащий коммуне (герои «Чевенгура» и «Котлована» – Александр Дванов, Копенкин, Воцев, Прушевский), обычно изображен в состоянии одиночества, «бобыльства», «сиротства». Его бытие протекает в пустоте мира, где отсутствует прочный имущественный, технический или интеллектуальный уклад, который обеспечивал бы смысл существования. Оно требует от героев Платонова огромных сил, потому что не гарантировано никаким порядком, каждый миг исходит

из глубины своего ничто и рискует оборваться: не просто умереть, но войти в смерть, «осмертиться». Сам этот обрыв не столько прекращает его, сколько уводит обратно в ничто, в ту же самую пустоту дления. Подобно тому, как платоновские персонажи не просто живут, но бытийствуют, исполняют огромный и длительный труд существования, – точно так же они входят в состояние смерти, *смертствуют*.

Так погружается в смерть Александр Дванов на последней странице «Чевенгура» – вступая в озеро, в глубину родины, где, думается ему, покоится его отец.

И там есть тесное, неразлучное место Александру, где ожидают возвращения вечной дружбой той крови, которая однажды была разделена в теле отца для сына. Дванов понудил [лошадь] Пролетарскую Силу войти в воду по грудь и, не прощаясь с ней, продолжая свою жизнь, сам сошел с седла в воду – в поисках той дороги, по которой когда-то прошел отец в любопытстве смерти...» («Чевенгур» [Платонов 1988, 441])

Александр не умирает, а скорее «продолжает свою жизнь» в смерти, возвращается кровью в отцовскую кровь, идет дорогой отца, все более приближаясь к нему, «потому что Александр был одно и то же с тем еще не уничтоженным, теплящимся следом существования отца».

«Смертствовать» – не то же самое, что «умереть», т. е. дойти до конца жизни, исчезнуть. «Умереть» – поддаться действию смерти, «убить» – стать ее причиной или виновником, тогда как «смертствовать» – значит выйти из этого субъектно-объектного дуализма, это существовать-через-смерть. Человек – существо смертное, значит, ему надлежит человечествовать и смертствовать. Так, собственно, и любая вещь в платоновском мире по сути «веществует» сама из себя. Живое живет, растение растет, трава травствует, земля земствует, смертный смертствует т. е. распредмечивает себя в действии, как бы превращает свое название в глагол, в способ бытия. Хайдеггеровское «корнесловие», склонность к извлечению из глубин данного корня все новых проясняющих его производных, существенно и для Платонова – не в лексике, но в стиле мышления. «Смертствовать» – превратить смерть из объекта («он нашел свою смерть...») или субъекта («смерть настигла его...») в предикат существования того, кто смертен. Платоновский человек не разрывает «вещества существования»: он так же полно «смертствует» в смерти, как и бытийствует в бытии.

* * *

Николая Федорова и Мартина Хайдеггера можно рассматривать как два философских полюса в творческих исканиях Андрея Платонова.

Его становление как художника-мыслителя – это движение от Федорова к Хайдеггеру. Ранний Платонов воспекает техническую мощь человечества, которое, вооружившись коммунистической верой, должно одержать победу над смертью в планетарном масштабе. Воскрешение умерших – вот общая цель социальной и научной революции. Зрелый Платонов приходит к пониманию, что смерть залегает глубже, в самих источниках бытия, и потому неподвластна возможностям техники и социальным преобразованиям. «Евнух души» неотделим от бытия человека человеком, пребывает внутри каждого, как само Ничто пребывает в сердцевине бытия. Представлять это Ничто в духе Николая Федорова, как силу только враждебную человеку, подлежащую техническому преодолению, – значит не понимать глубокой укорененности человека в этом Ничто, откуда произрастает открытость бытия и человеческая способность его созерцать, осмысливать и выговаривать. Вне отношения к Ничто нельзя объяснить ни экзистенциальной тоски, ни повседневного героизма личности, которая совершает труд бытия каждым своим вздохом и движением, упорством и терпением жить. Смерть – это тоже труд, который не дается человеку легко, «даром», но требует мужества, решимости и смирения. Смертствование – это жизнь, которая постоянно испытывается смертью, исхождением и возвращением в Ничто. Нельзя победить Ничто или вытеснить его из бытия. Можно только проходить через жизнь вместе со своей смертью, неся ее в себе как «мертвого человека», стороннего всему и именно поэтому обреченного на сознательное и терпеливое участие в бытии.

6. В. Набоков и А. Платонов: метафизический спор

Набоков и Платонов – писатели-одногодки (1899 г. р.) – представляют как бы два полюса русской литературы XX века. Их принято противопоставлять по самым разным критериям: элитарность – народность, аристократия – пролетариат, индивидуализм – коллективизм, консерватизм – революционность, утонченный идеализм – стихийный материализм, рефлексия – органика, эстетизм – реализм, созерцательность – труд, природа – техника, воздушное – земное... Однако между Набоковым и Платоновым есть глубокая метафизическая перекличка в понимании жизни и смерти, яви и сновидения.

Тема небытия внутри бытия оказывается глубоко значима для обоих, но они подходят к ней с разных сторон. Для Платонова – это начальное условие бытия человека в пустом, тоскливом мире, где приходится длить свое необеспеченное смыслом существование. Это «евнух души»

и «мертвый брат» внутри каждого существа. У Набокова интуиция небытия является таким поэтическим натуром, как Цинциннат из «Приглашения ка казнь», на вершинах существования, в минуты исключительного прозрения, в самой утонченной рефлексии. Жизнь сквозит чем-то нездешним – и в конце концов распадается, как картонная декорация, или разбивается как зеркало-коверкало. Это ощущение мира как миража у Набокова – остаток интуиции двоимирия у символистов. У Платонова, напротив, пустота разверзается внутри мира и составляет реальнейшее его свойство. Отсюда труд существования, упорного, тягостного и не имеющего заведомого смысла. У Набокова – *гностическое* восприятие небытия, у Платонова – *экзистенциальное*. Гностик постигает окружающий мир как ложный, как тюрму, в которую он посажен злокозненным демиургом, – и томится по настоящему миру. В основе же этого мира он, как Цинциннат, чувствует неподлинность, небытийственность. «Кругом было странное замешательство. Сквозь поясницу еще вращавшегося палача начали просвечивать перила... Зрители были совсем, совсем прозрачны, и уже никуда не годились, и все подавались куда-то, шарахаясь, – только задние нарисованные ряды оставались на месте».

Есть у Набокова и параллель платоновскому «евнуху души» или «мертвому брату» – это духовный двойник, живущий в Цинциннате и все менее причастный окружающему миру. За Цинцинната говорит «какой-то добавочный Цинциннат», за ним следует его «призрак», «настоящий» Цинциннат пытается сохранить самообладание, тогда как слабый Цинциннат всего боится. К концу романа, уже во время казни, «один Цинциннат» занят счетом до десяти, а «другой Цинциннат» уходит туда, где находятся существа, подобные ему. Показательна сцена, где Цинциннат снимает с себя сначала одежду, потому голову, вынимает ключицы, грудную клетку, бросает руки, как рукавицы, в угол. «То, что оставалось от него, постепенно рассеялось, едва окрасив воздух». Так обнаруживается глубинное ничто внутри человека, которое и позволяет ему воспринимать окружающий мир как плотный, материальный и одновременно перерастать его и открывать вход в иной мир, таинственное потусторонье. Недаром Вера Набокова в предисловии к посмертному изданию рассказов своего мужа (1979), указала, что главная тема писателя – «потустороннее», дав толчок появлению многих исследований «иномирности» (“otherworld”) у Набокова.

Вряд ли, однако, понятие «потустороннего» приложимо к Платонову. Именно там, где два писателя ближе всего подходят друг к другу,

наглядно обнаруживается их различие. Если у Набокова, в самом деле, проступают порой едва уловимые черточки иного мира, который несет в себе освобождение, то Платонов целиком сосредоточен на этом мире, только он выступает как царство мертвых. Не загробное или замогильное, а именно могильное и гробовое – не случайно сам «котлован» превращается у Платонова в огромную могилу, куда из соседних деревень приходят крестьяне с самодельными гробами, чтобы себя похоронить в основании будущего здания коммунизма, которому так и суждено остаться недостроенным. И «мертвый брат» у Платонова – это совсем не то, что внутренний двойник Цинцинната, который может освободиться от телесной оболочки и пойти в мир своих собратьев («пошел среди пыли и падших вещей, и трепетавших полотен, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему»). Платоновскому «мертвому брату» некуда идти, он обречен оставаться в этом мире и созерцать его томительную пустоту. Поэтому у Платонова нет столь характерных для Набокова гностических терминов и образов: *призрак, мнимость, иллюзия, ирреальность, фантом, просвечивать, прозрачность*. Это не его мировосприятие и не его словарь. У Платонова: *тоска, скука, пустота, глухота, томление, терпение, длительность, неизбывное время*. Это экзистенциальный словарь.

Оба писателя сходятся в теме сновидчества – и вместе с тем расходятся в ее трактовке. По Платонову, «не существует перехода от ясного сознания к сновидению – во сне продолжается та же жизнь, но в обнаженном виде» («Чевенгур»). Сон не мешает действиям персонажей: это спящие воины, которые не осознают реальности мира, но упорно действуют в нем, сражаются, трудятся, строят новую жизнь. «У бобыля только передвигалось удивление с одной вещи на другую, но в сознание ничего не превращалось». Это сон быстрый, активный, порой героический, хотя и неспособный изменить природу бытия. Сон не отличается от яви, и нет начальной презумпции реальности, как нет и последующей ее демистификации.

Набоков, наоборот, старается зафиксировать момент, когда его персонажи осознают себя или мир вокруг «снящимся»: «“В хорошем сне мы живем, – сказал он ей тихо. – Я ведь все понял.” Он посмотрел вокруг себя, увидел стол и лица сидящих, отражение их в самоваре – в особой самоварной перспективе – и с большим облегчением добавил: “Значит, и это тоже сон? эти господа – сон? Ну-ну...”» («Защита Лужина»). Набоковские персонажи вдруг ощущают, что перенесены в состояние сна какой-то чуждой, колдовской силой, что бытие,

воспринятое ими как явь, на самом деле соткана из сновидений. Это сон пассивный, гипнотический, завораживающий – но отсюда и возможность проснуться, которой лишены герои Платонова: для них есть только один мир, в котором сон не отличим от яви. Они живут почти бессознательно, как во сне, тогда как набоковские персонажи способны *осознать* свое бытие как сновидение, а тем самым и пробудиться. Для Набокова существенны душевные усилия героя, пытающегося проснуться и даже способного увидеть себя, спящего, со стороны, осознать свою призрачность.

Герой рассказа «Посещение музея» попадает в музей, где находится разыскиваемый им портрет петербургского дедушки его приятеля. Магия этой далекой жизни, внесенной сюда, в провинциальный французский городок, вдруг притягивает его и уводит обратно, на родину портрета, но уже не в Петербург, а в современный Ленинград. ««Нет, я сейчас проснусь», – произнес я вслух и, дрожа, с колотящимся сердцем, повернулся, пошел, остановился опять... и я уже непоправимо знал, где нахожусь. Увы! это была не Россия моей памяти, а всамделишная, сегодняшняя, заказанная мне, безнадежно рабская и безнадежно родная. Полупризрак в легком заграничном костюме стоял на равнодушном снегу, октябрьской ночью, где-то на Мойке или на Фонтанке, а может быть и на Обводном канале... О, как часто во сне мне уже приходилось испытывать нечто подобное, но теперь это была действительность...». Мы видим излюбленное Набоковым слово «полупризрак» и противопоставление сна и действительности. Окружающий мир воспринимается как сон – и одновременно осознается, что выступает как знак пробуждения.

Подведем итог. То, что сближает Платонова с Хайдеггером, отделяет его не только от Федорова, но и от Набокова. Платонов и Хайдеггер воспринимают Ничто экзистенциально, Федоров – теургически, Набоков – гностически. Для Федорова задача – преодоление смерти и уничтожение самого Ничто, решаемая технически и теургически. Человек своими силами решает задачу, поставленную перед ним Богом, и при этом сам становится как Бог, приобретает власть воскрешать своих предков и обретает практическое бессмертие. Платонов и Хайдеггер видят неизбежность этого Ничто, вброшенного в мир, осветляющего его изнутри и побуждающего вопрошать и мыслить о бытии. Для Набокова же сам мир может постигаться как ничто, как мнимость, которая, при озарении или чудесном стечении обстоятельств, развеивается усилием сознания и воли. «Ничто» при этом выступает не как последняя реальность, а как «откидывание крышки», разоблачение призрачности

этого мира, за которой открывается реальность другого порядка, для нас не постижимая.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ПЛАТОНОВ, А. (1984): *Собрание сочинений в трех томах*. Т. 1. Москва: Советская Россия.
- ПЛАТОНОВ, А. (1985): *Собрание сочинений в трех томах*. Т. 3. Москва: Советская Россия.
- ПЛАТОНОВ, А. (1988): *Чевенгур*. Москва: Художественная литература.
- СЕМЕНОВА, С. (1989): *Преодоление трагедии. «Вечные вопросы» литературы*. Москва: Советский писатель.
- ФЕДОРОВ, Н. Ф. (1982): *Сочинения*. Москва: Мысль.
- ХАЙДЕГГЕР, М. (1987): Исток художественного творения. In: *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв. Трактаты, статьи эссе*. Москва: изд. МГУ, 1987.
- ХАЙДЕГГЕР, М. (1993): *Что такое метафизика? В его кн. Время и бытие. Статьи и выступления*. Москва: Республика.

Профиль автора:

Михаил Наумович Эпштейн

профессор теории культуры и русской словесности университета Эмори (Атланта, США) и Даремского университета (Великобритания). Директор Центра обновления гуманитарных наук (Даремский университет), - философ, филолог. Научные интересы: Автор 30 книг и более 700 статей и эссе, переведенных на 18 иностранных языков, в том числе «Парадоксы новизны» (М., 1988), «Философия возможного» (СПб, 2001), «Отцовство» (СПб., 2003), «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук» (М., 2004), «Постмодерн в русской литературе» (М., 2005), «Слово и молчание. Метафизика русской литературы» (М., 2006), «Философия тела» (СПб, 2006), «Sola amore: Любовь в пяти измерениях» (М., 2011), «The Transformative Humanities: A Manifesto» (НЙ – Лондон, 2012), «Религия после атеизма: новые возможности теологии» (М., 2013).

Лауреат премий Андрея Белого (1991), Лондонского Института социальных изобретений (1995), Международного конкурса эссеистики (Берлин-Веймар, 1999), Liberty (Нью-Йорк, 2000).

Durham University, UK

Department of Russian, School of Modern Languages and Cultures,
Elvet Riverside 1 Durham DH1 3JT

<https://www.dur.ac.uk/mlac/russian/staff/display/?id=9726>
epstein05@mail.ru

МАРИНА АЛЬБЕРТОВНА ХАТЯМОВА

Россия, Томск

ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТОСТРОЕНИЯ В ПОВЕСТИ Н. Н. БЕРБЕРОВОЙ «РОКАНВАЛЬ»

ABSTRACT:

The peculiarities of plot-building in N. N. Berberova's novella Rokanval

The article analyses plot-building of the N. N. Berberova's novella Rokanval (1936), the genetic pre-texts of which are deeply rooted in the works of I. A. Bunin and V. V. Nabokov. The artistic dialogue with the most significant representatives of both elder and younger generations of literary emigration as well as self-citation become the forms of Berberova's aesthetic self-reflection, connecting her identity in émigré literature with the stylistic line defined by Khodasevich and Nabokov.

KEY WORDS:

Russian émigré literature – N. N. Berberova's prose – narrative strategies – plot – narration – literary allusions – literary reflection.

Н. Н. Берберова (1891–1993), известная биографическими и мемуарными книгами («Чайковский. История одинокой жизни», 1936; «Бородин», 1938; «Курсив мой: Автобиография», 1972; «Железная женщина: Рассказ о жизни М. И. Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях», 1981; «Люди и ложи: Русские масоны XX столетия», 1986), оставила после себя почти не исследованное прозаическое наследие: малую прозу (книги рассказов и повестей «Биянкурские праздники», 1929–1934; «Рассказы не о любви», 1931–1940; «Облегчение участи», 1934–1941) и четыре романа: «Последние и первые: Роман из эмигрантской жизни» (1930), «Повелительница» (1932), «Без заката» (1938), «Мыс бурь» (1948–1950). Во второй половине 1930-х годов у Берберовой (к то-

му времени автора популярных у эмигрантского читателя «Биянкурских праздников», романов «Последние и первые» и «Повелительница», повести «Аккомпаниаторша») наступает самый плодотворный в ее парижской эмиграции период: создаются биографии Чайковского и Бородина, роман «Без заката», но главным своим художественным достижением много позднее, в «Курсиве», она назовет повести «Роканваль: хроника одного замка», «Лакей и девка», «Облегчение участи», «Воскрешение Моцарта» и «Плач»: «В “Современных записках” я печатала повести. Они были сначала подражательны, каким был и мой первый роман «Последние и первые», о котором было довольно много сочувственных отзывов. <...> Уже в середине тридцатых годов я начала понимать, что самая подходящая для меня форма есть повесть <...> В моей книге «Облегчение участи. Шесть повестей», вышедшей в Париже (издание Умса) в 1948 году, собраны мои лучшие вещи того периода» [Берберова 2011(б): 437–438].

Все повести посвящены изображению эмигрантского существования и объединены общим сюжетом умирания, изображением смерти как процесса. Каждое произведение дает свой инвариант умирания, а собранные вместе они воссоздают некую художественную типологию распада. Семантическим претекстом этих повестей стала «Аккомпаниаторша» – записки человека, который умер. Картина раздробленного, «разъятого» внешнего и внутреннего (сознание героини) миров воссоздается как поток сознания – в дневнике героини, перволичным повествованием. Несмотря на то, что Берберова вносит свою лепту в изображение трагедии «подпольного человека» молодой эмигрантской прозы, смерть героини находится на периферии авторских размышлений (как умерла героиня – не известно и не важно). Кроме того, структура «текста в тексте» и литературные аллюзии существенно корректирует идею «человеческого документа» Г. Адамовича, которую художественно воплощали младоэмигранты. Публикация записок аккомпаниаторши сообщает им статус артефакта – художественного документа эпохи, который сохраняется и живет вопреки смерти их автора. Проективную значимость этого документа (глубоко укорененного в традиции и соединяющего современную дневниковую прозу потока сознания с дневниковой классической традицией предшествующих эпох) автор реализовал с помощью структуры «обрамляющего метатекста» (Р. Д. Тименчик). Повествовательная рамка сыграла роль двойного моделирования: сюжет распада оказался обрамленным, «вошел» в сюжет творческого созидания. Изображающий гибель человека в эмиграции дневник Сони содержит в себе и альтернативные пути преодоления тотального разрушения – жизнь в творчестве

Травиной, Митеньки, Бера. Автор размыкает коллизию «отцов и детей» в эмигрантскую проблему преемственности поколений, наследования детьми культуры «отцов» (символизма). Ценности, которыми живет творческая личность, – свобода, независимость, любовь, искусство – формируют талант, способный существовать в пространстве культуры и выстраивать свою жизнь по законам искусства. В повести «Аккомпаниаторша» поставлены проблемы выживания и смысла жизни человека в эмиграции, а разрушению и гибели автор противопоставляет жизнеутверждающий сюжет существования без социальных и пространственных границ – в мире культуры.

Говоря о «подражательности» своих первых повестей, Берберова, по-видимому, имела в виду «Аккомпаниаторшу» и «Роканваль». Сюжет и система персонажей «Аккомпаниаторши» испытали сильное влияние двух значимых для метрополии и диаспоры произведений 1920-х годов – «Зависть» Ю. Олеси и «Золотой узор» Б. Зайцева [Хатямова 2008: 232–250]. Повесть «Роканваль» (1936), имеющая подзаголовок «хроника одного замка», в которой изображено традиционно-эмигрантское разрушение родового гнезда, Дома, распад семьи, также полигенетична. Вымышленное название замка, находящегося в реальном французском «юго-западном углу Иль-де-Франса» и фонетически рифмующегося с Буживалем, помещает события в пространство культуры, программируя читательские ожидания тургеневско-бунинско-набоковского сюжета воскрешения утраченной родины памятью. Хронотоп посещения фамильной усадьбы, хранящей в себе следы утраченной культуры, и Я-повествование, обосновывающее важность самоопределения субъекта, отсылает к известному рассказу И. А. Бунина «Несрочная весна» (1923). Текст Бунина, семантически «заряженный» элегическими образами и сюжетами Батюшкова, Державина, Баратынского, несет в себе «тему времени, памяти и истории» [Капинос 2014: 193–217], сообщает берберовскому произведению контекст большой литературы, романтической классики. Кроме того, Берберова воспроизводит и сам принцип организации повествования, «вырастающего» из поэтической цитаты. Как бунинский рассказ пронизан организующими его топику (в первую очередь) мотивами «Запустения» Баратынского, так и повествование Берберовой «отзеркаливает» на цитируемый в нем поэтический текст – стихотворение А. К. Толстого «Ты помнишь ли, Мария...». Установка на реципиента в поэтическом тексте поэта-романтика (стихотворение обращено к двоюродной сестре поэта М. В. Волковой, урожд. княгине Львовой, 1833 – 1907) имеет параллельную структуру в прозаическом повествовании, организованном от имени героя-рассказчика и обра-

ценном к читателю-другу. Кроме того, классическая реминисценция становится еще одним романтическим претекстом, важным как для Берберовой, так и для Бунина, т. е. «запускает» литературную игру младшего прозаика со старшим, указывая и на традицию, которую они продолжают, но и на полемику, другое отношение к теме утраченной реальности. Несмотря на то, что стихотворения и в рассказе Бунина, и в повести Берберовой читают персонажи, есть принципиальная разница в функционировании сюжета утраты родины в этих двух текстах. Если в рассказе «Несрочная весна» сюжет умирания/исчезновения имеет всеобъемлющий характер и принадлежит плану автора (поэтому и происходит трансформация эпического сюжета в лирический), то в повести Берберовой тот же сюжет ограничен уровнем героя, постепенно переживающим невозможность «догнать» утраченное. И в этой связи другим важным источником аллюзий становятся произведения В. В. Набокова, буквально программирующие сюжет первой повести цикла, побуждая читателя рассматривать «Роканваль» на фоне и в связи с его русскими произведениями.

Отсылка к набоковской «Машеньке» (году ее создания) содержится уже в первом предложении: «Десять лет тому назад, в июле 1926 года, я впервые перешел тяжелый каменный мостик между двух ржавых цепей, который соединяет замок Роканваль с остальным миром» [Берберова 2011: 67]. Заметим, что если повествовательная рамка («десять лет тому назад»), помещающая историю в прошедшее время, еще отвечает лирическому «первоисточнику» (последняя строчка стихотворения Толстого: «Ты помнишь ли, Мария, утраченные дни?»), то конкретный – 1926 год – избыточная и далее никак не комментируемая информация, значимая только в связи с публикацией первого романа Набокова, к которому появятся и другие отсылки.

Рассмотрим сюжетостроение повести Берберовой. Только что окончивший лицей молодой русский эмигрант по приглашению своего французского друга Жан-Поля приезжает летом погостить в фамильный замок «Роканваль». Первая сюжетная ситуация (гл. 1–2) задана путешествием в прошлое, в пространство утраченной родины и детского рая. Роканваль, где доживает свои последние дни русская графиня Прасковья Дмитриевна – бабушка молодого француза, предстает для героя-рассказчика сказочным пространством, отгороженным «от остального мира» рвом, через который перекинут каменный мостик. Переход границы между мирами сопровождается желанием обрести память: «...Аллея чудовищных, древних лип, посаженных в четыре ряда, ведет сюда из остального мира. И пока я шел по ней к каменистому мостику,

я успел и разволноваться, и подготовиться <...> эта аллея прадедовских деревьев напоминала мне мое единственное русское впечатление, увезенное нечаянно, как увозят чужую вещь, обнаруженное внезапно, как наследственная болезнь, – к огромной моей радости, когда я уже начал свыкаться с тем, что настоящей России не знаю, не видел...» [Берберова 2011: 67–68]. О рассказчике читатель постепенно узнает, что он пишет стихи (французские и русские) и «мечтает стать писателем» [Берберова 2011: 70]. Литературоцентричность его сознания во многом определяет и его смутные воспоминания о своих корнях, и надежды на обретение утраченного детского рая во французском замке: «Читая не то Толстого, не то Тургенева, не то, может быть, даже Чехова – потому что мама приохотила меня к чтению именно русских книг, – читая описание какого-то вполне сказочного помещичьего дома, я внезапно представил себе – сперва очень общо – дорогу, ведущую к этому дому, к ампиричному его балкону, к низким жасминным кустам. Я увидел старую липовую аллею <...> Волнение, охватившее меня при въезде в Роканваль, было неожиданно и сильно. Аллея моего детства, моего рождения, моего досуществования торжественно и чудно стояла передо мной, скрывая небо, солнечный свет, весь этот июльский знойный полдень!» [Берберова 2011: 68–69]. Однако подчеркнутая фикциональность событий, спроецированных на литературные коды, сообщает изображаемому ирреальный характер. Автор и герой имеют прямо противоположные нарративные позиции: герой стремится найти утраченное, тогда как автор (и читатель) изначально понимают невозможность этого, т. е. нарративный план воспроизводит сюжет умирания/разрушения прошлого.

Попадая в замок-крепость, заложенный фаворитом Франсиска I и наполненный вещами из прошлого, герой стремится проникнуть в тайну истории, обнаружить следы ушедших веков. Но книжное мышление героя вносит путаницу в восприятие ушедшей реальности: «Когда я в ранней молодости думал о прошлом веке, то представлял его себе гораздо отдаленнее, чем он есть на самом деле, вернее, представлял себе не конец XIX века (для таких, как я, именно последние 30 лет XIX века есть время «дедовское»), а темный фантастический период, из которого сейчас уже не уцелел никто. Вероятно, в этой ошибке повинны были прочитанные в детстве книги, где «прошлым веком» именовался век XVIII. Тогда, воображая себя Николаем Ростовым или Германном, я еще слишком близко чувствовал воображением закат Екатерининской эпохи <...> Нет, нет! Время наших дедов – это первый автомобиль и парижские выставки, франко-прусская война и смерть Скобелева, это

«Пиковая дама» Чайковского и романы Боборыкина <...> И этот век, как Ростову – grosфатер, как Германну – пудренный парик, случилось мне увидеть в замке Роканваль. Это была бабушка Прасковья Дмитриевна» [Берберова 2011: 73–74]. Хронологически не мотивированное обращение к екатерининской эпохе становится дополнительным наведением на «Несрочную весну» Бунина, герой которой совершает подобное путешествие в прошлое в те же годы, но в Советской России, рассказывая о посещении помещичьей усадьбы своему эмигрантскому другу в письме. Прямая отсылка к знаменитому бунинскому тексту является первым сигналом тщетности усилий героя по обретению прошлого.

Сохранение прошлого герой-рассказчик усматривает во внешности престарелой графини, фасоне ее платья, в пришедшем в упадок убранстве замка, в ее комнате с вырезанными (сыном-авантюристом) гобеленами на стенах и роялем, на котором играл Сен-Санс, в старых фотографиях, в которых «сохранилось» прошлое. Он ежедневно обходит ее комнату как музей, и старинные вещи – знаки прошедшей эпохи, возвращают его в собственное детство, поэтому имеют особую притягательность: «Два канделябра с необожженными свечами стояли у зеркала; это было трюмо, каких теперь не делают, зеленоватое, с гнутыми ножками прескверного фасона девяностых годов. Оно притянуло меня к себе с первого раза, не знаю чем <...> словно оно отражало уже когда-то, где-то, далеко отсюда ту, а не эту мебель <...> Я вглядывался в мутное стекло <...> и ждал, что сейчас в нем откроется мне Россия...» [Берберова 2011: 74–75].

Изучение замка как музея дополняется «сбором» истории эксцентричной семьи Жан-Поля, имеющей помимо русских корней французские (его предки находились «в свойстве с Бонапартами», имя отсылает к Ж.-П. Сартру, авторитетному для младоэмигрантов французскому философу). История рода столь же интересна рассказчику, как и пространство замка. Пытаясь разгадать прихотливые узоры судеб потомков русской бабушки, он по-прежнему пребывает во власти литературы. Однако, начиная с 3 главы, задается вторая сюжетная ситуация – последовательной утраты иллюзий самим героем.

Решая проблему самоидентификации на грани жизни и литературы, герой переживает и ситуацию романтической влюбленности в девушку с русским именем Кира и «нежным и подвижным лицом такого оттенка, какой бывает иногда у чайной розы внутри» [Берберова 2011: 81]. Однако героиня явно не соответствует роли «тургеневской девушки», обнаруживая полное равнодушие к «родному пепелищу»; именно с Кирой связан мотив «вишневого сада» как неизбежной победы логики

жизни. 15-летняя героиня не по возрасту жестко и трезво размышляет о будущем Роканваля: «...Когда бабушка умрет, <...> Роканваль <...> продадут! – вскричала она с восторгом и растопырила пальцы. – Сперва продадут деревья – с этого начнут. Липы, тополя, осины – знаменитые, которых никакой червяк не ест, из которых строят все самое лучшее в Франции. Потом – дом с кусочком сада – под богадельню или санаторию. Потом разрушится сама собой каменная ограда, и землю разобьют на маленькие участки и продадут их в рассрочку. И люди начнут строить такие маленькие, гаденькие домики, все одинаковые, а какие останутся кусты – обведут проволочным забором. И вот поставят там граммофоны, и развешат сушить белье, и посадят кругом цветочки...» [Берберова 2011: 82–83].

Образ прекрасной, как сад, девушки, не любящей и не жалеющей никого и ничего, будит в герое желание «не жить сейчас, а быть сверстником Прасковьи Дмитриевны или еще не родиться, а родиться когда-нибудь после, когда все это уляжется» [Берберова 2011: 84]. Стремящийся увидеть в Кире, как и в других молодых представителях семьи, русские корни, рассказчик переживает глубокое разочарование, когда внезапно обнаруживает в них европейское «равнодушие к семейному их крушению», и «какую-то тайную черствость ко всему остальному миру, и злую радость, и нежелание ничего поправить и изменить даже для самих себя» [Берберова 2011: 84]. Когда же старшая сестра из ревности усылает Киру из Роканваля, она исчезает из жизни героя совсем бесстрастно – «как отходит облако». Сюжет «русский человек на randevu» переворачивается дважды: и героиня не соответствует уготованной ей роли, и герой почти сразу же после отъезда Киры легко увлекается мачехой своего друга.

Наращение драматизма (4 гл.) связано с внезапным появлением в замке эксцентричного сына Прасковьи Дмитриевны – дяди Роберта, странствующего аббата, миссионера, единственного человека «во всей семье, говорившего по-русски, бывавшего в России [Берберова 2011: 90]. Изложенная рассказчиком история судьбы дяди Роберта, полная непредсказуемых, почти новеллистических поворотов, сначала проецируется на романтический текст русской литературы: рассказчик обнаруживает в заброшенной будке в саду вырезанную на дверном косяке надпись – «Роберт. Ольга. 1897» – и понимает, что он «еще раз напал на русский след в этом французском замке». Кроме того, жизнь дяди Роберта предстает неким универсальным сюжетом героя-авантюриста, будящим в сознании читателя как известные европейские романтические образы и тексты, так и эмигрантские, с мечтой возвращения

на родину (его знакомство с рассказчиком завершается неожиданным призывом: «Желаю вам скорее вернуться в Россию!» [Берберова 2011: 90]: «Он кончил блестяще Эколь Нормаль и уехал в Россию, где изучил язык и принял православие. Он объездил Сибирь, а затем пропал, и на шесть лет нить его существования теряется. Говорят, он разводил где-то куниц, переправился на Аляску и гостил у какого-то индейского царька, который пожаловал его высоким чином. Когда он вернулся в Париж, его называли «русским графом», несмотря на его французское имя и парижскую юность. Здесь же, во Франции, он женился на русской барышне, встреченной на водах. Уже на второй год супружества эта женщина стреляла в него, промахнулась и бежала с каким-то офицером. Через полгода у нее родился ребенок – он не признал ребенка. Еще через полгода она вернулась к нему – он не принял ее. Затем след его опять теряется. Перед войной он вынырнул уже особой священной и в сутане предстал перед воинским присутствием (он опять вернулся в католичество). Невероятная доблесть его стала легендой, в 1919 году о нем была написана книга, после чего он принял монашество. К этому времени у него не оставалось уже ничего ни от задора, ни от мятежных чувств, он отрицал какую бы то ни было свою принадлежность к России, однако, как говорят, в годы гонений на католическую церковь в СССР побывал у папы с обстоятельным докладом» [Берберова 2011: 91]. Однако изображение «плотоядного» завтрака аббата разрушает идеальный модус «литературного» героя, подчеркивая несоответствие внешнего (аббат в сутане) и внутреннего, разрушительного начала: «... Человек лет пятидесяти, черный, с блестящими глазами, с красным, слегка опухшим лицом, и, широко расставив локти и зажав нож в кулаке, резал бифштекс. Он был в сутане с откинутым правым рукавом и быстро и жадно ел, пил красное вино, вытирался салфеткой и опять припадал к тарелке, где сочилось кровью толстое мясо (мне казалось, что оно визжит под его ножом). Сверкая глазами, он громко жевал – и что-то хрустело в комнате, – подливая в стакан, присасывался к стакану...» [Берберова 2011: 88].

К дяде Роберту, посещающему старую графиню с меркантильной целью, испытывает ненависть племянник Жан-Поль, который избегает с ним встреч и называет «дегенератом» и «авантюристом», но удивительным образом воспроизводит его путь. Жан-Поль ничего не может ответить герою-рассказчику на его замечание «Но ведь ты сам хочешь быть авантюристом!» После устроенной родителями помолвки с англичанкой Юной Жан-Поль спасается бегством, а перед этим вырезает следующий гобелен со стены комнаты Прасковьи Дмитриевны, совсем как

приводящий его в бешенство дядя Роберт. Повторяя поведение аббата, Жан-Поль оказывается во власти разрушительной судьбы рода, и почти осознает это, когда говорит герою при расставании: «Пожалуйста, не говори мне ничего ни о славянской душе, которая во мне просыпается, ни о тяжелой наследственности и дяде Роберте» [Берберова 2011: 98]. Кроме того, истории (полурусских) дяди и племянника отсылают к набоковскому «Подвигу». Как и Мартын Эдельвейс, находящийся в сложных отношениях со своим дядей, Жан-Поль уходит от распланированной родителями благополучной жизни с нелюбимой женщиной (англичанкой, т. е. неспособной понять его славянскую душу) в неизвестную жизнь. В финале герой-рассказчик надеется получить от него открытку «из Александрии, Лимы или... Москвы» [с. 105]. Наводит на набоковские тексты и предыстория взаимоотношений рассказчика и Жан-Поля: в ночных разговорах о смысле жизни последний удивил будущего писателя тем, «что ни о чем таком (писательстве – М. Х.) вовсе не думал: будущее являлось ему не в виде дара (курсив мой – М. Х.), на который каждый из нас имеет право, а в виде хитро запрятанной ювелирной вещицы, которую, при известной ловкости рук, может быть, и удастся украсть – украсть и уехать путешествовать за Северный полярный круг, на оленях, на собаках, или на забытые, на неоткрытые тропические острова, чтобы где-нибудь там, как он говорил, “начать жизнь сначала”...» [Берберова 2011: 70]. Экцентричный поступок без прагматических последствий Жан-Поля получает семантику «подвига».¹

Кульминацией сюжета становится появление в родовом гнезде последнего гостя – «старшей внучки», сестры Киры, «о которой никогда не говорилось в замке» [Берберова 2011: 102]. Пришедшая пешком под дождем из Лэ-Руа в замок в поисках последней надежды и не заставшая бабушку беременная женщина воплощает саму отверженность. Именно ее взгляд на Роканваль диагностирует разрушение замка и распад семьи: «Боже мой, – она глядела на в сизом утре блекнувший сад, – что случилось с Роканвалем! Как дико все, как уныло! И какие-то посторонние люди, – теперь она говорила не для меня, – какие-то чужие люди принимают меня...» [Берберова 2011: 103–104]. Литературность образа

¹ Ср.: «Мартын уходит в Зоорландию после того, как выстраиваемые им отношения распались (с Дарвином, матерью), и Мартын понимает это как закон жизни. Экспедиция Мартына – не возвращение, а исследовательский подход, чтобы проверить, что стало с его Родиной... Финал романа можно трактовать как выход из нарисованного, сказочного мира (где все обратимо, торжествует добро, любовь и жизнь) в реальность, утверждение своей смертной человеческой сущности» [Полева 2008: 106]. Общеэмигрантский сюжет возвращения на родину разрабатывается Берберовой в более раннем рассказе «Биянкурская рукопись» (1930) из цикла «Биянкурские праздники» [Хатямова 2012: 100–110].

преступившей приличия и законы рода девушки вступает в резкое противоречие с глубиной переживаемых ей вполне реальных страданий. Жизнь для рассказчика «заслоняет» текст, когда он слышит краткую исповедь гостыи в собственном доме: «Двадцать лет тому назад, <...> когда я была совсем маленькой и был еще жив дедушка, здесь стояли такие громадные кресла, в которых можно было свернуться и спать. И как все тогда любили друг друга! <...> И как всегда всем хотелось, чтобы все у меня было хорошо, счастливо, а главное – прилично, а вот вышло не счастливо, не хорошо и совсем не прилично, и только бабушка одна, только она... У нее у самой нет денег. А она посылала. И даже увидеть захотела» [Берберова 2011: 103].

Окончательное осознание героем-рассказчиком невозможности оживить прошлое происходит ночью, в состоянии онейрического полусна: «...где-то взошла и через час упала луна. И тогда со мной случилось что-то странное, я потерял чувство времени. Сначала мне показалось, что это рассвет, потом представилось, что это не коридор вовсе, а узкая больничная палата, где я лежу, но не сейчас, а бог знает сколько лет тому назад. Чем-то северным сквозило окно. От белых стен исходили призраки. Хирургическая, морг, чистилище – все оказывалось как-то рядом» [Берберова 2011: 103]. Сон о лечении многолетней эмигрантской болезни сохранить потерянный рай усилием памяти и культуры сигнализирует, что изживший литературный искус герой уже подсознательно готов к восприятию реальности. Довершает картину разрушения Роканваля и – шире – безвозвратного ухода прошлого сцена продажи с молотка имущества некоего мосье Дюпона на центральной площади в Лэ-Руа в базарный день. Проводив ночную посетительницу, герой наблюдает, как «сперва робко, смущаясь происходящим, потом все смелей, потом нагло подходили люди рассматривать, ворошить чужое добро; они садились в кресло, скрипели дверцами буфета, крутили кофейную мельницу. Два маленьких мальчика стояли тут же и без слез провожали то, в чем до сих пор жили» [Берберова 2011: 104]. Именно в этот момент, когда «рушилось лето, и отлетал призрачный... дух этого старого, чужого праха», герой, совсем как набоковский Ганин окончательно понимает, что оно невозвратно: «Я увязывал книги, запирал чемодан и шел прощаться с мосье Морисом, и все, что покидал я в тот час, так печально и безнадежно затихало за мною: затихали наши комнаты, затихали гостиные в чехлах, затихала лестница; в тягучем шепоте осени затихал парк; <...> и смолкла надо мной моя аллея, похожая в это утро на памятник чему-то, чего давно уже нет, ни здесь. Ни в моей стране, нигде на свете» [Берберова 2011: 105]. «Тени» / «призраки» про-

шлого отступают. Как набоковский герой внезапно «пробуждается» от власти прошлого и радостно ощущает собственное здоровье, силу и способность «все замечать с какой-то свежей любовью», так и полный надежд на будущее рассказчик Берберовой спешит в жизнь, которая ждет его в Париже: «Все явственнее вставали впереди университет, мама, новая квартира. Может быть – свидание с мачехой Жан-Поля, может быть – открытка от него самого... Может быть – на похоронах бабушки – запретная встреча с Кирой. Все это казалось таким приятным и обыкновенным: я знал, что она будет, что оно возможно» [Берберова 2011: 105].

Присутствие двух эстетических полюсов – Бунина и Набокова – в повествовании Берберовой концептуально: их имена в читательском сознании отождествляются со старшим и младшим поколениями литературной эмиграции и отсылают к полемике о цели существования и воскрешении утраченной родины памятью. Повторение финала, как и набоковские аллюзии, актуализируют сюжет исчезновения, указывают на творческое самоопределение Берберовой в пространстве эмигрантской литературы,² поддержки ею эстетической линии Ходасевича – Набокова.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БЕРБЕРОВА, Н. Н. (2011): *Аккомпаниаторша: Рассказы в изгнании*. М.
БЕРБЕРОВА, Н. Н. (2011б): *Курсив мой: Автобиография*. М.
КАПИНОС, Е. В. (2014): *Поэзия Приморских Альп: Рассказы И. А. Бунина 1920-х годов*. М.
ПОЛЕВА, Е. А. (2008): *Мотив исчезновения в романах В. Набокова 1920 – 1930-х гг.* Дисс... канд. филол. наук. Томск.
ХАТЯМОВА, М. А. (2012): *Организация повествования в рассказах Н. Н. Берберовой (от «Биянкурских праздников» к «Рассказам не о любви»)*. In: Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 3 (19). с. 100–110.
ХАТЯМОВА, М. А. (2008): *Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века*. М.

² Позднее в своей автобиографии Берберова будет писать о Набокове как оправдании существования целого эмигрантского поколения: «...Новой идеи не бывает без обновления стиля, и поэтому в обновленном стиле все наслаждение, идущее на меня от нового искусства. Нашим несчастьем, трагедией нашей, «младших» в эмиграции, было именно отсутствие стиля, невозможность обновить его. Стиля не могло быть ни у меня, ни у моих сверстников. Один Набоков своим гением принес с собой обновление стиля»; «Я стою “на пыльном перекрестке” и смотрю “на его [Набокова – М. Х.] царский поезд” с благодарностью и с сознанием, что мое поколение (а значит, и я сама) будет жить в нем, не пропало, не растворилось между Биянкурским кладбищем, Шанхаем, Нью-Йорком, Прагой; мы все, всей нашей тяжестью, удачники (если таковые есть) и неудачники (целая дюжина), висим на нем. Жив Набоков, значит, жива и я! [Курсив автора – М. Х.]» [Берберова Курсив мой 2011: 434, 401].

Профиль автора:

Хатямова Марина Альбертовна

доктор филологических наук, доцент, профессор

профессор кафедры литературы Томского государственного педагогического университета и кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Томского политехнического университета

Научные интересы: литература русского зарубежья (творчество Н. Берберовой, М. Осоргина, Б. Зайцева и др.), модернистская проза первой половины XX века и творчество Е. И. Замятина, проблемы повествования и литературной рефлексии.

Россия

Томский государственный педагогический университет

Ул. Киевская 60, г. Томск, 634041

<http://www.tspu.edu.ru>

Россия

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Пр. Ленина 30, г. Томск, 634050

<http://www.tpu.edu.ru>

Khatyamovama@mail.ru

ОКСАНА МОКЛЯК

Україна, Полтава

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНІ УГРУПОВАННЯ МЕТАФОРИЧНИХ АФЕКТОНІМІВ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

ABSTRACT:

Lexical and semantic grouping of metaphorical affectonyms in Ukrainian

This article reveals the investigation of metaphorical tender nominations, the units of intimate discourse which were traced in Ukrainian literature, epistolary and vernacular speech (according to the data of forum and surveys), where the lexical and semantic groups are determined and the specific features of metaphorical transfer are analyzed. Statistic data is represented according to every determined group (the quantity content and the frequency of their usage).

KEY WORDS:

Affectonyms – intimate communication – addressee – metaphor – lexical and semantic groups – association – emotionality – affectivity – language game.

Постановка проблеми. Мета дослідження

Інтимне спілкування ґрунтується на максимальній внутрішній близькості мовця й адресата. В атмосфері повної довіри комуніканти розкривають свої почуття, уживаючи мовні одиниці, що вирізняються емоційністю, оригінальністю і є зрозумілими лише двом учасникам інтеракції. Серед таких одиниць особливе місце посідають афектоніми – апелятиви, що використовуються в інтимній комунікації. Зазначені номінації надзвичайно різнопланові, «оскільки фантазія людей, що творять під впливом емоцій ласкаві найменування, невичерпна» [Липа-

това 1984: 130], тож потреба в їх систематизації є незаперечною. Предметом цього дослідження стали українські ласкаві звертання, виражені іменниками, які мають метафоричну природу. **Метою** розвідки є виокремлення лексико-семантичних угруповань метафоричних номінацій-афектонімів в українській мові і дослідження специфіки кожного з них.

Проблема семантичної класифікації афектонімів порушувалася у працях багатьох зарубіжних дослідників. Так, вченими представлено спектр розглядуваних одиниць у різних мовах: польській, французькій, іспанській, нідерландській (Я. Перлін, М. Мілевська); словенській, польській, македонській (С.-К. Кобос, П. Юріч); польській (І. Жуковська, М. Банько); російській (А. Б. Черняєва). У вітчизняному мовознавстві запропоновані класифікації Е. С. Ветрової, М. С. Скаба через джерельну обмеженість фактичного матеріалу (лише епістолярні звертання, найменування, зафіксовані у тлумачному словнику) не експлікують повністю тематичну різноплановість можливих українських афектонімів. Ці класифікації репрезентують передовсім базові лексико-семантичні угруповання, однак їх можна значно розширити за рахунок неповторних звертань із живого мовлення, котрі не стали об'єктом вивчення вітчизняних лінгвістів.

Основним джерелом фактичного матеріалу для цього дослідження слугували твори художньої літератури, де зафіксовано типові для носіїв української мови одиниці, оскільки «план вираження художніх текстів формується їх авторами, носіями літературної мови, з опорою на загальнономовні закономірності» [Лукьянова 1986: 165]. Крім стереотипних, низку унікальних афектонімів зауважено в інтимному епістолярії. Додатково було задіяно дані форумів «Теревені», «Посиденьки», «Малеча», «Егоїстка» та ін. (адреси форумів указано в кінці статті). Анонімне анкетування, у якому взяло участь 946 осіб віком від 16 до 87 років, також дозволило зібрати значну кількість аутентичного матеріалу. Географія респондентів різнопланова (Київ, Полтава, Харків, Ужгород, Тернопіль, Житомир, Кіровоград), що дає можливість отримати більш об'єктивні результати, задіявши носіїв української мови різних регіонів.

Виклад основного матеріалу

Механізм метафоризації афектонімів важко розтлумачити за законами самого метафоричного процесу, суть якого полягає в «установленні асоціацій щодо подібності між властивостями об'єктів позамовного ряду і позначуваної особи» [Сукаленко 2011: 25], для розглядуваних одиниць домінантним є суб'єктивізм, смисл таких звертань не завжди

перебуває на поверхні. «Часто вибір тієї чи іншої експресивної форми відбувається спонтанно» [Баландіна 2002: 89], тому складно з'ясувати закономірності, що виявляються у процесі формування кожного конкретного метафоричного звертання. Можна зробити лише узагальнені припущення щодо активованих асоціацій, які зауважуватимемо в ході подальшого аналізу лексико-семантичних угруповань афектонімів. Зазвичай «власне мовне значення допоміжних образів-символів відходить на другий план, стирається, а в полі зору мовця лишається тільки їх загальний – позитивний – статус» [Глазунова]. Для афектонімів, похідних від одиниць, що в носіїв української мови викликають усталені негативні асоціації (*змійочка, жаба, кобра, вовк* та ін.), взагалі неможливо пояснити процес метафоризації. Як справедливо зауважує з цього приводу М. К. Липатова, «навіть чи кому прийде в голову порівнювати кохану з *пацюком* чи *вовком*, тому такі звертання не можна розглядати поруч зі звичайними метафорами. Походження їх логічно пояснити складно» [Липатова 1984: 119], хоча такі номінації теж трапляються в інтимній комунікації: *А мій мене трохи раніше коброю називав. Аж сумно стало, що зараз так не називає, мені подобалось* [<http://posydenky.lvivport.com/archive/index.php/t-43217.html>]. Саме позитивна атмосфера спілкування сприяє нейтралізації негативного значення. Як зазначає Г. Г. Почепцов, «прагматика людських взаємовідносин змінює семантику слів: образливим може стати ніжне найменування, пестливим – образливе, тобто семантика слова може локально змінюватися» [Почепцов 1987: 50]: *Я не раз телефонував до Києва, щоб лише почути його життєрадісне: – Здоров, собацюро! В його устах «пес» або «собацюра» було найвищою ознакою дружби, безкорисливої й відданої*. Дімаров А. А. «Прожити й розповісти».

Специфіка метафоричних афектонімів якраз і полягає в тому, що їх, на відміну від інших метафоричних назв особи, однозначно розтлумачити важко, можна лише припускати, які причини вплинули на вибір конкретного звертання. Щоправда, іноді з'ясувати прямі асоціації дозволяє контекст:

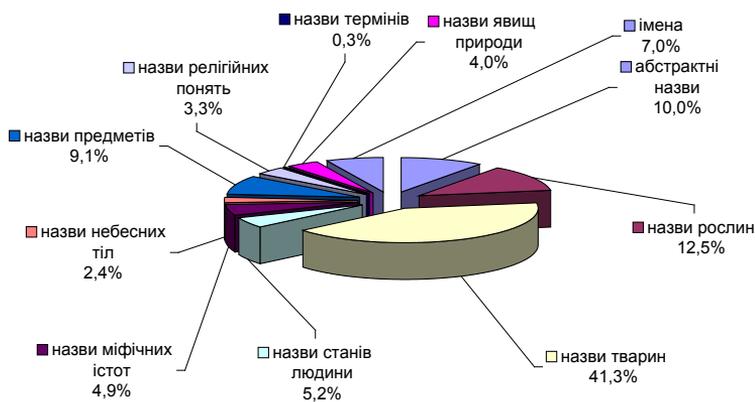
У білій сукенці, тонесенька в талії, під хвилями буйного волосся, скидалася на велику ромашку. Аркадій так і назвав її.

– ***Ромашко***, – сказав Аркадій того самого вечора, – за три тижні я заберу вас. Ірина Вільде «Сестри Річинські»;

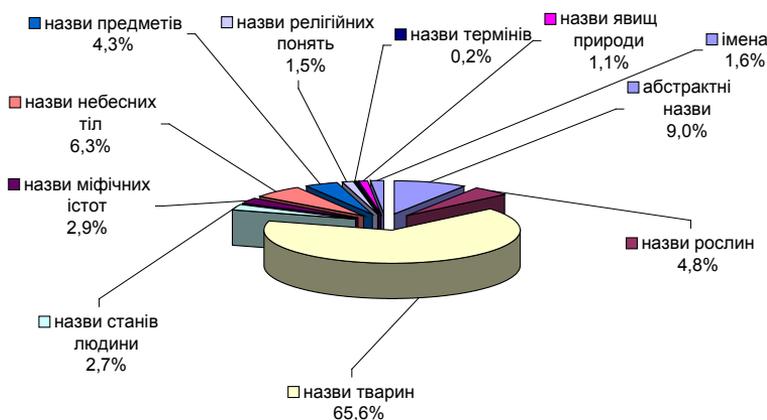
Вона пересунула голівкою по його обличчі, як кошеня. – А ти за Теміра не вийдеш, доки я не приїду? Кошеня моє м'якеньке! Гжицький В. З. «Чорне озеро».

Зважаючи на те, що не завжди можливо визначити ознаки мотивованості метафоричних афектонімів, в основу їх поділу було покладено «належність вихідної одиниці до того чи іншого семантичного поля» [Шпар 2012: 18]. Дібраний нами матеріал (330 одиниць-метафор) виявив таке лексико-семантичне багатство номінацій, пов'язаних з: 1) тваринним світом (зооморфізми); 2) рослинним (ботаморфізми); 3) небесними тілами; 4) природними явищами; 5) предметами (абіоморфізми); 6) термінами; 7) станами людини; 8) релігійними поняттями; 9) міфічними істотами, казковими героями; 10) іменами; 11) абстракціями. Кількісний склад груп та частотність уживання подано у вигляді діаграм:

Кількісне наповнення метафоричних груп

Частотність уживань

Форма метафоричних номінацій має такі вияви: 1) лише первинна форма: *радість, окунь* (форма *окунець* не зафіксована, хоча й можлива); 2) первинна і похідна: *квітка – квіточка*; 3) лише похідна: *гарбузик, мавпочка*.

1. Назви тварин (зооморфізми)

Зооморфні афектоніми є найчисленнішими (44,4 %) і найчастотнішими (66,7 %). Зумовлено це, очевидно, тим, що тваринний світ завжди був дуже близьким людині, він «співіснував з людиною, постійно спостерігався та вивчався нею» [Куц 2011: 31]. Оскільки порівняння з об'єктом тваринного світу зазвичай мають «яскраве пейоративне забарвлення» [Скляревская 1993: 90], то такі назви вживають здебільшого з демінутивними суфіксами, аби увиразнити їх позитивне звучання (*кізка, ведмедик, акулонька*).

1.1 Птахи. Серед зооморфізмів, як справедливо зазначає В. П. Мусієнко, «полюс позитивності представлений назвами птахів» [Мусієнко 1992: 21]. На цій специфіці вказаних одиниць наголошує також О. Г. Тодор, зауважуючи, що «позитивні якості людини передаються здебільшого за допомогою слів-назв птахів» [Тодор 1993: 68]. Можливо, саме зазначена особливість впливає на те, що більшість найменувань-орнітонімів вживаються без демінутивного суфікса, не втрачаючи позитиву, крім того, майже всі одиниці цієї підгрупи зафіксовані словниками зі значенням: 'пестливе називання чоловіка (жінки)', 'пестливе звертання до чоловіка (жінки)' [СУМ].

Поширеним є використання у функції афектонімів родової назви: *пташка (пташечка, птичка, пташина, птася)* (*Я тобою, пташко, веселюся. Шевченко Т. Г. «Гайдамаки»*). Також послуговуються цілою низкою номінацій, утворених від видових назв птахів: *голуб (голубчик, голубонько), голубка (голубонька, голубочка), галка (галочка), іволга, орел, сокіл (соколونько, соколик), соколиця, лебідь, лебідка, куріпка, соловейко, перепілка (перепілочка, перепілонька, перепелинонька), горлиця (горличка), ластівка (ластівочка), горобчик, жайворонок, журавка, лелека, качечка (утінка), курочка, філін, канареечка та ін.* (*Куріпка ти польовая, – промовив він любо та тихо і заніс руку, щоб обняти. Панас Мирний «Повія»*). Наявне функціонування гендерних опозицій: *голуб – голубка, лебідь – лебідка*, при цьому однакові асоціативні семи ('вірність', 'ніжність') зберігаються за обома представниками виду.

У деяких звертаннях очевидно є перевага окремої ознаки, наприклад, номінація *лебідка* асоціюється насамперед з вірністю, оскільки

лебеді в українському континуумі сприймаються як «символ подружньої вірності» [Жайворонок 2006: 329]. Образи ж *орла* й *сокола* є синкретичними. Так, І. О. Голубовська відзначає: «*орли* в метафоричному означуванні імплікують не лише сміливого, а й гарного чоловіка», «*соколом* у народнопоетичній мові називали відважного, гарного юнака або чоловіка» [Голубовська 2003: 66], комплексну ознаку підкреслює у вказаних звертаннях також А. М. Архангельська: «*орел, сокіл* – про гарного, зовнішньо досконалого і внутрішньо мужнього чоловіка» [Архангельська 2008: 265].

Поширеним в інтимному спілкуванні є вживання назв малят: *пташенятко, курчатко, перепелятко, голуб'ятко* (*Дай я тебе поцьомаю, пташенятко моє, – сказав я... Дереш Любка «Намір!»*). Особливий заряд ніжності цим одиницям надають асоціації з чимось маленьким, приємним, дорогим, «малому властиво бути милим» [Черняева 2008: 94]. Стереотипним є використання таких номінацій у звертаннях до дітей, однак, коли подібні афектоніми адресовані дорослій людині, їх позитивний заряд значно увиразнюється завдяки порушенню стереотипності. Цілком поділяємо думку В. П. Мусієнко: «якщо зооморфізм покликаний лише висловлювати приязнь та любов, то назва маляти, очевидно, передає *більшу міру ніжності*» [Мусієнко 1992: 22]: *ластівка – ластів'ятко, голубка – голуб'ятко*.

1.2. Ссавці. Ця підгрупа представлена родовою назвою *звірятко* (*Перестань, Танечко, перестань, моє маленьке звірятко... Гжицький В. З. «Чорне озеро»*) та видовими назвами (*мишка, зайчик (зайчисько), лань, кізка (кізонька, козулька), ведмедик, кабанчик, лисичка, ясочка (ласочка), білочка* (діалектизм *вивірка*), *мавпочка*) (*Не хвилюйся, моя трепетна лань, – лагідно озвався батько до матері. Кравченко Є. «Сердечна розмова»*). Вживаються паралельно і гендерні пари: *котик – кішечка, вовк – вовчиця*; здебільшого видова назва тварини переноситься на чоловіка або жінку залежно від статі: *котик, вовк* – він, *кішечка, вовчиця* – вона, хоча бувають і винятки. Наприклад, номінацію *котик* може використовувати комунікант і у звертанні до жінки: *Випровадивши гостей, отець Олександр застав дочку в ліжку. Плакала. – Що з тобою, котику? Голова?* Мейгеш Ю. В. «Верховинці».

Поширеними є назви дитинчат тварин: *мишеня, кошеня, порося*. Цікаво, що в таких афектонімах, як *порося, лисеня* «негативна характеристика стирається або й зникає зовсім» [Мусієнко 1992: 22], цьому насамперед сприяє атмосфера інтимного спілкування (навіть пейоративні одиниці зазнають меліорації), крім того, слід зауважити, що подібні номінації можуть у свідомості адресанта взагалі не пов'язуватися

з чимось негативним, наприклад, *поросятком* комунікант назве співрозмовника, помітивши його рожеві щічки чи кумедну поведінку, *лисенятком* – за руде волосся.

1.3. Земноводні та плазуни. Зафіксовано афектоніми *жабка, крокодил, зміючка, кобра (коброчка)*, що мають жартівливе забарвлення, до того ж вони вирізняються оказіональністю вживання, оскільки не кожен може порівняти близьку людину з твариною, що викликає в україномовної особистості вже усталені негативні асоціації, тоді як «німецьке колективне мислення вибирає для пестливої назви немовляти – *Frosch* (*жаба*) часто у сполученні з *süßer* (*солодкий*) або *lieber* (*милий*)» [Лобур 1999: 103]. Цікаво, що в інтимному спілкуванні трапляється навіть похідний від відсутньої нині тварини афектонім *динозаврик*, вживання якого з точки зору метафоричного перенесення пояснити складно, тут маємо справу з якимось індивідуально-авторським, спричиненим конкретною ситуацією, підтекстом.

1.4. Риби. Поширеним є звертання, представлене родовою назвою *рибка* (*рибчина, рибонька, рибочка*). І хоча у словнику цю номінацію тлумачать як *'пестливе звертання до дівчини, жінки'* [СУМ 1977: 528], така одиниця може бути адресована й чоловікові: *Дмитрику, рибочко моя золота...* Тютюнник Г. М. «Облога». Подібний прояв родо-статевої асиметрії відразу впадає у вічі, дивує своєю незвичністю, а отже, посилює впливовий ефект афектонімів, мотивує експресивне забарвлення їх значення: *Він мене називає зайчиком, а я його котюнь, або риба моя* [<http://posydenky.lvivport.com/archive/index.php/t-43217.html>]; *А з чоловіком ми називаємося – Риба* [<http://www.malecha.org.ua/forum/index.php?showtopic=600>].

Нехарактерним для носіїв української мови є використання у функції афектонімів видових назв риб, за результатами опитування трапилося лише кілька прикладів із вираженим відтінком грайливості, жарту: *акулонька, окунь, карасик*.

1.5. Комахи. Вживають родову (*комаха, комашечка*) та видові назви (*гусеничка, метелик*) (*Бджілонько моя! Невже й тепер мене не поцілуєш!* Кочерга І. «Свіччине весілля»). Зауважимо, що комуніканти обирають зазвичай реалії, які асоціюються в україномовної особи з позитивними рисами (*бджілка, метелик*), наприклад, бджола є «символом душевної чистоти, працьовитості» [Жайворонок 2006: 30], метелик – втіленням «краси, легкості, барвистості» [Бутенко 1979: 48]. Також послуговуються афектонімами, похідними від одиниць, що не викликають стійких узуальних асоціацій у носіїв української мови (*жучок, гусенична, коник-стрибунець*), адресант виокремлює семи, зрозумілі лише

в конкретній інтеракції; недостатньо знаючи конситуацію, можна лише інтуїтивно зрозуміти шлях метафоризації таких одиниць. Афектонім *мушка*, на відміну від зооморфізму *муха*, не виражає негатив, оскільки не пов'язаний у свідомості українця з чимось неприємним, до того ж позитивного звучання цій одиниці надає демінутивна форма.

2. Назви рослин (ботаморфізми)

2.1. Деревя, куці, трави. Зафіксовано лише одне найменування чоловіка, похідне від назви дерева: *явір (явірко)* (*– Мені тебе раптом так шкода стало... мій яворе під вітрами!* Андріяшик Р. В. «Сторонець»), яке зазвичай характеризує «його з найкращого боку – міцний, красивий, здоровий, сильний» [Венгренивська 2009: 73]. Решту ж афектонімів адресують жінці: *вербиченька, берізка, яблунька, вишня, смерічка*, вказуючи на її красу, тендітність, ніжність (*...виходжу, вербичко моя, на світло твоїх очей, на промені їх чисті.* Рубан В. Ф. «Виходжу, вербичко моя»). Серед назв трав використовують номінацію *любисток (Любистку мій терпкий... Цюпа І. «Крила стрепета»)*.

2.2. Квіти. Поширеним є звертання, похідне від родової назви: *квітка (квіточка, квітенька)* (*Ну, будь щаслива, моя квіточко!* Ткачук О. «Назустріч волі»). В. В. Нагель зазначає, що квіти з-поміж інших рослин вирізняються найбільшою яскравістю, імовірно, саме ця ознака береться до уваги під час вживання номінацій особи, утворених від назв квітів [Нагель 2008: 8], тому такі найменування домінують і серед афектонімів-ботаморфізмів. Цікаво, що назви вишуканих квітів (*трояндочка, тюльпанчик, лілія*) є менш уживаними порівняно з номінаціями, похідними від, здавалося б, не таких яскравих квітів: *нагідка, незабудка, фіалка, пролісок, чорнобривчик, кульбабка, ромашка, конвалія, волошка, льонок, ружа*. Можливо, саме в такий спосіб виражають значення 'чогось близького й рідного', викликають асоціації 'ніжність', 'тендітність' (*А чому ж ти тремтиш, нагідко моя?* Цюпа І. «Вічний вогонь»; *Дякую тобі, червона ружо моя, – і, нахилившись, поцілував Марину в запашні коси, прикрашені багрянцем терпкого глоду.* Цюпа І. А. «Грона червоного глоду»).

2.3. Овочі, фрукти. Легко метафоризуються і вживаються в інтимному спілкуванні видові назви фруктів *яблучко, черешенька, малинка*, родова назва *ягідка (Катрусе, моя ягідко, моє червоне яблучко!* Кропивницький М. Л. «Розгартіяш»). Уже стереотипним стало колись екзотичне найменування *персик*, яке символізує насамперед 'красиву жінку', причому *персиком* можуть називати особу з ніжною на дотик шкірою, рожевими щічками, навіть із відповідним одягом. Дедалі ча-

стіше вживається цей афектонім стосовно дитини і навіть у звертанні до чоловіка. Щодо номінацій, похідних від назв овочів, то їх використовують украї рідко, хіба що у висловленнях жартівливого характеру: *гарбузик, морквинка, огірочок*.

3. Назви небесних тіл

3.1. Зірки. Вживають родову *зірка (зірочка, зіронька, зоря)* та видову *сонце (сонечко)* назви (*Зоре моя, чого ж ти така смутна, не ясна?* Карпенко-Карий І. К. «Бурлака»; – *Іду, сонечко, іду, – кинулася до донечки, як до рятівного круга*. Плотникова Р. «Афганський кут»). Не можна не погодитися з думкою І. Б. Левонтіної, яка зводить значення звертання *сонце* до двох ключових ідей: намагання підкреслити приємність та унікальність об'єкта почуттів [Левонтіна 1997: 56]. Номінація *сонце* у тлумачному словнику має таке пояснення: '*Сонце* – перен. Про того, хто є джерелом життя, втіхи, радості для когось' [ВТСУМ 2005: 1357], тобто знову простежуємо наголошення на особливо ніжних почуттях до близької людини. Однак сьогодні зазначене найменування часто використовують за межами інтимного дискурсу (у звертанні продавця до покупця, лікаря до пацієнта), воно стає елементом масової культури.

3.2. Супутники: *місяць (Прощай, мій Грицю, мій сизокрилий голубе, мій ясночолодий місяцю*. Шевчук В. «Предтеча»). Афектонім *місяць* є гендерномаркованим, оскільки українці послуговуються ним лише у звертанні до чоловіка: «молодого величали *ясним місяцем*» [Пахаренко 2009: 31]. Для українського континууму характерною є експлікація подібності між гарним хлопцем і місяцем, на відміну від країн Сходу, де з місяцем порівнюють дівчину [Левчук].

4. Назви природних явищ

4.1. Навколишній світ: *світ*. Використовуючи звертання *світе (мій)*, адресант наголошує на значущості для нього співрозмовника, котрий постає втіленням всього, чим живе адресант (*Катря. Михайло!.. Світе мій!.. Доле моя!..* Старицький М. П. «Не судилось»). Зазначений афектонім уживають також у значенні *світло*, наприклад, *світ очей моїх: О сину! Світ моїх очей!* Котляревський І. П. «Енеїда»; використовують і номінацію *світло*, яка, безперечно, має позитивне забарвлення, оскільки ця одиниця асоціюється з 'добром, щастям, радістю, чистотою' [Бутенко 1979: 67] (*Сонечко моє заповітне, світло моє нескінченне...* Лист Сосюри В. М. до дружини).

4.2. Часові проміжки: *світанок, раночок, весна*. Початок дня асоціюється в носіїв української мови з чимось 'гарним, світлим' [Бутен-

ко 1979: 18], тому й вживають комуніканти афектоніми *світаночок, раночок* (*Ну, мій рідний раночок, пора збиратися*. Хоролець Л. «Третій»). Серед назв пір року у функції ласкавого звертання використовують номінацію *весна*, оскільки весна асоціюється з 'красою, коханням, радістю і щастям' [Бутенко 1979: 18].

4.3. Атмосферні явища: *погодонька, росинка, краплинка, дощик* (*Ой ти дівчино, ти, тихая погодонько, дай же ми си чути, як підеш по водоньку*. Пісня; *Та чи зрозумієш ти мене, росинко?* Ірина Вільде «Сестри Річинські»). Ключовою семою метафоричних афектонімів *росинка, краплинка, сніжинка* є 'ніжність', яскравий образ *веселки* викликає бажання назвати так і близьку людину.

4.4. Стихії: *вогник, вулканчик, цунамочка*. Такі номінації є оказіональними одиницями живого мовлення. Назви стихійних явищ акцентують увагу на певних рисах співрозмовника, наприклад, *вогник* – запальний(а), *жвавий(а)*, *вулканчик* – темпераментний(а), *гарячий(а)*, *цунамочка* – непередбачувана тощо.

5. Назви предметів (абіоморфізми)

5.1. Побутові предмети: *щіточка, писанка, трембіточка* (*Меласю! Рідна! Свічечко ясна!* Кочерга І. А. «Свіччине весілля»). Афектоніми цієї підгрупи або ж мають стереотипні асоціації, як наприклад, '*писанка* – вродлива дівчина, жінка' [СУМ 1975: 359], або ж вирізняються оказіональністю вживання (*щіточка, трембіточка*) (*Голохвостий. Не видержав, бо розгорівся, як камфорка, моя щіточко!* Старицький М. П. «За двома зайцями»).

5.2. Продукти харчування. Ця підгрупа об'єднує афектоніми, що асоціюються з приємними смаковими відчуттями: *булочка, карамелька, шоколадка, цукерочка, пряничок*, викликаними солодощами: *А наш татко називає нашу донечку Злату – Карамелькою* [<http://tamka.info/index.php?topic=942.221>]. Саме уявлення про десерт як про щось приємне й актуалізується у свідомості, що впливає на вибір комунікантами таких звертань.

5.3. Назви іграшок: *пупсик, лялечка* (*Радію, втіхо моя, моя лялечко, що ти не хвора*. Кропивницький М. Л. «Перед волею»). Афектонім *лялечка* репрезентує зовнішню подібність об'єкта позамовного ряду з позначуваною особою, що доводить переносне значення цієї лексеми, зафіксоване у «Словнику української мови»: '*лялечка* – гарна жінка, схожа на іграшку вбранням і виглядом' [СУМ 1973: 579].

5.4. Назви ліків: *аспиринчик, валідолчик*. «Смисл ласкавих звертань не завжди перебуває на поверхні, тому переважає їх суб'єктивне

тлумачення» [Липатова 1984: 43]. Дійсно, важко зрозуміти, чому адресант порівнює кохану людину з ліками. Можливо, вживання таких номінацій детерміновано асоціативною паралеллю: «той, хто допоможе».

5.5. Метали, дорогоцінне каміння, прикраси. Ця група об'єднує одиниці, які вказують на значущість адресата для мовця, що зумовлено об'єктивною цінністю реалій дійсності, від яких утворені вторинні номінації: метали: *золото (золотко), срібло*; дорогоцінне каміння: родова назва – *камінь дорогоцінний*, видові – *смарагд, кристаль*; прикраси: *перлина, намистинка (Ну, Улюню, золотко? Куліш М. «Мина Мазайло»; Стоїш, перлино моя дорога! Більше мене варт! Старицький М. П. «Не судилось»)*. Сюди ж віднесемо і слово *скарб*, що теж наділене асоціативними семами 'дуже дорогий', 'потрібний', 'цінний', 'значущий', що підтверджує тлумачення у словнику: *скарб* – 'людина ... особливо потрібна, дорога для когось' [СУМ 1978: 252].

6. Назви термінів

Зафіксовано лише одну номінацію – *електрончик*, вибір якої зумовлено професією комунікантів – обидва за професією фізики: *Зрозумій, електрончику мій дорогий, згідно теорії ймовірності, не виключена помилка... Я фізик, а не лірик*. Кучер М. «Аналіз і синтез».

7. Назви станів людини

7.1. За національністю, расовою належністю: *негрики (негринята), циганочка (Зіронько моя! Циганочко! Ясонько! Оченя мое каре, щастячко рідне мое! Олесь Гончар «За мить щастя»; Прощайте, негринята! Лист Лесі Українки до братів і сестер)*. Складно однозначно інтерпретувати закономірності процесу метафоризації таких звертань, великою мірою тут проявляє себе суб'єктивізм, залежність від ситуативного контексту, який є відомим лише учасникам інтеракції.

7.2. За професією: *філософ (Любий філософе, ти не підсумуєш усіх змін, які сталися в свідомості людства за кілька десятиріч, але, напевне, піймаєш нежить. Ходи, будь ласка, під ковдру! Дмитерко Л. «Планета в теплих долонях»)*. Для лексеми *філософ*, ужитої в переносному значенні, у словнику фіксують таке тлумачення: 'людина, схильна до абстрактних міркувань, роздумів' [СУМ 1979: 594]. Зазвичай адресант, використовуючи цю одиницю у функції афектоніма, надає вказаному вище значенню іронічно-жартівливого відтінку, таке звертання обов'язково просякнуте м'яким гумором.

7.3. За соціальним станом: *царівна, гегемон, лицар (рицар), князівна, гендерні пари принц – принцеса, король – королева (Рахірко!*

Княгине моя! Кобилянська О. Ю. «Земля»; – *Місто біля ваших ніг, принцесо!* – *Дякую вам, царевичу!* Петровський Л. Е. «Дев'ятнадцята осінь»). Такі номінації можуть підкреслювати статус співрозмовника, відповідну поведінку, прекрасну зовнішність. Усі одиниці цієї підгрупи є гендерномаркованими, оскільки включають семи конкретної статі.

7.4. За віком, статтю. Афектоніми *дитина, дитинка, дитя, дитятко, дитиночка*, а також *малятко, малеча, малюк*, вжиті у звертанні до дорослого, підкреслюють особливо ніжне ставлення адресата до співрозмовника: *Цілую тебе, моя дитино, пиши, не забувай, що я дуже скучаю.* Лист Коцюбинського М. до Коцюбинської В.; *Ну, Лідусику, безцінна моя дитино, Дитя моє любе!, Любее моє дороге дитятко!, Лідусю, дитиночко моя!, Як живеш, дитинко?* Лист Тичини П. до Папарук Л.; – *А як тебе, малеча, крутити, потроху чи з вітром? – спитався, підводячись, Юрій. – З вітром та завірюхою! – завзято й грайливо блиснула очима... – То тримайся, малеча! – з доброю посмішкою глянув Юрій на дівчину.* Стельмах М. П. «Хліб і сіль». Зазвичай так звертаються чоловіки до жінок, що, ймовірно, детерміновано сформованим у свідомості носіїв української мови образом чоловіка-захисника: *мужнього, надійного, дбайливого.*

Гендерномарковані афектоніми *дівчинка (дівча, дівчатко), хлопчик*, адресовані дорослій людині, увиразнюють особливе ставлення, чому сприяє невідповідність (у віковому плані) між зафіксованими у словнику значеннями слів (*дівчинка* – дитина жіночої статі [СУМ 1971: 298], *хлопчик* – дитина чоловічої статі [СУМ 1980: 85]) та реальним адресатом мовлення (*Ну поки що бувай, дівчинко, здорова.* Лист Тичини П. до Папарук Л.; – *Я живий, дівчинко моя, – промовив він і втомлено посміхнувся.* Плотникова Р. «Афганський кут»; *А тепер ти мій, хлопчику... лопчику... лоп....* Загребельний П. А. «Юлія, або Запрошення до самовбивства»).

8. Релігійні поняття

Стосуються як християнської традиції (*рай, ангел, янгол: До зобачення, мій ангел-хранитель!* Карпенко-Карий І. К. «Житейське море»; *Михайло (цілує їй руки). Так ти любиш мене? Господи, яке щастя! Раю мій!* Старицький М. П. «Не судилось»), так і ісламської: *гурія*. Здебільшого так іменують адресата, коли хочуть підкреслити прекрасну зовнішність чи внутрішню суть, або ж і те й інше водночас. Наприклад, у «Словнику української мови» лексема *гурія* має таке значення: *у мусульманській міфології – надзвичайно вродлива, вічно юна дівча, що живе в раю і роз-*

важає праведників' [СУМ 1971: 195], тому саме прекрасну зовнішність жінки-адресата підкреслюють, уживаючи такий афектонім.

9. Назви міфічних істот, казкових героїв

русалка, німфа, відьмочка, мавка (О ні, моя богине. Наніїв П. «Тричі продана»; *Чого ти плачеш, мавко?* Ірина Вільде «Сестри Річинські»). Номінації *русалка, богиня, німфа, муза, фея, чарівниця* виражають позитивну оцінку жінки, змальовуючи її «як втілення краси, добра, найкращих людських якостей» [Фоминих]. *Чортик, чортеня* похідне від *чорт*, «певною мірою втрачає своє негативне забарвлення» [Соловьева 2006: 85] (*Опанасе! Чортушко!* Лист Горської А. до Заливахи О.; – *Ваш! Ваш! Чортики ви мої любі! – п'яним голосом, одбиваючись од них, казав Вова.* Васильченко С. В. «Вова»). У номінації *відьмочка* також помітною є нейтралізація негативної оцінки, спричинена ситуацією вживання. Такий різновид метафор О. О. Тараненко називає «переносом «негативної» форми на «позитивний» референт», суть його полягає у «використанні слів, які позначають щось неприємне, погане, у зверненні до того, хто викликає до себе доброзичливо-, жартівливо-ласкаве почуття» [Тараненко 1989: 111].

10. Імена

Афродита, Таїс, Геркулес. Спостерігаємо явище антономазії. У деяких працях цей вид переносу трактують як метонімічний [ЛСД 2007: 52; Мацько 2003: 377; Нагель 2008: 12; Шкіцька 2011: 214]. Ми ж погоджуємося із розмежуванням метафоричної та метонімічної природи цього тропу, запропонованим в енциклопедії «Українська мова»: антономазія – троп, що полягає в заміні прямої назви особи іншою: загальною – *власною* назвою з міфології, історії, літератури тощо на основі певних асоціацій метафоричного характеру (*Мафусаїл* замість довгожителі); *власної* – *загальною* на основі асоціацій переважно метонімічного характеру (*Каменяр* – І. Франко) [УМЕ 2004: 29].

О. С. Ахманова також зазначає, що антономазія – це троп, що полягає в **метафоричному** використанні власного імені для позначення особи, яка має властивості первісного (широко відомого в літературі, історії) носія цього імені [Ахманова 1966: 50]. Цю думку поділяє і Т. О. Поденежна, аналізуючи антономастичні номінації людини в контексті метафоричних найменувань [Поденежна 2010: 23]. Афектоніми, похідні від імен, також, на нашу думку, мають метафоричний характер, оскільки підкреслюють подібність рис первісного носія імені та безпосереднього адресата.

Виокремимо такі їх підгрупи:

а) імена богів та героїв грецької міфології: *Аполлон, Афродита, Венера, Єлена Прекрасна, Геркулес (Але ж це неправда! Ти... ти... вакханка... Венера... Кочерга І. «Фея гіркою мигдалю»);*

б) імена літературних та казкових героїв: *Ромео, Джульєтта, Ассоль, Капітошка, Снігуронька, Білосніжка, Золотоволоска, Кузя.*

– Білосніжко, я прошу твоєї руки, – не відступав закоханий у свою галатею художник. – Ти погоджуєшся?

– Це дуже серйозний крок. Мені треба подумати, – Ліля не хотіла його образити. Юхно М. «Наяда»;

в) імена історичних осіб: *Ярославна, Клеопатра, Таїс, Беатріче (Моя люба Беатріче, прочитайте цей листок і закиньте. Лист П. Тичини до Л. Папарук).*

Комуніканти використовують номінації, утворені від назв міфологічних істот, літературних і казкових героїв, історичних осіб, які зазвичай були чи красивими, чи мали хороші людські якості, аби підкреслити ці риси і в адресата. Афектоніми, запозичені з мультфільмів, найбільш придатні для передачі грайливого відтінку спілкування.

11. Абстрактні назви

11.1. З позитивним забарвленням: *любов, щастя, диво, втіха (Що кажеш, Славку, що, моя радість? Ткачук О. «Назустріч волі»; Доле моя! Щастя мое! – пригортаючи міцно до себе Галю, шептав він увечері. Панас Мирний «Хіба ревуть воли, як ясла повні?»).* У такий спосіб підкреслюють чуттєвість, позитивну оцінку, пов'язану з базовими цінностями. Асоціативні семи зі значенням 'плюс' певною мірою зумовлені семантикою таких лексем. Проілюструємо цю думку прикладами з тлумачного словника: *радість* – почуття задоволення, втіха, приємність [СУМ 1977: 436]; *любов* – почуття глибокої сердечної прихильності [СУМ 1973: 564]; *щастя* – стан цілковитого задоволення життям, відчуття глибокого вдоволення й безмежної радості, яких зазнає хто-небудь [СУМ 1980: 573].

11.2. З негативним забарвленням: *горе (горенько), смуток, тривога (Ой Омельку, горенько мое! Цюпа І. «Вічний вогонь»; – Ну, йди вже, доньцю, химеристе мое нещастячко! Міняйло В. О. «На ясні зорі»).* У такий спосіб намагаються лагідно, прихильно-поблажливо, іноді жартівливо вказати на недоліки, непродумані вчинки адресата, але в жодному разі не мають на меті образити співрозмовника.

Висновки

Отже, серед виділених лексико-семантичних угруповань метафоричних ласкавих звертань переважають ті, що викликають позитивні асоціації. Водночас у номінативних іграх комуніканти іноді використовують афектоніми, які начебто виходять за поле позитиву, тим самим співрозмовники індивідуалізують інтимну ситуацію спілкування, надають їй свіжості.

Перспективи дослідження

Перспективи подальших наукових розвідок убачаємо в дослідженні прагматичного аспекту функціонування афектонімів у мовленні.

ВИКОРИСТАНА ЛІТЕРАТУРА:

- АРХАНГЕЛЬСЬКА, А. М. (2008): *Ономазіологічна парадигма 'чоловік' у чеській та українській мовах*. Рівне.
- АХМАНОВА, О. С. (1966): *Словарь лингвистических терминов*. Москва.
- БАЛАНДИНА, Н. Ф. (2002): *Функції і значення чеських прагматичних кліше в комунікативному контексті*. Київ.
- БУТЕНКО, Н. П. (1979): *Словник асоціативних норм української мови*. Львів.
- ВТСУМ: ВЕЛИКИЙ ТЛУМАЧНИЙ СЛОВНИК СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ (2005). Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. Київ.
- ВЕНГРЕНІВСЬКА, М. А. (2009): Флороморфізми у слов'янській та французькій традиціях. In: *Слов'янський світ*, Вип. 7, с. 68–81.
- ВЕТРОВА, Е. С. (2004): *Семантика і функціонально-комунікативний аспект етикетних одиниць в епістолярній спадщині українських письменників XIX ст.* Донецьк.
- ГЛАЗУНОВА, О. И. *Логика метафорических преобразований*. In: <http://www.philology.ru/linguistics1/glazunova-00.htm> (Дата доступу: 20.02.2015).
- ГОЛУБОВСЬКА, І. О. (2003): Метафорико-символічні іпостасі зоонімів у рамках фрагмента мовної картини світу «царство тварин» (на матеріалі української, російської, англійської та китайської мов). In: *Мовознавство*, №6, с. 61–68.
- ЖАЙВороноК, В. В. (2006): *Знаки української етнокультури: словник-довідник*. Київ.
- КУЩ, Е. О. (2011): Зооморфні та біоморфні метафоричні номінації іноземців як засоби вираження етнічних упереджень у дискусії американських політиків. In: *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*, Вип. 67, №972, с. 29–33.
- ЛЕВОНТИНА, И. Б. (1997): *Милый, дорогой, любимый*. In: *Русская речь*, № 5, с. 55–62.
- ЛЕВЧУК, Л. Т. *Естетика*. In: <http://studentbooks.com.ua/content/view/1436/76/1/1/> (Дата доступу: 23.02.2015)
- ЛИПАТОВА, М. К. (1984): *Обращение как средство выражения эмоциональной оценки в современном французском языке*. Ленинград.
- ЛСД: ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧИЙ СЛОВНИК-ДОВІДНИК (2007). За ред.

- Р. Т. Гром'яка, Ю. І. Коваліва, В. І. Теремка. Київ.
- ЛОБУР, Н. (1999): До характеристики зооморфізмів (на матеріалах української та чеської мов). In: *Проблеми слов'янознавства*, Вип. 50, с. 102–106.
- ЛУКЪЯНОВА, Н. А. (1986): *Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики)*. Новосибирск.
- МАЦЬКО, Л. І. (2003): *Стилістика української мови*. Київ.
- МУСІЄНКО, В. П. (1992): Дівчино-рибчино... In: *Культура слова*, Вип. 42, с. 21–24.
- НАГЕЛЬ, В. В. (2008): *Оцінні найменування осіб в українській мові кінця ХХ – початку ХХІ століття*. Дніпропетровськ.
- ПАХАРЕНКО, В. І. (2009): *Українська література*. Київ.
- ПОДЕНЕЖНА, Т. О. (2010): Метафоричні найменування людини за фізичною ознакою в англійській і українській мовах. In: *Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка*, № 13, с. 18–30.
- ПОЧЕПЦОВ, Г. Г. (1987): *Коммуникативные аспекты семантики*. Киев.
- СКАБ, М. С. (2003): *Прагматика апеляції в українській мові*. Чернівці.
- СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н. (1993): *Метафора в системе языка*. Санкт-Петербург.
- СУМ: СЛОВНИК УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ (1970–1980). За ред. І. К. Білодіда. Київ.
- СОЛОВЬЕВА, Е. В. (2006): *Номинация лица в прозаических произведениях А. С. Пушкина*. Казань.
- СУКАЛЕНКО, Т. М. (2009): *Метафоричне вираження концепту жінка в українській мові*. Київ.
- ТАРАНЕНКО, А. А. (1989): *Языковая семантика в ее динамических аспектах*. Киев.
- ТОДОР, О. Г. (1993): Метафори-зооморфізми у складі синонімічного ряду. In: *Культура слова*, Вип. 44, с. 68–71.
- УМЕ: УКРАЇНСЬКА МОВА: ЕНЦИКЛОПЕДІЯ (2004). Редкол. В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк та ін. Київ.
- ФОМИНЫХ, Т. Е. *Об особенностях употребления метафорических феминативов*. In: <http://edu.grsu.by/alternant/?p=480> (Дата публікації: 17.04.2012).
- ЧЕРНЯЕВА, А. Б. (2008): *Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века*. Санкт-Петербург.
- ШКИЦЬКА, І. Ю. (2011): Різновиди метафори в маніпулятивній стратегії позитиву. In: *Лінгвістика*, № 2 (23), с. 211–218.
- ШПАР, Т. В. (2012): *Прозвищные антропонимические номинации в социолингвистическом аспекте (на материале немецкого языка)*. Уфа.
- ВАЊКО, М. (2010): Jak opracować słownik afektonimów? In: *Etnolingwistyka a leksykografia*, s. 67–81.
- КОВОС, К., JURIC, P.: *Pogled v poljsko, slovensko in makedonsko jezikovno čustveno plat*. In: <http://www.centerslo.net/files/file/ssjlk/46%20SSJLK/Kobos,%20Juric.pdf> (Дата доступу: 25.02.2015)
- PERLIN, J. (2000): Afektonimy w polskim, francuskim, hiszpańskim i niderlandzkim. Analiza morfologiczna i semantyczna. In: *Uczucia w języku i teście. Język a kultura*, s. 165–173.
- ŽUKOWSKA, I. (2012): «Czule słówka» – czym naprawdę są? In: *Slavica iuvenum*

XIII, Vyd. 1, s. 370–374.

ЕЛЕКТРОННІ АДРЕСИ ФОРУМІВ:

<http://posydenky.lvivport.com/archive/index.php/t-43217.html>;
<http://forum.x-city.ua/kohannya/yak-ti-nazivayesh-svoyu-polovinku-t5306-120.html>;
<http://c.zao.com.ua/a-jak-vas-nazivajut-uljubleni-mene-vchora-nazvav/>;
<http://mamka.info/index.php?topic=942.221>;
<http://serhiyira.ucoz.ru/forum/14-24-1>;
<http://www.malecha.org.ua/forum/index.php?showtopic=600&st=260>;
<http://talne-info.com/forum/index.php?topic=109.0>;
<http://wapforum.org.ua/topic266-0-asc-10>;
<http://tereveni.org/topic/8182/>;
<http://forum.kalush.info/index.php?topic=181.0>;
<http://batmenlove.pp.net.ua/forum/3-5-1>;
<http://www.poradnyk.org.ua/showthread.php?t=390>;
http://kampot.org.ua/ukraine/nova_ukrain/kultura_kozaka/1374-slova-dlya-kohanoyi-dvchini.html;
<http://www.egoistka.if.ua/index.php?topic=70107.0>.

ПРОФИЛЬ АВТОРА:

Мокляк Оксана Ивановна

Должность: преподаватель кафедры общего и славянского языкознания и иностранных языков Полтавского национального педагогического университета имени В. Г. Короленко.

Круг научных интересов: вопросы прагмалингвистики (употребление аффекто-нимов, интимный дискурс), ономазиология (неофициальная антропонимия).

кафедра общего и славянского языкознания и иностранных языков Полтавского национального педагогического университета имени В. Г. Короленко.

Украина

г. Полтава

ул. Остроградского, 2

<http://pnpu.edu.ua/ua/moklyako@rambler.ru>

ЄВГЕН РЕДЬКО

Україна, Харків

ЖІНКИ. АРГО. СЛОВОТВІР

ABSTRACT:

WOMEN. ARGOT. WORD-FORMATION

This article deals with the female word-formation in Ukrainian argotic systems. It is determined that mentioned above process implements its potential through standard word-formative models (and their modifications) by using standard and sub-standard formants. It confirms the systematization of the Ukrainian language at the sociolect and literature word-formation levels, the interrelation of female word-formation at different stages of the language functioning, enables further development of word-formative processes taking into account the synthesis of traditional and specific ways and means of the person nomination.

KEY WORDS:

argo – female word-formation – feminine suffixes – word-formative model – word-formative chain – word-formative restrainers – by means of stepped word-formation – variation – semantics – motivation – pragmatics – connotation.

Жіночі особові назви є важливою й постійно змінною складовою у структурі *nomina personalia*, зумовлюючи неухильний інтерес українських науковців до вивчення й осмислення зазначеного явища. Ідеться насамперед про «фемінітивні» студії, у яких відносно повно сформовано системний підхід до «жіночого» називання за рахунок діахронічних досліджень у межах ширших «загальноособових» праць (П. Білоусенко, М. Брус, Л. Гумецька, О. Кровицька, В. Німчук та ін.) і синхронійно-інноваційних пошуків у згаданій царині (А. Архангельська, М. Гінзбург, Є. Карпіловська, Н. Клименко, Ю. Маслова, А. Нелюба, Я. Пузиренко та ін.). При цьому фемінотворення стало навіть наріжним

камнем сучасної української дериватології – про це свідчить своєрідна заочна дискусія між «гендерниками» (передусім А. Архангельською – див. [Архангельська 2011; 2013а; 2013б; 2014 та ін.]) і власне словотворцями (найвиразніше цю позицію засвідчують дослідження А. Нелюби [Нелюба 2011 та ін.]). Проте осторонь згаданих розвідок ще й досі залишається арготичне номінування жінок, що є зрозумілим з огляду на малодослідженість загалом української соціолектної деривації – наразі маємо лише декілька робіт, присвячених цій тематиці ([Карпець 2006; Нелюба 2014; Старченко 2013] тощо). Такий стан фемінознавчих словотвірних студій зумовлює актуальність нашого дослідження, мету якого вбачаємо в аналізі дериватів на позначення жінок в українських арготичних словах щодо специфіки їх творення, механізмів та наслідків цього процесу, а завдання – у розгляді цих особових назв у контексті взаємодії різних складових національної мови.

Передусім маємо констатувати: роль і місце жінки в українському арготичному середовищі є неоднозначними, що чітко простежуємо на прикладі соціолектного номінування. З одного боку, арготичні слова як закриті мовні утворення постають репрезентантами чоловічої комунікації й ідентифікації, у яких осмислення й називання дійсності відбувається в межах виключно «маскулінного» світогляду. На це вказує Л. Ставицька, зазначаючи: «арготичні слова було мовою чоловічої частини,... ознакою чоловічої корпоративності, до певної міри відмежуванням чоловічого світу від жіночого» [Ставицька 2005: 79]. У такому разі жінку вважають об'єктом номінування, цікавим називачеві лише з утилітарно-побутових чи сексуально-статевих причин, а її оцінка є виразно зниженою, пейоративною (див. про це докладно у [Химик 2000: 99–100]). З іншого боку, арготичні слова відображає до певної міри традиційний світогляд, що впливає на позитивну конотацію жінки в українському соціолектному середовищі. Носії субстандарту реалізують подібне ставлення найчастіше в дихотомії *свій-чужий*, репрезентованій у «жіночому» арготичному називанні відповідним смисловим і формальним інструментарієм на семантичному й дериваційному рівнях. Указані риси визнаємо сталими для всіх українських соціолектів, констатуючи при цьому нерівномірність їх відтворення в різних арготичних словах, що зумовлено насамперед номінативними прагненнями й настановами називачів, рівнем мовотворчості та мовної свободи, наявним в окремих соціолектних середовищах. Відповідно зазначені критерії й зібраний фактичний матеріал уможливають висновок про значне переважання словотвірних фемінітивів у т.зв. старих арготичних словах (лірницько-ремісницькі соціолекти), які й стали, в основному, об'єктом цього дослідження.

Загалом для словотвірного номінування жінок в арго типовим є використання стандартних і субстандартних засобів деривації в межах особової суфіксації. Це явище ґрунтується на залученні загальнономовних словотвірних моделей як основи для називання жінок із деякими видозмінами у структурному чи змістовому планах. Реалізаторами таких модифікацій стають дериваційні форманти, які докладніше розглянемо з огляду на специфіку їхньої взаємодії з твірними основами й наслідки цього процесу.

Формант -к(а) та його варіанти. Зазначений фемінітивний засіб є найпродуктивнішим в арго, що свідчить про типовість використання загальнономовних принципів і моделей номінування в українських соціолектах. Зокрема, приєднуючись до запозичених і питомих основ, він творить назви жінок із найрізноманітнішою семантикою: такі номени вказують на належність до етнічної групи (*магличка* ‘чешка’ [Дз79: 197], *хиливка* ‘жидівка’ [Дз96: 76]), місце проживання (*шпахелка* ‘селянка’ [Дз96: 77], *шустанка* ‘міщанка’ [Дз79: 215]), родинні зв’язки (*андруска* ‘донька’ [АС: 268], *іонуска* ‘донька’ [Боржк: 705]), виконувану дію (*митка* ‘пліткарка’ [Горб: 145], *скилунка* ‘брехуха’ [Дз79: 206]), певну видільну (зовнішню чи внутрішню) ознаку (*чихрунка* ‘п’яниця’ [Дз77: 323], *шкитунка* ‘боягузка’ [Дз79: 214]). Особливу групу з-поміж інших становлять назви жінок за «статусом» чоловіка з виділюваними підгрупами за соціальним статусом (*каврійка* ‘пані’ [Боржк: 705], *плінтурка* ‘пані’ [Дз79: 201]), належністю до релігійних організацій (*кавалеристка* ‘черниця’ [Горб: 98], *хапокнишка* ‘попада’ [АУШ: 21]), а також пов’язані з соціально-економічними відношеннями (*наютничка* ‘кухарка’ [Ст: 38], *швильничка* ‘робітниця’ [Дз77: 324]) чи невиробничою сферою (*бухачка* ‘зłodійка’ [Горб: 82], *климашка* ‘зłodійка’ [Дз79: 192]). При цьому спостерігаємо кількісне переважання арготичних фемінітивів, утворених від похідних іменників, що вказує на певні сполучувальні закономірності. Ідеться про суфіксальні корелятивні опозиції, частотність використання яких залежить від продуктивності «чоловічих» афіксів у соціолектах: -ач/-ачк(а), -ик/-ичка, -ник/-ничк(а), -ун/унк(а) тощо. За наявності мотиваційних чи структурних обмежень така кореляція нейтралізується, зумовлюючи формування розгалуженої системи варіантних форм в українських арго. До них зараховуємо словотворчі афікси -арк(а), -анк(а), -ачк(а), -ечк(а), -івк(а), -очк(а), -унк(а), -юшк(а), які різняться між собою семантикою й виконуваними функціями. Зокрема, деякі з них, реалізуючи значення ‘жінка’, ‘дружина чоловіка’, вказують на смислову й/чи формальну «лакунність» номінативних ланцюжків. Оприявнювачем таких

процесів на дериваційному рівні стає черезкрокове словотворення, зумовлене браком «чоловічої» особової назви й відповідно іншою частини-номовною чи значеннєвою мотивованістю (*скилячити* ‘брехати’ → ... → *скилунка* ‘брехуха’ [Дз77: 206], *хора* ‘село’ → ... → *хоранка* ‘селянка’ [Дз79: 213]). Подібна потенційність може бути прихованою: у такому разі структурна «повноцінність» ланцюжка свідчить про додаткові мотиваційні елементи, пов’язані з економністю/надлишковістю словотвірних процесів. Це чітко простежуємо на прикладі арготизму *гудзівка* ‘єврейка’ [Боржк: 704], у якому виокремлюємо проміжну «смыслову» стадію ‘жінка гудзьова’, яка й зумовлює виникнення складного афікса. У такому разі йдеться про універбацію, адже твірною базою є прикметниково-іменникове словосполучення (пор. із *жаданка* ‘жінка’ [АУШ: 8], *милка* ‘жінка’ [Горб: 100], *разівка* ‘сільська дівчина’ [Горб: 151], *целка* ‘повія, дівця’ [Горб: 104]). Зазначений різновид суфіксації зараховуємо до непродуктивних способів називання жінок в аргі, що є загалом типовим для українських соціолектів (див [Нелюба 2014: 91]). Натомість у номені *мацунка* ‘полька’ [Дз77: 311] лакуну не заповнено через значеннєву «надмірність» (немає потреби утворювати *мацун* від *мацько* ‘поляк’), а значить, суфікс -унк(а) вказує не лише на жіночу стать, а й стає конотативним утілювачем (пор. *михрач* ‘мала дитина’ [Дз77: 312] → *михрунка* ‘мала дівчинка’ [Дз77: 312]). Останнє є прикметною особливістю форманта -к(а) та його варіантів в українських аргі, репрезентованою в низці експресивних соціолектизмів із виразним зневажливим чи іронічним ставленням номінаторів до називаних жінок: мадамочка ‘жінка; повія’ [Горб: 137], попадька ‘попадя’ [АУШ: 21], сухтилка ‘жінка’ [Дз79: 208] тощо), у яких чітко виражено зневажливе чи іронічне ставлення номінаторів до називаних жінок. Подібні процеси є типовими для професійних і соціальних фемінітивів, що свідчить про незначну роль жінки в соціолектному середовищі. Таку об’єктність (вторинний характер) на лінгвальному рівні реалізують смислові трансформації, залежні від номінативних прагнень і настанов називача, і це уможлиблює висновок про динамічний характер загальнономовних афіксальних формантів в арготичній деривації.

Формант -иц(я)/-ниц(я). В українських аргі названий формант найчастіше реалізує словотвірні можливості в корелятивних парах -ик/-иц(я), -ник/-ниц(я), вказуючи на системність словотвірних процесів у різних складових національної мови. Використання похідних «чоловічих» назв як дериваційної бази зумовлює, відповідно, творення фемінітивів на позначення жінки за соціальним статусом (*ключниця* ‘попадя’ [Дз79: 193], *царниця* ‘цариця’ [Тих: 91]), професією

та родом занять (*лікорниця* ‘учителька’ [Дз79: 196], *ткочниця* ‘ткаля’ [Дз79: 210]), спорідненістю та свояцтвом (*поставрочниця* ‘похресниця’ [Гн: 14], *ставрочниця* ‘кума’ [Дз79: 208]), виконуваною дією (*обманничниця* ‘обманщиця’ [Дз79: 200], *скиляшниця* ‘брехуха’ [Дз79: 206]) і зовнішньою чи внутрішньою ознакою (*влочниця* ‘грішниця’ [Дз79: 184], *трепелиця* ‘молода жінка’ [Гн: 15]). Основною дериваційною ознакою таких номенів вважаємо ймовірну полімотивованість, реалізовану в семантичній структурі арготизмів у компонентах ‘виконавиця дії’, ‘носій процесуальної ознаки’ тощо. При цьому віддієслівне творення виказує вищу продуктивність щодо заповнення парадигми на відповідних дериваційних ступенях, що свідчить про діяльнісний характер аналізованого форманта в українських соціолектах (*пропулити* ‘продавати’ → *пропульник* ‘продавець’ → *пропульниця* ‘продавчиня’ [Дз79: 204], *похожовати* ‘вести’ → *похожовник* ‘поводир’ → *похожовниця* ‘поводирка’ [Дз79: 204]; пор. *кльоца* ‘церква’ → *кльоцник* ‘піп’ → *кльоцниця* ‘попадя’, але *хирута* ‘рука’ → *махирник* ‘рукавичник’ [Гн: 13] → ?, *млин* → *млиношник* ‘млинар’ [Дз79: 198] → ? – у такому разі немає навіть назв дружин). Натомість додаткові смислові елементи актуалізовано, в основному, у відіменникових арготизмах, вказуючи на семантико-мотиваційну недостатність таких твірних баз, зумовлену їхньою вторинністю, і поліфункціональність словотворчих засобів (*коршиця* ‘попадя’ [Дз79: 193], *матиця* ‘мати’ [АЛ: 457]).

Формант -их(а). Аналізований засіб виказує відносно високу продуктивність у фемінітивному арготичному номінуванні, чому сприяє загальномова особливість цього форманта – позначати осіб і неосіб (тварин, комах тощо) за парністю «чоловік-жінка / самець-самиця», зумовлюючи велике різноманіття дериватів у межах такої кореляції. При цьому здебільшого він приєднується до непохідних запозичених іменників (*галах* ‘піп’ → *галашиха* ‘попадя’ [Дз96: 68], *зунь* ‘дід’ → *зуниха* ‘старчиха’ [Дз77: 305]), постаючи в такому разі засобом «обукраїнення» арготизму. Крім того, в абсолютній більшості зафіксованих номенів констатуємо зміну семантики аналізованого форманта: традиційне для нього значення ‘дружина когось’ (наприклад, *шнайдриха* ‘дружина кравця’ [Дз77: 324]) трансформується в ‘особа жіночої статі’, зумовлюючи, відповідно, появу назв жінок за соціальним статусом (*каліпиха* ‘старчиха’ [АС: 770], *коцубеїха* ‘попадя’ [Дз96: 70]), належністю до етнічної групи (*гециха* ‘жидівка’ [Викт: 236], *хелиха* ‘жидівка’ [Дз96: 76]), спорідненістю і свояцтвом (*наумиха* ‘мати’ [Горб: 116]), зовнішньою чи внутрішньою ознакою (*тапчиха* ‘молода жінка’ [Дз96: 75], *чувиха* ‘дівчина’ [Горб: 40]). Власне, йдеться про проміжний

статус «дружинної» семантики в таких номінативних процесах і поступову втрату цієї ланки під впливом дериваційної аналогії. Останнє спостерігаємо в арготизмі *андрусиха* ‘сестра; донька’ [Дз79: 182], у якому фіксуємо подолання певних словотвірних стримуваців за рахунок значенневих змін (‘брат’ + ‘дружина’ → ‘сестра’, ‘син’ + ‘дружина’ → ‘донька’). Разом із тим, можемо припустити, що названі процеси інколи супроводжує додаткова негативна конотація, закладена в семантиці твірної бази (*койдун* ‘чаклун, домовий’ → *койдуниха* ‘відьма, чаклунка’ [Дз77: 309]) або реалізована через розмовний статус форманта (*пурциха* ‘пані’ [Дз77: 316]). У такому разі відбувається нейтралізація чи зниження позитивнооцінюваних чи «високих» номенів, зумовлені негативним ставленням номінаторів до об’єктів називання (представників духовенства чи заможних верств населення).

Формант -ø(a). Для вказаного форманта в українських арго типовими є дві дериваційні моделі – відіменникова й віддієслівна. Перша з них виказує вищий ступінь продуктивності, утворюючи назви жінок за зовнішньою (*крася* ‘дівчина’ [Дз96: 70]) чи внутрішньою ознакою (*забитляйка* ‘забудькувата жінка’ [Дз79: 187]), належністю до етнічної групи (*хейла* ‘жидівка’ [Дз77: 321]) та спорідненістю та свояцтвом (*кодня* ‘тітка’ [Дз79: 193]). Ці процеси почасти супроводжує своєрідна «міна» суфіксів, яка полягає в «жіночій» парадигматизації похідних чоловічих твірних баз (т.зв. флексійний словотвір): *сусіденко* → *сусіденка* ‘сусідка’ [Дз77: 319]). Зазначене явище пов’язане, очевидно, з засекречувальним характером твірного номена, а значить, реалізує специфічне арготичне дублювання загальнономовних дериваційних норм і моделей (*гість* → *гостя*; *гостелянко* → *гостелянка* [Дз77: 300], *онук* → *онука*; *внукевус* → *внукевуса* [Дз96: 67] тощо). Крім того, можемо припустити: у межах відіменникового словотворення формант -ø(a) здатний до «орозмовлення» похідного номена, що засвідчено в арготизмі *мамзеля* ‘повія’ [Горб: 99]. У такому разі стверджуємо про прикметну рису «нових» українських соціолектів, яка полягає в принатуренні чужомовних слів до української мови й паралельному смисловому зниженні. Причинами цього явища вважаємо певну ворожість, зверхнє ставлення до чужого, іронічне сприйняття носіями арго дійсності й своєрідний ігровий момент номінування, що має на меті надати старим формам нового змісту за рахунок зіставлення незіставних понять (зокрема, дівчина, тобто незайманиця, і повія).

Ознаковість зберігають і віддієслівні номени на позначення жінки як носія процесуальної ознаки (*райда* ‘балакуча жінка’ [Горб: 152], *хляпа* ‘пліткарка’ [Горб: 159]). У такому разі спостерігаємо актуалізацію нега-

тивнозabarвлених конотем, що сприяє формуванню додаткових семантичних нарощень під час деривації. Це простежуємо на прикладі назв повій чи лайливих назвах жінки (*захрена* [Горб: 107], *кольба* [Боржк: 705], *файда* [Горб: 157]), у яких фіксуємо проміжні семантичні лакуни в номінативному ланцюжку: наприклад, *кольбати* 'любити' → 'жінка, яку люблять /коханка' → *кольба* 'повія'. Нерідко такі явища супроводжує метафоричне переосмислення дійсності, що свідчить про взаємодію різних типів називання в межах номінативного ланцюжка. Відповідно, семантичний крок може передувати словотвірному (*хляпати* 'утворювати глухий звук, ударюючи об щось' → *хляпати* (язиком) 'говорити щось недоречне, багато говорити' → *хляпа* 'жінка, яка хляпає (язиком)' чи продовжувати його (*файдати* 'бруднити, закаляти щось' → *файда* 'брудна жінка/чоловік' → 'повія'). Як наслідок, формуються триелементні різнономінувальні ланцюжки: твірна основа → -ø(a) → перенесення, твірна основа → перенесення → -ø(a), за рахунок чого посилюється загальна експресивність арготизму. Вона може зростати й у разі «образнішої» метафоризації чи залучення до дериваційних процесів маркованої лексики. На це вказує номен *пиздохляпа* 'пліткарка', у якому неuzuальна інвективна фразема *хляпати пиздою* стає вказівкою на процесуальні особливості дії, що її виконує особа, і водночас її статевим маркером-ідентифікатором. Такі вияви відфраземного творення арготизмів свідчать про відносно широкі сполучувальні властивості форманта -ø(a) й використання в українських соціолектах способів номінування жінки, малопродуктивних у літературній мові.

Якщо формант -ø(a) приєднується до дієслів, що позначають дію, яку виконує сама жінка, то **формант -ух(a)**, приєднуючись до дієслів, реалізує в арго негативну оцінку жінки за діями, виконуваними щодо неї: *затерти* → *затруха* 'остання повія' [Горб: 103], *потаскати* → *потаскуха* 'повія' [АУШ: 16]). У такому разі типовою вважаємо супровідну семантичну зміну, зумовлену номінативними прагненнями соціолектомоців – знижену метафоризацію за рахунок апелювання до предметно-об'єктного світу. Це свідчить про ставлення до жінки як до незначної, зовсім не важливої речі й формує негативну «фемінну» оцінку. Таку ж конотацію містять і «суб'єктні» віддієслівні назви жінок, виказуючи до того ж вищий ступінь зниженості, зумовлений семантикою твірної основи (*шлюха* 'повія' [АУВ: 16]) і/або ставленням до позначуваної особи (*сидуха* 'міщанка' [АУШ: 44]). На противагу вищезазначеним номенам фіксуємо декілька арготизмів, утворених від іменникових основ (*гребун* 'старий чоловік' → *гребуха* 'стара жінка' [Дз77: 302], *йорий* 'старий чоловік' → *йоруха* 'стара жінка'

[Боржк: 705]). У таких фемінітивах формант -ух(а) є показником власне жіночості, досить часто репрезентуючи при цьому надлишковість дериваційних процесів (*саракот* 'мати' → *саракотуха* 'мати' [АУШ: 25], *сикса* 'дівчина' → *сикуха* 'дівчина' [Горб: 102]). Вказані номени унаочнюють поступове входження етранжизмів до арготичного лексикону, репрезентуючи їхнє пристосування до іменникової жіночої парадигми за рахунок суфіксації. У межах аналізованої моделі фіксуємо й етиповий відонімний фемінітив *маруха*, у якому наявна специфічна зміна оцінки (*Марія* → *маруха* 'дівчина; коханка, повія'): розмовний формант не стає «знижувачем», а надає похідному ному семантики належності до своїх. Натомість подальші процеси у структурі значення цього арготизму вказують на збереження конотем та їх актуалізацію в позначенні негативно оцінюваних жінок (пор. *маруха* 'повія' чи похідне від нього *шмара* 'повія').

Малопродуктивні форманти. Інші суфіксальні форманти, зафіксовані в арготичному фемінотворенні, зараховуємо до малопродуктивних чи непродуктивних, розглядаючи їх як своєрідну підсистему в межах загальної «жіночої» деривації. Для цих словотворчих засобів визначальною вважаємо експресивність, виявлену найчастіше в знижено-розмовному характері форманта (*алт* 'мужик' → *алтюга* 'мужичка' [Дз77: 295], рос. *горничная* → *горняк* 'покоївка' [Шир: 185], *лахи* → *лахудра* 'неохайна жінка' [АУВ: 171], *мандрувати* → *мандрьоха* 'повія' [АУШ: 15]). Утім вектор оцінки може бути різним залежно від ставлення до позначуваної особи, що відображено у використанні відповідних суфіксальних елементів (пор. *бабуленція* 'стара баба' [Шир: 181] і *бабуля* 'дівчина' [АУВ: 151]).

Важливим конотаційним реалізатором визнаємо також специфічні арготичні форманти, використання яких зумовлене намаганням соціолектоносіїв створити/оновити номінативно-понятійне коло в межах свого середовища (*балабос* 'утримувач борделю' → *балабуста* 'господиня борделю' [Шир: 181], *кряля* 'дівчина' → *крялюс* 'дівчина' [Дз77: 309], *мати* → *матьора* 'мати' [АЛ: 457], *штимп* 'батько' → *штимпеха* 'мати' [Горб: 117] тощо). З огляду на ідентифікаційно-конспіративну спрямованість арго, найчастіше подібне досягається за рахунок афіксальної деформації загальнономовної твірної основи (*дочкеуса* 'дочка' [Дз96: 68], *сестреленка* 'сестра' [Дз77: 308]) як вияву експресивного засекречування. У такому разі арготичний суфікс виконує одночасно декілька функцій (номінативну, оцінну, парадигматичну), що вказує на складний синтетичний характер дериваційних процесів у субстандартих системах української мови. Крім цього, фіксуємо системне засекре-

чування через пристосування соціолектних етранжизмів до української граматичної системи шляхом суфіксації (виказуючи т.зв. словотвірну надлишковість, адже твірна основа вже має семантику жіночості: напр., *мутерша* ‘мати’ [Горб: 115]). Тому основним номінативним прийомом стає аналогія, ґрунтована як на загальномовній, так і соціолектній базі (*дівчина* → *крельчина* ‘дівчина’ [Дз77: 309] до *дівчина*, *матя* ‘мати’ [Горб: 106] до *батя*, *маханша* ‘мати’ [Горб: 100], *тьоханша* ‘тітка’ [АУШ: 30] до *паханша* ‘мати’ [Горб: 101], *батько* → *батькеша* → *матькеша* ‘мати’ [Горб: 115]). Зазначені явища мають синтетичний характер, що наближає їх за функціями до традиційних субститутивно-засекречувальних процесів (пор. *баба* → *куба* [Дз79: 194], *цуба* [Боржк: 705], *штуба* [Ст: 45], *цуба* [Гн: 16]; *хохлушка* → *чахлушка* [Мал], *чарівниця* → *шарівниця* [Дз79: 214]) і загалом сприяє розширенню номінативних можливостей українських арго.

Особливості словотворчих засобів дозволяють виокремити загальні риси, притаманні арготичному фемінотворенню як системному явищу. Передусім відзначаємо тісний зв'язок субстандартної та стандартної «жіночої» деривації, зумовлений «взірцевістю» останньої для носіїв соціолекту. Причиною цього явища вважаємо білінгвізм номінатора, який, будучи носієм певної говірки, використовує в замкненому арготичному середовищі її словотвірні механізми для називання дійсності. На формальному рівні оприявнювачами таких процесів стають дублювання дериваційних моделей і словотвірна аналогія в межах суфіксації (напр. *йорий* ‘старий’ → *йоруха* ‘старуха’, *каврій* ‘хазяїн’ → *каврійка* ‘хазяйка’ тощо), що зумовлюють специфічні структурні ознаки:

- афіксальну варіантність номенів (*швильниця*, *швильничка* ‘робітниця’ [Дз77: 323]);
- запрограмовану «паралельність» формантного вживання (*плінтур* ‘пан’ → *плінтурка* ‘пані’: *плінтур* ‘поляк’ → *плінтурка* ‘полька’; *похазник* ‘хазяїн’ → *похазниця* ‘хазяйка’: *похазник* ‘сусід’ → *похазниця* ‘сусідка’);
- використання одного форманта в межах «гнізда» (*каврійка*, *каврчка*, *ківрейка*, *коврійка* ‘хазяйка’);
- структурну надлишковість творення (*матьора*, *матиця*, *маниця*, *матькеша*, *маханша* ‘мати’ і под.);
- парадигматичне принатурення запозичених основ (*мутерша*);
- нетипову міну афіксів, зумовлену «лакунністю» у межах номінативної парадигми (*подкарховник* → *подкарчиха*).

Натомість визначальною смисловою ознакою арготичного фемінотворення вважаємо дериваційну образність (метафоричність), найтиповішими реалізаторами якої є семантичні нарощення. Такі додаткові конотаційні елементи розглядаємо як маркери мовної економії й утілювачі формальної конденсації. З огляду на це, аналізовані назви жінок визнаємо елементами великих структурних утворень – номінативних парадигм, що мають широкі дериваційні можливості на смислового та формальному рівнях.

Крім того, вважаємо активною взаємодію номінативних систем арготичної й літературної мови, що свідчить про їхню близькість чи тотожність. Це підтверджує й А. Нелюба, зазначаючи, що «старі арготичні системи, будучи передвісниками, попередниками сучасних жаргонів, виявляють більшу схожість перебігу й результатів словотвірних процесів із літературною мовою, ніж зі своїми «спадкоємцями» – сучасними жаргоновими процесами і результатами» [Нелюба 2014: 93]. У такому разі системність називання жінок в українських арготичних вказує на тяглість процесів деривації в національній мові, уможливаючи висновок про природність моцїйного словотворення як питомого явища, історично зумовленого та властивого лінгвальній структурі протягом усього її розвитку.

Відповідно фемінітивні форманти можуть відносно легко вступати в номінативні зв'язки з різними основами, що сприяє успішному подоланню словотвірних стримувачів/обмежувачів і високій частотності «жіночих» назв в арготі. Фактично єдиним обмежувачем словотвірних процесів у такому разі вважаємо неактуальність референта, виявлену майже в усіх назвах чоловіків, від яких не утворено фемінітивів. Вона може залежати від багатьох чинників, проте в українських арготичних реалізує себе лише в межах певних номінативних підкатегорій – не утворено фемінітивів від назв чоловіків на позначення професій чи занять, які не можуть виконувати жінки, що, своєю чергою, зумовлено різними чинниками:

- соціальною ієрархією суспільства (*качагурник* 'начальник' [Ив: 155] → ?, *патричник* 'суддя' [Дз79: 201] → ?);
- високим рівнем освіти (*гілтивник* 'касир' [Дз77: 301] → ?, *дохтурник* 'лікар' [Дз77: 303] → ?);
- військовою справою (*кулашник* 'стрілець' [Боржк: 705] → ?, *матланник* 'фінансер' [Гн: 13] → ?);
- традиційними промислами (*катрушник* 'шаповал' [Ник: 128] → ?, *махирник* 'рукавичник' [Гн: 13] → ?);

– культурним життям (*кудрипник* ‘музикант’ [Гн: 12] → ?, *курашник* ‘музикант’ [Боржк: 705] → ?) тощо.

Ці обмеження не є абсолютними: в окремих випадках фіксуємо їх подолання за рахунок творення назв жінок на позначення дружин (*бацмайка* ‘солдатка’ [Дз79: 182], *жуклярка* ‘дружина коваля’ [Дз79: 187]). У такому разі спостерігаємо своєрідне структурне «чергування» (порівняно з літературною мовою), що полягає у використанні лише однієї з кількох можливих фемінітивних моделей і вияві нульової дериваційної спроможності інших.

Натомість арго долає інші лінгвальні обмежувачі за рахунок різних номінативних принципів і прийомів. Зокрема, смислово несполучуваність морфем, реалізовану через неможливість форманта нейтралізувати семантику твірної основи, досить часто усуває відметафорна деривація; порівняймо: *кавалерист* ‘кінний воїн’ → ? і *кавалерист* ‘чернець’ → *кавалеристка* ‘черниця’ [Горб: 98], *цебух* ‘рурка при люльці’ → ? і *цебух* ‘жид’ → *цебушка* ‘жидівка’ [Горб: 160]. До того ж такі процеси можуть сприяти витісненню суплетивізму як способу називання жінок в українській мові й заміні його суфіксацією: порівняймо *кіт* (*кот*) → *кішка* і *кот* ‘коханець’ [ПЛ: 303] → *котиха* ‘коханка’ [Горб: 101]. Подібне значно розширює межі загальномовних номінативних парадигм, уможливорюючи фемінітивну деривацію від твірної основи з будь-якою семантикою (*наум* ‘батько’ → *наумиха* ‘мати’ [Горб: 103], *пахан* ‘батько’ → *паханша* ‘мати’ [Горб: 116], *паханка* ‘мати’ [АУШ: 25]), що активно використовують носії арго в «жіночому» словотворенні.

Підсумовуючи вищевикладене, зробимо такі висновки:

1. Словотвірне номінування жінок в українських арго є системним явищем, сутність якого визначають загальномовні дериваційні принципи, такі як послідовність, диференційність використання словотворчих засобів тощо.

2. Його специфіка полягає у використанні стандартних і субстандартних дериваційних формантів у межах суфіксальних моделей з певними структурними чи змістовими відозмінами.

3. Рівень продуктивності таких словотворчих засобів є різним і залежить від загальних особливостей словотвірної системи мови та специфіки арготичного номінування (характер твірної основи, стримувачі дериваційних процесів).

4. Визначальною ознакою фемінотворення в аргі вважаємо якнайширшу змістову та структурну сполучуваність формантів і твірних основ, що сприяє високій дериваційній активності аналізованого явища.

5. При цьому форманти виконують різноманітні функції (номінативну, оцінну, парадигматичну), що репрезентує синтетичний характер словотвірних явищ у субстандартних системах української мови.

6. Такий стан речей свідчить про тяглість процесів називання особи в межах дериваційної структури мови й можливість проектування їхнього перебігу й наслідків у тому числі й на сучасні й потенційні інноваційні явища.

7. Перспективи подальшого дослідження аналізованої проблеми вбачаємо в ширшому розгляді фемінітивних процесів в українських субстандартних системах (із залученням жаргонових та сленгових матеріалів), а також у компаративних ономасіологічних студіях, у яких називання жінок в українських аргі може зіставлятися з відповідними процесами в інших слов'янських і західноєвропейських соціолектах.

ВИКОРИСТАНІ ДЖЕРЕЛА:

- АЛ – АРКУШИН, Г. (2002): Аргі лаборів. In: *Slavia orientalis*, XLI, 2002, nr 3, s. 447–471.
- АС – АРКУШИН, Г. (1996): «Старицька мова» (Аргі сліпців-жебраків Західного Полісся). In: *Slavia orientalis*, XIV, 1996, nr 2, s. 229–236, 267–277.
- АУВ – ГОРБАЧ, О. (1963): Аргі українських вояків. In: *Наукові записки Українського Вільного Університету. Філософський факультет*, 1963, ч. 7, с. 138–173.
- АУШ – ГОРБАЧ, О. (1966): Аргі українських школярів і студентів. In: *Наукові записки Українського Вільного Університету. Філософський факультет*, 1966, ч. 8, с. 3–55.
- Боржк – БОРЖКОВСКИЙ, В. (1889): Лирники. In: *Киевская старина*, 1889, Т. XXVI, № 9, с. 653–708.
- Викт – ВИКТОРИН, К. (1886): Дедовска (жебракца) мова. In: *Зоря*, 1886, № 13–14, с. 237–239.
- Гн – ГНАТЮК, В. (1896): Лірники. Лірницькі пісні, молитви, слова, звістки і т.п. про лірників повіту Бучацького. In: *Етнографічний листок*, 1896, вип. 2, с. 1–76.
- Горб – ГОРБАЧ, О. (2006): *Аргі в Україні*. Львів.
- Дз77 – ДЗЕНДЗЕЛІВСЬКИЙ, Й. (1977): Аргі нововижівських кожухарів на Волині. In: *Studia slavica*, XXIII, 1977, f. 3–4, s. 289–333.
- Дз79 – ДЗЕНДЗЕЛІВСЬКИЙ, Й. (1979): Аргі волинських лірників. In: *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, 1979, t. 16, s. 179–216.
- Дз96 – ДЗЕНДЗЕЛІВСЬКИЙ, Й. (1996): Про аргі українських ремісників (колківське кравецьке аргі на Волині). In: *Й. Дзєндзелівський. Українське і слов'янське мовознавство*. Львів: НТШ ім. Т. Шевченка, с. 280–305.

- Ив – ИВАНОВ, В. (1883): Невли. In: *Статистический листок*, 1883, № 10, с. 153–156.
- Ник – НИКОЛАЙЧИК, Ф. (1890): Отголосок лирницкого языка. In: *Киевская старина*, 1890, т. XXIX, с. 121–130.
- ПЛ – ГОРБАЧ, О. (1983): Львівські проступницько-тюремницькі арготизми (до 1930-х років). In: *Науковий збірник Українського Вільного Університету*, 1983, т. 10, с. 296–326
- Ст – СТУДИНСЬКИЙ, К. (1894): *Лірники*. Львів.
- Тих – ТИХАНОВ, П. (1900): Черниговские старцы (Псалки и криптоглассон). In: *Труды Черниговской губернской архивной комиссии*, 1900, вып. 2, с. 65–158.
- Шир – ШИРОЦЬКИЙ, К. (1998): Словарець бурсацького говору. In: *Збірник Харківського історико-філологічного товариства: Нова серія*, 1998, т. 6, с. 181–206.

ВИКОРИСТАНА ЛІТЕРАТУРА:

- АРХАНГЕЛЬСЬКА, А. (2011): Новотвори-фемінативи в українській мові нової доби: неологізми, okazіоналізми чи ефемеризми? In: *Г. Вокальчук, А. Архангельська, О. Стишов, Ю. Маслова, В. Максимчук (eds.): Неологічні назви осіб у сучасних слов'янських мовах*. Рівне-Острого: Нац. університет «Острозька академія», с. 67–122.
- АРХАНГЕЛЬСЬКА, А. (2013а): До проблеми словотвірної фемінізації в українській мові новітньої доби: традиція і сучасність. I. In: *Мовознавство*, 2013, № 6, с. 27–40.
- АРХАНГЕЛЬСЬКА, А. (2013б): Жінка і політика: нове в новому українському назовництві. In: *Rossica Olomucensia*, 2013, Vol. LII, Num. 1, с. 5–12.
- АРХАНГЕЛЬСЬКА, А. (2014): До проблеми словотвірної фемінізації в українській мові новітньої доби: традиція і сучасність. II. In: *Мовознавство*, 2014, № 1, с. 58–70.
- КАРПЕЦЬ, Л. (2006): Український спортивний жаргон: структурно-семантичний аспект: дис. ... канд. філолог. наук. Харків.
- НЕЛЮБА, А. (2011): Жінки. Гендер. Словотвір. In: *Збірник Харківського історико-філологічного товариства: Нова серія*, 2011, т. 14, с. 189–204.
- НЕЛЮБА, А. (2014): Жаргоновий «жіночий» словотвір на тлі літературномовних інновацій. In: *Лінгвістичні дослідження*, 2014, № 38, с. 90–97.
- СТАВИЦЬКА, Л. (2005): *Арго, жаргон, сленг: Соціальна диференціація української мови*. Київ: Критика.
- СТАРЧЕНКО, Я. (2013): Лексико-словотвірні інновації в жаргонах української мови (від середини 80-их років минулого століття): дис. ... канд. філолог. наук. Дніпропетровськ.
- ХИМИК, В. (2000): *Поэтика низкого, или Просторечье как культурный феномен*. Санкт-Петербург.

ПРОФІЛЬ АВТОРА:

Редько Євген Олександрович

Аспірант кафедри української мови Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, викладач кафедри українознавства Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна

Наукові інтереси: арго, словотвір, ономасіологія, неологія, неографія.

Адреса університету:

майдан Свободи 4

61022 Харків

Україна

<http://www.univer.kharkov.ua/ua>

sonsimon@i.ua

Parrésia. Revue pro východní křesťanství VII. 2013.

Již sedmým svazkem vstoupila koncem loňského roku, ovšem s vročením 2013, na český knižní trh revue Parrésia, jež jako jediné periodikum u nás reflektuje v akademické a nadkonfesionální rovině problematiku východního křesťanství. Ročenka je jak personálně (osobami svých editorů), tak institucionálně těsně provázaná s edicí Pro Oriente. Dědictví křesťanského Východu, vycházející od roku 2007 v nakladatelství Pavel Mervart a čítající dnes již 28 svazků.

Doposud vydané svazky revue Parrésia ukazují, že její editoři mají poněkud odlišný záměr, než vydávat akademický časopis klasického typu. Vytváření ucelených tematických bloků s mnohdy značně rozsáhlými studii (ve II.–III. svazku zaměřenými na téma genocid v prostoru východního křesťanství, v V. svazku na téma 1700. výročí christianizace Arménie, v VII. svazku – k cyrilometodějskému jubileu) přibližuje ústřední části ročenky v jistých aspektech formě kolektivní monografie.

Aktuální číslo revue Parrésia se vrací k výročí příchodu slovanských věrozvěstů na Velkou Moravu roku 863, nicméně na rozdíl od hlavního proudu „jubilejní“ vědecké diskuse jsou sledovány zejména další osudy misie mimo velkomoravský prostor a její vliv na ostatní evropské národy (stať A. A. Turilova *Osudy nejstarších slovanských literárních památek ve středověkých národně regionálních tradicích* a studie I. N. Ekonomceva *Byzantinismus, cyrilometodějské dědictví a pokřtění Rusi*). S hlavním tématem svazku souvisí i publikace první části překladu studie J. M. Vereščagina s novým, originálním výkladem vzniku hlaholice.

Překlady významných statí, studií a esejů současných i starších světových autorů (S. Brock, V. M. Živov, Ch. Jannaras, I. S. Romanidis, G. Florovskij) přitom představují jeden ze zásadních aspektů celého edičního počínu. Vzhledem k tomu, že se ročenka zaměřuje na velmi exkluzivní témata, jež jsou v českém humanitním prostředí studována zcela okrajově či vůbec,

nelze u většiny témat spoléhat jen na českou odbornou produkci a je velmi důležité prezentovat aktuální stav světové vědecké diskuse.

Překlady se ovšem neomezují jen na odborné stati. V oddílu *Fontes* je pravidelně věnován prostor překladům do češtiny dosud nepřeložených pramenů z různých jazyků křesťanského Východu – řečtiny, arménštiny, gruzínštiny, církevní slovanštiny, syrské aramejštiny a dalších. V aktuálním svazku jsou to mj. překlady Nebeského žebříku Ióanna Klimaka či Žalozpěv bezejmenného básníka nad dobytím Konstantinopole.

Velmi obsáhlá recenzní část časopisu pak umožňuje sledovat české i zahraniční novinky, a to opět zdaleka nejen publikované v zavedených západních akademických nakladatelstvích, ale např. i vědecké práce vydané v Jerevanu, Jeruzalémě, Tbilisi či Káhiře.

Editoři kladou velký důraz na obrazový materiál, v aktuálním sedmém svazku nalezneme vedle černobílých ilustrací i dvě barevné přílohy: jednak ukázky hlaholských manuskriptů 9.–14. století, jednak pozoruhodné fotografie z oslav svátku Žen s vonnými oleji v moskevské staroobřadní Rogožské svobodě v květnu 2013. Za zvláštní pozornost stojí i mimořádně precizní práce s originálními písmi jednotlivých abeced. Tento postup je sice v poslední době velmi usnadněn rychlým rozvojem možností počítačově digitalizovaných písem, nicméně v Čechách, a to i v akademických kruzích, se využívá minimálně, a revue *Parrésia* je proto v tomto ohledu v českém prostředí vskutku výjimečná.

Ačkoliv časopis nemá ekumenické ambice a toto téma se v něm objevuje jen zřídka, snaží se přispívat k porozumění vývoje jednotlivých východokřesťanských církví i jejich vzájemných vztahů. Zároveň by bylo zjednodušující vnímat ročenku s ohledem na její název jen jako teologické, resp. religionistické periodikum. Publikační platformu zde nachází velmi široké spektrum humanitních disciplín od historie přes uměnovědu, filologii až po teologii, a to v zaměření na region sahající od severní Afriky přes Blízký východ, Balkán a Černomoří, východní Evropu až po Kavkaz v dvoutisícileté historické perspektivě, díky čemuž může oslovovat specialisty celé řady oborů, v neposlední řadě samozřejmě i filology-slavisty.

Jitka Komendová

«Палея Толковая» в контексте древнерусской культуры XI–XVII вв.: Сборник научных работ. Науч. ред. А. Н. Ужанков. М.: Согласие, 2014, 272 с. ISBN 978-5-86884-154-5.

Сборник статей, посвященных исследованию одного из важнейших памятников древнерусской письменности – «Толковой Палее», является публикацией материалов проведенной в 2013 году в Литературном институте им. А. М. Горького первой одноименной международной конференции. Данный сборник отражает возросший в последнее время научный интерес к памятнику, служившему одним из авторитетнейших источников по ветхозаветной истории, космостроению и естественнонаучной картине мира для русских средневековых книжников. Будучи известнейшим текстом, «Палея», однако, долгое время оставалась за рамками исследований историков и литературоведов, а потому множество вопросов, связанных с данным памятником, остаются неразрешенными. По словам научного редактора сборника А. Н. Ужанкова, к ним относятся время создания, источники, переводной или оригинальный характер текста, отношения «Хронографической Палеи» и «Исторической Палеи» к «Толковой Палее», а также темы и идеи этого произведения. Некоторые из статей указанного сборника помогают прояснить отдельные вопросы, а потому он, безусловно, представляет собой ценный вклад в изучение этого памятника.

Сборник носит междисциплинарный характер, так как освещает не только филологические, языковедческие и литературоведческие аспекты, но также философские, богословские и исторические. Кроме двух вступлений авторства В. В. Михальского и А. Н. Ужанкова, в сборнике представлены пятнадцать статей исследователей из России, Венгрии, Украины, Хорватии.

Первую статью М. Н. Громова «Философское значение "Толковой Палеи"» (с. 9–14) можно также охарактеризовать как вводную. Автор статьи дает краткую характеристику памятнику и очерчивает основные тематические блоки: энциклопедизм, космологический аспект, полемический характер, инкорпорирование ветхозаветной истории в картину мира.

Интересный аспект изучения памятника предлагает И. А. Герасимова в статье «"Толковая Палея", античная наука и житейский опыт» (с. 15–38), где обозначены основные источники информации естественнонаучного характера, представленного в «Палее», а также ее соотнесение с житейским опытом средневековья.

Статья В. В. Милькова «Космологические воззрения составителя "Палеи Толковой"» (с. 39–68) дает комплексную характеристику

картины мира, представленной в памятнике. В статье обосновывается связь космохимии «Палеи» с антиохийской богословской традицией.

А. В. Моторин в статье «Понятие языка как народа в историософии Священного Писания и "Толковой Палеи"» (с. 69–88) развивает идею осмысления человеческой сущности через язык, характерную для славянской традиции, обращаясь в первую очередь к анализу и сравнению определений для этноса в текстах библейских текстах на греческом, славянском и латыни.

Статья «Сказание о Сивилле (Сивиллах) в украинской и белорусской книжности XVI–XVIII веков» Ю. В. Пелешенко (с. 89–97) сосредотачивается на одном из апокрифических сюжетов, включенных в «Палею». Автор приходит к выводу о западноевропейском происхождении данного сюжета.

И. А. Есаулов в статье «"Палея Толковая" и современная наука» (с. 98–108) рассматривает проблематику подхода к изучению древнерусских текстов, противопоставляя узко исторические исследования культурно-философскому подходу. С данной статьей перекликается и следующая работа, включенная в сборник – «Богословская актуальность "Палеи Толковой"» игумена Тихона (Полянского) (с. 109–115).

Следующая статья И. В. Дергачевой «Автор "Палеи Толковой": творческий портрет» (с. 116–123) посвящена проблематике авторства произведения. К сожалению, в статье недостаточно развита мысль о соотношении авторского и составительского элемента, поскольку «Палея» – это в первую очередь компилятивный труд.

Коллективная работа Н. П. Видмарович и Л. Г. Дорофеевой «Образы Закона и Благодати в Книге Исхода по "Толковой Палеи"» (с. 124–144) рассматривает интерпретацию Ветхого Завета и «нравственное восстановление человека» в памятнике.

К интересным выводам приходит Е. А. Гаричева в статье «Зооморфная и растительная символика в "Толковой Палеи"» (с. 145–153). Проанализировав зооморфные и растительные образы в тексте, автор статьи утверждает, что происхождение зооморфных образов на основе метафоры и метонимии доказывает русское происхождение «Толковой Палеи».

Актуальную проблему соотношения перевода и оригинала, терминологической корректности использования понятий «перевод» и «новая редакция», а также основного элемента перевода – языка или литературы – поднимает Д. Г. Демидов в статье «Перевод или новая редакция? О древне-современных параллельных текстах "Палеи Толковой"» (с. 154–188). Автор статьи приходит к выводу, что

редактор древнего текста, в отличие от переводчика, занимается не межъязыковой трансформацией, а внутриязыковой модификацией.

Следующая статья сборника, «К вопросу о лингвистических особенностях старших списков "Толковой Палеи"» А. Ю. Козловой (с. 189–224) посвящена языковедческой проблематике и посвящена сравнению Александрo-Невского и Коломенского списков «Толковой Палеи». На основании лингвистического анализа автор делает заключение, что произведение было составлено не ранее XIII века.

Небольшая статья Е. Н. Борюшкиной «Особенности употребления слов гордость и гордыня в "Толковой Палеи"» (с. 225–230) приводит пример того, насколько богатым источником для изучения лексики древнерусского языка является текст памятника.

Далее публикуется статья А. М. Камчатнова «Об издании «Палеи Толковой» в исторической ретроспективе и перспективе» (с. 231–237), которая рассматривает следующий аспект работы с памятниками, и при этом один из важнейших: издательскую работу. В статье даются пояснения к изданию «Палеи Толковой» 2002 года, а также содержится призыв к созданию интегральных текстов древнерусских памятников.

Сборник завершает статья В. В. Лепяхина «"Палея Толковая" о сотворении человека» (с. 238–259), в которой автор рассматривает основные темы повествования, касающиеся сотворения Адама из праха и персти, создание Евы из ребра, последовательности творения, вопроса о человеческой душе, воплощения и т. д., а также упоминает характерные для святоотеческой литературы темы, которые в памятнике не были затронуты.

Как следует из обзора тематики статей, к безусловным преимуществам сборника следует отнести его междисциплинарный характер, позволяющий оценить масштабы исследовательской проблематики в контексте изучения «Палеи Толковой». Однако нельзя не отметить, что сборник скорее ставит все новые проблемы исследования памятника, не являясь заключительной точкой в череде работ. Перед учеными по-прежнему стоит проблема оригинальности памятника, его происхождения, соотношения авторского и составительского элементов, места «Палеи Толковой» в древнерусской книжности и образованности. Ценность публикации состоит в ее мотивирующем для исследователей характере и комплексности подхода. Публикацию можно порекомендовать как исследователям, так и студентам, а также всем интересующимся проблемами древнерусской культуры и словесности.

Ольга Чадаева

Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLY-SLAV), 17. Enrique Gutiérrez Rubio, Marta Falkowska, Ekaterina Kislova, Marzena Stepień (red.). München-Berlin-Washington/D.C.: Verlag Otto Sagner 2014. 252 s. ISBN 978-3-86688-467-0; ISBN (e-Book) 978-3-86688-468-7

В мае 2014 года вышел очередной сборник статей по итогам международной конференции Ассоциации славистов «ПОЛИСЛАВ», которая проходила в Киеве в сентябре 2013 года на базе Киевского национального университета им.Т.Шевченко. Данная конференция проводится ежегодно, начиная с 1997 года, в ведущих университетах разных стран Европы.

Первоначальной целью конференции «ПОЛИСЛАВ» было объединить представителей научно-преподавательских и академических кругов стран Западной и Восточной Европы. Если в первой конференции принимали участие в основном ученые-слависты из германских стран, из Польши и России, то в настоящее время к представителям этих стран присоединились ученые из других славянских стран, а также из Испании, Венгрии и Японии. Ежегодно после конференции по материалам выступлений издается сборник статей, который выпускается в известном немецком издательстве Верлаг Отто Сagner (Verlag Otto Sagner) в Мюнхене.

В сборник ежегодно входят статьи, которые посвящаются различным разделам лингвистики, начиная с фонетики и заканчивая синтаксисом. Исследования проводятся также в сравнительно-историческом и сопоставительном аспектах как на материале одного языка, так и на материале двух и более славянских и неславянских языков. Кроме лингвистических работ в ежегодный сборник входят статьи, где языковые явления исследуются во взаимосвязи как с внутри-, так и внелингвистическими факторами, например, социальными, когнитивными, гендерными и др. Ряд работ выходит за рамки лингвистических учений, согласно издавна сложившейся традиции соотнесения науки о языке с другими науками, такими как историческими, культурологическими и теологическими, что позволяет рассматривать лингвистику как неотъемлемую часть философского учения.

Начиная с 2013 года сборник становится рецензируемым. Привлеченные рецензенты представлены широко и в соответствии со спецификой предлагаемых в статьях тем научных исследований, а также на основе языка самой статьи, которым может быть не только любой славянский язык, но и английский или немецкий языки. В состав ре-

цензентов входят научно-педагогические работники, среди которых есть известные ученые Венгрии (Л.Ясаи, А.Золтан), Польши (А.Брацки, М.Лазински), России (Д.Сичинава, О.Остапчук), Украины (Л. Масенко, Н.И.Зубов) и др. стран.

17-й сборник выпущен под редакцией Энрике Гутьеррес Рубио (Испания, Чехия), Марты Фалковской (Польша), Екатерины Кисловой (Россия) и Мажены Степень (Польша). В сборник входят статьи ученых-славистов из Польши, Сербии, Украины, России, Чехии, Венгрии и Болгарии.

В 17-ом сборнике статей также исследуются различные вопросы лингвистики:

1. Проблема фонетики, фонологии, ритмики, просодики и транслитерации отражена в работах Екатерины Кисловой «Украинское произношение русского духовенства 18-го века»; Веры Берковец «Синтаксический параллелизм как способ создания ритма в украинских народных заговорах зубной боли» (Украина); Натальи Николенковой «Механизм транслитерации топонимов в переводческой практике XVII века» (Россия); Мажены Степень «Особенности просодики вводных слов. На примере польского языка» (Польша); Олены Мельник «Семантика первичных вокализованных междометий украинского языка» (Украина).

2. Особенности словообразования, семантика, а также лексическое значение слов рассматриваются в статьях Ильдики Палоши «Выражение реактива в русском языке» (Венгрия); Катарины Бегович «Руки в индо-европейском контексте» (Сербия); Александры Потоцкой «Лексема *талант* вчера и сегодня» (Польша); Натальи Сюджинской «Экспрессивные образования от названий родства» (Польша); Марты Жухович «Семантическая и синтаксическая характеристика польских глаголов *ramiętać* что-то кому-то и *zarotnieć* что-то кому-то»; Татьяны Жигун «Интерфиксы в системе морфемных единиц» (Украина); Александра Мудри «Гиперонимические и гипонимические отношения в земледельческой лексике русских в Воеводине» (Сербия); Йоанны Заухой «Лингвистические концепции прилагательных со значением меры и степени»; Магдалены Ванот-Мистуры «Пути образования субстантивной лексики на примере некоторых семантических групп».

3. Вопросы морфологии и синтаксиса выдвигаются в статьях Йоанны Гетки «Морфология «простого языка» 18-го века. На основе отдельных публикаций базилианской типографии в языке Руси в Почаеве» (Польша); Моники Яблоньской «Варианты дативных аналитических конструкций в польском языке»; Анны Кисель «*Wszak, wszakże, wszelako* и контекстуальность частиц» (Польша); Анеты Высоцкой «Иконичность синтаксиса журналистского высказывания. О роли последовательно-

сти в отношениях Ришарда Капуцинского из историй драматических событий».

4. Стереотипы, гендер, сексизм в языке, а также проблемы интерференции рассматриваются в статьях Петра Батко «Можно ли говорить о «сексуальном значении» единицы языка с формой *pragnąc*» (Польша); Катарины Беднарской «Кто должен *готовить*, а кто *работать*?» (Польша); Яны Мацуровой «Русско-чешские интерференции в чешской речи русскоговорящих жителей Праги (Чехия); Радослава Тсонева «Противительные союзы в разговорной речи болгарского языка».

5. Проблемы теории и практики перевода на материале исторических памятников и современных языков посвящены работы Светланы Тереховой «Современные подходы в лингвистике и теории перевода. Полипарадигматический переводческий анализ текста» (Украина); Софии Бжозовской «Язык переводов «Книг Мудростей» Ветхого Завета в славянских паремийниках XIII века», на примере П. 9, 1–6 (Польша); Себастьяна Пребышевского «Буквальность и буквальное значение»; Ксении Комаровой «О некоторых переводческих стратегиях С.С. Волчкова. На примере перевода «Достопамятное в Европе» 1747г. (Россия); Марии Иваницкой «Славянизмы как проблема перевода. Немецко-украинский перевод» (Украина); Екатерины Федоровой «Особенности перевода инфинитивных конструкций в «Толковом Евангелии от Луки» Феофилакта Болгарского» (Россия).

6. Вопросы истории славянской филологии и образования представлены в статье Ольги Сапрыкиной «Академик В.И.Ламанский как исследователь славянской филологии и истории» и Петра Крензеля «Пути образования сербов в XVIII веке».

Специфика ежегодного сборника «ПОЛИСЛАВ» состоит в том, что представленные в нем статьи посвящены самым разнообразным проблемам языка на различных его уровнях, в некоторых случаях выходящим за рамки собственно лингвистических. Это связано с тем, что научные интересы авторов статей в сборнике направлены также на то, чтобы показать взаимосвязь происходящих процессов в языке с другими экстралингвистическими факторами, влияющими как на структуру языка, так и на его развитие. Статьи, представленные в сборнике, показывают также широту и многонаправленность актуальных лингвистических исследований, в настоящее время представляющих интерес для славистов, а также новые направления в области лингвистики, которыми занимаются ученые-слависты из разных уголков Европы. Подобный способ сотрудничества между славистами из разных стран по-

зволяет делиться своими теориями, концепциями и представлениями в области лингвистических учений с учеными из других стран.

18-й сборник статей по материалам международной конференции Ассоциации славистов «ПОЛИСЛАВ» (www.polyslav-as.org), которая состоялась в сентябре 2014 года в Будапеште в Университете им. Лоранда Этвёша, выйдет в мае 2015 года.

В сентябре 2015 года в Польше в Варшавском университете состоится 19-я конференция «ПОЛИСЛАВ», в которой также примут участие представители научных и педагогических кругов из разных европейских стран.

Татьяна Лоикова-Насенко

Zemřel Václav Burian (1959–2014)

Na podzim minulého roku nečekaně zemřel vynikající překladatel a znalec polské kultury Václav Burian. Česká polonistika v něm ztratila nejen neúnavného propagátora a nezištného podporovatele, ale i talentovaného básníka, jenž své nadání věnoval překladům polské poezie.

Václav Burian se o polskou kulturu začal zajímat už v 70. letech, snad díky pravidelným cestám do Polska nejen za polským jazzem, bigbitem a kinematografií, ale i za svobodnějším politickým ovzduším. Z kádrových důvodů nesměl studovat vysokou školu, takže se živil jako chemický dělník, hlídač a domovník. Publikovat začal v českém samizdatu, je spojen zejména s olomouckým časopisem *Ječmínek*, v letech 1981–1987 vyšlo s jeho přispěním celkem osmnáct čísel. Pro omezený okruh čtenářů překládal texty Konwického, Wajdovy, Kołakowského, básně Stachurovy, Wojaczkovy, Herbertovy a mnohých dalších. Rokem 1982 se datuje jeho první překladové setkání s tvorbou Czesława Miłosze, k jehož poezii i esejistice se poté opakovaně vracel po celý život.

Po roce 1989 konečně může studovat, a tak na Univerzitě Palackého absoluuje polskou a českou filologii a jako diplomovou práci předkládá komentované překlady tří Miłoszových básnických sbírek. I přes přerušené doktorské studium zůstává příležitostným spolupracovníkem mnoha kateder, iniciátorem a účastníkem univerzitního života. Vždyť to byl právě Václav Burian, kdo vybídl polského básníka a nositele Nobelovy ceny Czesława Miłosze k návštěvě Olomouce a Univerzity Palackého v roce 1993. Do olomouckého, ale i obecně českého prostředí uvedl mnoho dalších autorů, kteří přijali jeho pozvání: Ryszard Krynicki, Ewa Lipska, Jurij Andruchovyč, Andrzej Stasiuk, Tadeusz Mazowiecki, Adam Michnik či jeho přítel z nejbližších, básník a překladatel Leszek Engelking.

Burian byl redaktorem a přispěvatelem mnoha kulturních časopisů, mj. polského deníku *Gazeta Wyborcza* a týdeníku *Tygodnik Powszechny*, olomouckých *Hanáckých novin*, týdeníku *Literární noviny* či časopisu

Scriptum. Pravidelně komentoval polské kulturní novinky, společenské a politické události, připravoval zvláštní čísla věnovaná polské literatuře, publikoval vlastní překlady. V době, kdy to vypadalo, že emigrační kulturní a politické časopisy budou patřit minulosti, se pustil do riskantního kroku: spolu s celoživotním nejbližším přítelem Tomášem Tichákem převzali v roce 2003 vydávání časopisu *Listy*, od roku 2007 pokračovali i v tradici česko-slovenského časopisu *Mosty*. Neméně významná je i vydavatelská činnost této dvojice v jejich společném Nakladatelství Burian a Tichák.

Jako překladatel se v průběhu let vracel i k židovské tematice, ať už překladem Shmerukových *Dějín literatury jidiš* (1996), nebo svým posledním knižním překladem, jímž byla historická publikace Toma Segeva *Sedmý milion (Izraelci a holocaust)* v roce 2014.

Česká kulturní a vědecká obec na něj bude vzpomínat jako na neúnavného šířitele literatury a kultury „mezi Labem a Vladivostokem“, bystrého kritika společenských či politických poměrů a nešvarů, jedinečného publicistu i čtenáře s výjimečnou schopností kritické analýzy novinářské práce. Jeho velký a bohužel nenaplněný sen vytvořit „hodně tlustý a pokud možno dobrý“ výbor z Miłoszova básnického díla zůstává závazkem pro celou českou polonistiku.

Jan Jeništa

Životní jubileum prof. PhDr. Jany Sokolové, CSc.

25. července 2014 oslavila životní jubileum významná slovenská lingvistka, rusistka, zakladatelka a vůdčí osobnost nitranské rusistické školy prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc.

V r. 1978 absolvovala jubilantka obor ruský jazyk – anglický jazyk na FF UK v Bratislavě, kde také v r. 1980 získala titul PhDr., a to na základě obhájení rigorózní práce s názvem Грамматическая категория времени и транспозиция форм. Jejím vědeckým školitelem v aspirantském studiu byl prof. dr. Ján Horecký, DrSc., pod jehož vedením v r. 1986 obhájila disertační práci *Sémantika kvalifikačných adjektív*. V pozdějších letech měla J. Sokolová možnost s prof. Horeckým aktivně spolupracovat na monografii *Modelovanie a lingvistika*, která vyšla v r. 2003, nedlouho před Horeckého smrtí. Roku 2002 se jubilantka habilitovala v oboru slovanské jazyky – ruský jazyk (habilitační práce *Aspekty tvorenia pomenovaní*) a v r. 2005 byla jmenována profesorkou pro obor slavistika: slovanské jazyky (Inaugurační přednáška nesla název *Variantnosť jazyka, variantnosť v jazyku*).

Publikační činnost prof. Sokolové je vskutku úctyhodná. Pomineme-li stovky odborných statí a drobnějších příspěvků v časopisech a sbornících, je autorkou nebo spoluautorkou neuvěřitelného počtu dvaceti dvou knižních publikací, jejichž akční rádius je velmi široký: badatelský zájem prof. Sokolové zahrnuje ruskou gramatiku, ortografii, lexikologii, teorii pojmenování, lingvistiku textu, kognitivní lingvistiku, obecnou lingvistiku, metodologii vědeckého výzkumu a další disciplíny. O kvalitě a úrovni jejich publikací svědčí mj. i početné citační ohlasy v zahraničí. Z autorčinných vědeckých monografií a učebnicových textů namátkou jmenujme např. tituly *Krátky rusko-slovenský slovník trhovej ekonomiky* (1995); *Ruská obchodná korešpondencia. Modely konvenčných fráz* (1998); *Tri aspekty jazykovej nominácie* (2002); *Sémantika kvalifikačných adjektív* (2003); *Variantnosť v jazyku a variantnosť jazyka* (2004); *Obchodná ruština v systéme lexikálno-gramatických cvičení* (2006); *Лексическая основа русского языка* (2007); *Základy filológie. Lingvistika* (2009); *Основы орфографии* (2010); *Tri aspekty verbálneho textu* (2012); *Paradigmatika ruského jazyka* (2013); *Lexika súčasného ruského jazyka* (2014).

Profesorka Sokolová je mezinárodně uznávanou a respektovanou představitelkou současné slovenské jazykovědné rusistiky a obecné lingvistiky. Pro její „vědecký rukopis“ je příznačný přísně systémový přístup k řešeným problémům a věcné a obsažné vyjadřování provázené snahou o komplexní uchopení sledované problematiky.

Neméně záslužné jsou organizační aktivity jubilatky. Z této oblasti jmenujme alespoň její funkci vedoucí katedry rusistiky FF UKF v Nitře, předsedkyně oborové rady stud. oboru slovanské jazyky a literatury – ruský jazyk na téže fakultě, členství v redakčních radách časopisů *Rossica Olomucensia* a *Linguistica Brunensia* a mnoho dalších. S jejím jménem je spjat vznik a vydávání recenzovaného časopisu *Rossica Nitriensia*, časopisu pre otázky teórie ruského jazyka a kultúry. Prof. Sokolová má také rozhodující podíl na konstituování nových, perspektivních studijních oborů a progresivním směřování nitranské rusistiky v současnosti. Je úspěšnou řešitelkou a spoluřešitelkou více než desítky vědeckovýzkumných projektů a grantů, které řeší ve spolupráci s významnými společenskovědními institucemi. Pečuje o vzdělávání „lingvistického dorostu“, vychovala několik doktorandů. Bez nadsázky lze říci, že prof. Sokolová je duší nitranské rusistiky a nemalou měrou se podílí na jejím dobrém jméně v domácích i zahraničních odborných kruzích.

Prof. Jana Sokolová je dlouholetou příznavkyní naší katedry, navzájem spolupracujeme v oblasti lingvistického výzkumu i na poli vědecko-pedagogickém. Do mnoha dalších let upřímně přejeme paní profesorce především pevné zdraví, hodně sil, neutuchající pracovní elán a tvůrčí entuziasmus a těšíme se na další plodnou spolupráci s ní i s jejím pracovištěm.

Zdeňka Vychodilová

Návštěva prof. V. V. Chimika na katedře slavistiky FF UP

Říjen 2014 byl pro katedru slavistiky Filozofické fakulty Univerzity Palackého měsícem návštěv zahraničních hostů. Pozvání těchto odborníků byla uskutečněna pod záštitou projektu UPdoc – Diverzifikace a systematizace postgraduálního studia na FF UP v Olomouci (CZ.1.07/2.2.00/28.0179). Kromě prof. Maxima Anisimoviče Krongauze navštívil naši olomouckou alma mater také prof. Vasilij Vasiljevič Chimik, Ph.D., vedoucí katedry ruského jazyka pro fakulty humanitních a přírodovědných věd Filologické fakulty Petrohradské státní univerzity. Oblast vědeckého zájmu prof. Chimika zahrnuje ruskou gramatiku, lexikologii, teorii i praxi výuky ruštiny jako cizího jazyka, ve své pedagogické praxi se mj. zaměřuje na problematiku jazykového standardu a normativnosti ruštiny. V. V. Chimik je také autorem celé řady článků a studijních materiálů a spoluautorem několika publikací. Z jeho vědecké práce tak vzešla monografie *Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен* (2000), ze slovníků nelze nezmínit *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи* (2004) nebo *Давайте говорить правильно! Словарь русских эмоционально-экспрессивных преобразований* (2007). Ze studijních materiálů bych podtrhla *Практический синтаксис русского языка: Учебное пособие для иностранных учащихся* (2001) nebo *Основы русской деловой речи: Учеб. пособие для студ. нефил. высш. учеб. заведений* (2010). V neposlední řadě za zmínku stojí také jeho komentář k zákonu O státním jazyce Ruské federace (*Государственный язык Российской Федерации: языковая норма и ценностные ориентиры русской речи*, 2009).

Během své návštěvy v Olomouci připravil prof. Chimik pro studenty slavistiky a další zájemce z řad akademické obce tři přednášky, které byly zaměřeny na současnou hovorovou ruštinu a právě zmiňovanou problematiku jazykového standardu. Tématy přednášek byly současná ruská jazyková kultura a řečová realita, ruská hovorová řeč – teoretické a praktické aspekty a ruská pragmatická slovtvorba. Přestože přednášky prof. Chimika byly primárně určeny pro studenty doktorských studijních programů, těšily se hojně účasti z řad studentů magisterského studia.

V úvodu první přednášky prof. Chimik hovořil o jazykové situaci v Rusku, zmínil jazykovou i etnickou rozpolcenost a upozornil na fakt, že na území Ruské federace najdeme více než 160 etnických skupin, přičemž 81 % z nich se považuje za Rusy. Podle jeho slov je základním stavebním kamenem národního jazyka potřeba identity a vzájemného pochopení. Právě tato etnická a jazyková pestrost dala vzniknout velkému množství dialektů, žargonů a funkčních stylů, ale byla také impulsem pro zákonodárce

k vymezení „státního“ jazyka (*Закон о государственном языке РФ, 2005*). Tento „státní“ jazyk vymezuje jazykovou normu neboli standard. Právě umění v dané situaci vhodně zvolit standardní či nestandardní jazykové prostředky pak chápeme jako jazykovou kulturu.

Prof. Chimik dále upozornil studenty na existenci dvou typů jazykových norem – direktivní a deskriptivní. Direktivní normy se týkají především psané podoby jazyka a jsou určovány odborníky – pravidla interpunkce, pravopisu atd.; deskriptivní normy se pak týkají spíše mluvené řeči, kde se kromě normativních tvarů objevují také varianty – např. v pozici přízvuku. V souvislosti s výše uvedeným dochází k rozšiřování normativní základny ruského jazyka. Zde prof. Chimik uvádí jako příklad Výkladový slovník ruského jazyka počátku 21. století pod redakcí G. N. Skljarevské (*Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика, 2008*), kde dvě třetiny tvoří slova s aktualizovanými významy, která byla převzata z různých žargonů (např. z žargonu mládeže, ze zločineckého žargonu nebo žargonu byrokracie). Dříve se ruština formovala na základě písemného jazyka – proto také pro spisovný jazyk používáme výraz „литературный“, dnes je základem pro jazykový standard mluvená řeč. V jazyce můžeme sledovat celou řadu jevů – stejně jako dochází k demokratizaci společnosti, dochází i k demokratizaci jazyka, dále se v ruštině setkáváme s kolokvializací, s familiarizací nebo vulgarizací veřejného projevu.

Druhá z proslovených přednášek byla věnována hovorové ruštině a jejím teoretickým a praktickým aspektům. Zde hovorovou (mluvenou) ruštinu chápeme jako jednu z útvarů národního jazyka, jakousi nadstavbu hovorového funkčního stylu. Specifikem této mluvené ruštiny je ústní podání, spontánnost a spisovnost. Můžeme vymezit tři typy mluvené ruštiny – veřejnou, běžný každodenní jazyk a běžný profesionální jazyk, přičemž každý z těchto typů se odlišuje výběrem lexika a různou potřebou ohledu na jazykovou normu. Hovorovost jazykových jednotek může být vyjádřena foneticky, gramaticky, lexikálně či frazeologicky. Mezi určující příznaky hovorovosti pak řadíme sníženost, expresivitu a difúznost (nestálost, rozptýlenost). Míra projevu jednotlivých příznaků se může samozřejmě lišit – např. různou intenzitu sníženosti lexika můžeme najít ve slovníku pod označením „разг.“, „жарг.“, „груб.“, „вульг.“, „неценз.“, u expresivity záleží na různých okolnostech, protože v různém prostředí a odlišné situaci se expresivita může jevit rozdílně, difúznost hovorových prostředků se může projevit na formální i obsahové úrovni, kdy slova chápeme spíše na základě kontextu než izolovaně. V závěru druhé přednášky prof. Chimik shrnul znaky současné hovorové ruštiny – sociokulturní pestrost, heterogenost a polyfunkčnost užití, kromě toho na příkladech demonstroval, že lidová mluva není příznakem nevzdělanosti, ale

naopak vysoce vzdělaným lidem slouží jako prvek expresivity, čímž dochází ke stírání rozdílů mezi posluchači a řečníkem.

Třetí a současně poslední z proslavených přednášek byla primárně určena akademickým pracovníkům – členům katedry a doktorandům a byla věnována pragmatické slovtvorbě. V úvodu přednášky bylo nutné vymezit rozdíl mezi kognitivní a pragmatickou slovtvorbou. Kognitivní slovtvorba představuje tvoření nových slov od výchozího slova se stejným kořenem. U pragmatické slovtvorby nejde ani tak o tvoření nových slov, ale spíše o pojmenovávání jednoho denotátu jiným způsobem – jedná se o varianty pojmenování, u kterých můžeme najít pragmatické nuance. U těchto pojmenování pak ve slovníku najdeme funkční poznámky, přičemž řada tvarů je v podstatě nadbytečná (např. jméno Александр má v ruštině více než 60 variant – Алексаша, Саша, Саня, Шура, Саха...; jméno Наталья okolo 30 variant – Наташа, Натка, Натуся, Наташка, Ташка...). Příznačným pro pragmatickou slovtvorbu je tvoření deminutiv (zdrobnělin) a augmentativ (jmen zveličených). Pro ruštinu je pro tvoření jmen zdrobnělých i zveličených typická sufixace – v ruštině najdeme okolo 10 přípon pro tvorbu zdrobnělin a více než 20 přípon pro tvoření jmen zveličených, přičemž zdrobněliny získávají častěji kladnou konotaci, jména zveličená spíše konotaci negativní (např. дом – neutrální, домик, домишко – zdrobněliny, домище – jméno zveličené). Může to však být i naopak, vždy záleží na vnímání ideálu denotátu v daném kulturním prostředí (např. lexémy „ум“ a „богатый“ – neutrální denotace, spíše pozitivní konotace; derivované lexémy „умишко“ a „богатенький“ – negativní konotace).

U pragmatické slovtvorby je velmi důležitým aspektem funkční motivace. Pragmatická slovtvorba se tak aktivizuje např. na základě tzv. dětského motivu – ať už jde o dětskou hatmatilku, během níž si děti vytváří vlastní slova pro pojmenování věcí a jevů kolem sebe, nebo o „нянюшкин“ jazyk, tedy o přizpůsobení jazyka dospělých při rozhovoru s dětmi. Mezi další neméně časté motivy řadíme profesionální motivaci či motivaci sociálními skupinami. V neposlední řadě je nutné zmínit také motivaci kreativně-tvůrčí, se kterou se setkáváme v umělecké literatuře. V každém případě se v ruštině častěji setkáváme s negativním hodnocením. V poslední části přednášky se prof. Chimik věnoval pragmatickým derivátům v oblasti žargonu a důvodům jejich používání – mezi ty hlavní řadíme zjednodušení a ekonomii jazykových prostředků a expresivitu. Celý blok přednášek byl uzavřen bezesporu pravdivým závěrem, že naše řeč je naší vizitkou.

Všechny tři přednášky byly pro studenty velkým přínosem, protože měli možnost setkat se s odborníkem na jazykový standard, který nejen poutavě a srozumitelně prezentoval studentům celou problematiku, ale současně byl

přístupný diskusi a se studenty vedl živou debatu. Díky bohatým zkušenostem prof. Chimika s výukou zahraničních studentů na jeho domovské katedře byly všechny přednášky i jazykově srozumitelné. Celkový projev prof. Chimika byl velmi distingovaný, kromě vysokých odborných znalostí v oblasti studia jazyka je prof. Chimik obdařen také vysokou dávkou charismatu, a je tak nejen poutavým řečníkem, ale i velmi příjemným společníkem během neformální komunikace. Během návštěvy Olomouce prof. Chimika doprovázela jeho manželka Irina Alexandrovna, která se rovněž zapojovala do diskusí na přednáškách a svá tvrzení vždy obohatila svým pohledem kulturologa, čímž studentům nabídla i pohled z další perspektivy.

Ivana Tilkeridu

V časopise jsou publikovány původní vědecké a odborné studie s filologickou problematikou (od r. 2008 tvoří původní stati 80 % obsahu čísla) a další materiály (recenze, zprávy, kronika) z oblasti jazykovědné a literárněvědné rusistiky a dalších slovanských filologií. Příspěvky lze publikovat ve všech slovanských jazycích a v angličtině. Příspěvky jsou opatřeny anglickým abstraktem. V r. 2008 byla ustavena redakční rada a všechny příspěvky důsledně procházejí nezávislým, anonymním recenzním řízením.

Jsou přijímány pouze příspěvky, které nebyly dosud publikovány a nejsou přijaty k publikaci v jiném časopise, v tomto smyslu se podepisuje s autorem příspěvku přijatého k publikaci licenční smlouva vypracovaná právním oddělením UP v Olomouci. Poskytnuté příspěvky musí respektovat níže uvedené formální pokyny. V případě jejich nedodržení se příspěvky vrací autorům k úpravám a doplněním.

Všechny příspěvky procházejí nezávislým, objektivním, anonymním recenzním řízením (dva nezávislí posuzovatelé, z nichž ani jeden není členem redakce či pracovníkem stejného pracoviště jako autor či spoluautor).

Příspěvky je možno zasílat během celého roku. Uzávěrka je vždy k poslednímu dni měsíce ledna a června příslušného roku.

Pokyny pro autory:

Texty příspěvků zasílejte na e-mail:

jindriska.kapitanova@upol.cz (studia linguistica),

jitka.komendova@upol.cz (studia literaria).

Soubor v elektronické podobě musí být uložen pod příjmením autora (bez diakritiky, latinkou) s koncovkou .doc nebo rtf (např. novak.rtf, vychodil.doc).

Struktura a úprava příspěvku:

Jméno autora bez titulů v pořadí: jméno, (jméno po otci), příjmení.

Stát a město, v němž autor příspěvku působí.

Název příspěvku.

Abstrakt v angličtině v rozsahu min. 500 až 700 znaků s mezerami včetně názvu stati v angličtině. Uvádí se za slovem Abstract:

Klíčová slova v angličtině: 10–15 slov, oddělují se pomlčkami. Uvádí se za slovy Key Words:

Text příspěvku: základní text font Times New Roman, vel. 12 pt, řádkování 1,5, zarovnání vlevo, okraje 2,5 (nahore, dole, vlevo i vpravo). Neformátovat – formátování se v převodu do sázecího editoru ruší. Entrem oddělovat pouze odstavce, odstavce neodrážet ani neoddělovat mezerami. Nestránkovat (stránky vyznačit případně pouze na tištěný text ručně). Mezititulky neoddělovat mezerami.

Celý text a všechny další součásti se píše fontem Times New Roman, vel. 12 pt. Doporučený minimální rozsah 27 000 znaků včetně mezer (včetně jména, názvu, abstraktů, klíčových slov, vlastního textu, poznámek, seznamu použité a excerpané literatury). Klíčová slova v textu (bez uvozovek) a příklady (bez uvozovek) se uvádějí kurzívou. Pro zvýraznění používejte tučné písmo. Podtrhávání není přípustné. Citace se uvádějí uvozovkami specifickými pro každý jazyk. Odkaz na citovanou či použitou literaturu se uvádějí v hranatých závorkách s uvedením příjmení autora, roku a čísla strany: [Novák 1997: 65]. Poznámky pod čarou používejte pouze pro doplňující informace, nikoli jako odkaz na literaturu - budou převedeny na vysvětlivku za textem.

Příklady uvádění jednotlivých titulů (základní formy) v seznamu literatury:

Kniha, monografie, učebnice:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Článek v časopise:

GREGOR, J. (2006): *Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického)*. Opera Slavica XVI, 2006, č. 4, s. 11–26.

Příspěvek ve sborníku:

JANČÁK, P. (1989): *Mluva v severozápadočeském pohraničí*. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krémová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Informace o autorovi:

Jméno včetně titulů.

Stručný odborný vědecký profil.

Adresa pracoviště.

Internetová stránka pracoviště.

E-mail autora

Autoři odpovídají za jazykovou a gramatickou správnost textu. Příspěvky v rozporu s uvedenými pravidly, neschválené recenzním řízením či neodpovídající zásadám etiky nebudou publikovány.

Требования к оформлению статей

Общие требования:

Для публикации в журнале принимаются статьи филологического, т.е. языковедческого, фразеологического, литературоведческого, переводческого содержания на всех славянских языках и английском языке, рецензии, информация о научных конференциях. Материалы публикуются бесплатно.

Принимаются только материалы, которые до сих пор не были опубликованы в другом журнале – в этом смысле с авторами статей заключается и подписывается соглашение о предоставлении редакции права опубликовать данные материалы.

Предоставленные в редакцию статьи должны отвечать указанным ниже требованиям. В случае несоответствия материалов требованиям последние возвращаются авторам для переработки.

Все статьи подвергаются независимому, объективному, анонимному рецензированию.

Материалы в редакцию можно предоставлять в течение всего года. Первый номер выходит обычно в первой половине года, второй к концу того же года.

Авторы статей, рецензий, информации о конференциях, хроник несут персональную ответственность за языковую и грамматическую точность текста. Отклоненные рецензентами тексты к публикации не допускаются.

Тексты для публикации высылать по эл. почте: jindriska.kapitanova@upol.cz (studia linguistica), jitka.komendova@upol.cz (studia literaria).

Требования к оформлению статей, материалов

Файл должен быть назван по фамилии автора только латинскими буквами с расширением doc. или rtf. (например, *novak.doc* или *novak.rtf*).

Структура статьи:

Имя, (отчество) и фамилия автора

Название страны и города

Название статьи на языке статьи

Резюме на английском языке, включая переведенное на английский язык название статьи. Резюме приводится после слова Abstract: Объем резюме ок. 500–700 знаков.

Ключевые слова (10–15 слов под рубрикой Key Words:).

Основной текст статьи печатается 12 кеглем в Times New Roman, межстрочный интервал 1,5. Все поля – 2,5 мм. Абзац обозначать только

с помощью клавиши Enter, переносов не делать, страницы не нумеровать.

Редактор: Word for Windows.

Рекомендуемый минимальный объем текста 27 000 знаков (включая интервалы, текст, резюме и список использованной литературы).

Ключевые слова и слова-примеры, предложения-примеры выделять курсивом, в случае необходимости – жирным.

Цитаты выделять кавычками, не используя курсив (образец: «Цитата», „Citace“, “Citation”).

Ссылки в тексте оформляются квадратными скобками, где приводится фамилия автора, год издания и страница по образцу: [Бархударов 1975: 190–213].

Сноски просьба использовать только для примечаний, ссылки на использованную литературу оформлять так, как указано выше.

Подчеркивания не допускаются.

Список использованной литературы приводится в конце статьи под рубрикой *Использованная литература*:

Книга:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Статья в журнале:

GREGOR, J. (2006): *Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického)*. *Opera Slavica XVI*, 2006, č. 4, s. 11–26.

Статья в сборнике:

JANČÁK, P. (1989): *Mluva v severozápadočeském pohraničí*. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Профиль автора:

Ф.И.О., включая ученую степень, звание

Краткое представление научных интересов автора

Полный адрес университета (места работы)

Веб-сайт организации:

Электронная почта автора:

ISSN 0139-9268 (print)
ISSN 1804-1434 (online)